

ISSN 2221-9331

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Том 40
2020

Главный редактор — Л. И. Мачулин

**Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.**

Адрес для писем:
e-mail: editor2016@ukr.net
<http://knigoizdat.org.ua/>

Леонід МАЧУЛІН

«В МАЙЖЕ ЮВІЛЕЙНОМУ...»

В майже ювілейному, 40-у номері ми маємо, як на мене, шикарну добірку поезії і прози. І не тільки тому, що тут друкуються талановиті представники чотирьох держав. А ще й тому, що добірка різностильова, різноманітна, цікава і надихаюча. На десерт читачеві подаємо нарис про перебування Нобелівського лауреата Івана Буніна в Харкові та його зізнання в закоханість в це українське місто...

Тож, запрошую, шановні, до номера. Але перед тим рекомендую ознайомитися з презентацією Міжнародної німецько-української премії імені Олеся Гончара від голови її журі, лауреата Національної премії України імені Тараса Шевченка і автора «Слов'янина» вельмишановного Петра Перебийніса.

ДАЛЕКОСЯЖНІ ЮНІ ГОЛОСИ

Літа пливуть під небесами. Тільки подумати. Той квітень дев'яносто сьомого – уже за перевалом віків. Тоді були ми ще осінні, а нині сяємо снігами. Та й першим лауреатам Гончарівської премії уже під п'ятдесят. І все ж приємно усвідомлювати, що нам судилося стояти біля колиски вічно молодій премії, яка народилася на зорі Української Незалежності...

А почалося все з однієї зустрічі. Відома в Європі майстриня слова, член Спілки німецьких письменників Тетяна Куштівська брала для газети «Neues Deutschland» інтерв'ю в Олеся Гончара, який дуже тепло говорив про молодих українських письменників. Про це довідався від Куштівської іменитий бібліофіл, знавець літератури та підприємець Дітер Карренберг, і в них виникла ідея заснувати німецько-українську премію імені нашого класика. Звісно, що ми в Україні гаряче підтримали ініціативу німецьких друзів. Нас було тоді небагато: Валентина Гончар, Іван Драч, який був першим головою журі, а також Микола Жулинський та Віталій Абліцов.

Цікаво, що за багато років журі премії особливо не змінилося. Лише

недавно до нього увійшла визначна україністка із Лейпціга Наталка Бьорнер.

Майже чверть століття минуло від часу заснування престижної в Європі та Україні премії. Понад сто шістдесят молодих талантів з різних міст і сіл нашої країни стали її лауреатами. Серед них – і цьогорічні переможці Вероніка Калитяк з Івано-Франківська, Владислав Гранецький-Стафійчук із Вінниці, Ірина Сажинська із Києва, Катерина Красножон із міста Вишневого на Київщині, Дарина Гнедих із села Грушівки Криворізького району на Січеславщині.

Важко уявити сьогодні культурний простір України без такої унікальної творчої відзнаки. Адже це винятково приватна міжнародна премія. На фінансування її грошової частини німецькі меценати Дітер Карренберг і Тетяна Куштевська віддають чималі власні заощадження. Але мова навіть не про кошти. Наші друзі платять нам святою любов'ю до України, до її літератури. От би почув це хоч якийсь український олігарх!..

Одна з недавніх книжок Тетяни Куштевської має назву «Ich lebte tausend Leben» («Я прожила тисячу життів»). Серед цієї тисячі є щасливі долі багатьох юних українців. Двадцять три роки нашої премії. Для однієї людини це не так багато. А для молодіжної премії це космічний час. Бо в ньому сконденсована чудодійна енергетика неупокорених талантів.

Ми вдячні нашому колезі, головному редакторові авторитетного харківського журналу «Славянин» Леонідові Мачуліну за оперативну публікацію про двох нинішніх лауреатів. Це ще одне яскраве свідчення великої уваги літературної громадськості до Гончарівської премії, до благородної діяльності вірних наших друзів Тетяни Куштевської та Дітера Карренберга, яких ми називаємо надзвичайними і повноважними послами Німеччини у державі Українського Слова.

Нехай же там, на сході України провісною луною відгукнуться далекосяжні юні голоси!

*Петро Перебийніс,
лауреат Національної премії України імені
Тараса Шевченка,
голова журі Міжнародної німецько-
української премії імені Олеса Гончара.*

Ірина САЖИНСЬКА

СВОЯ МОВА

ТРИ КОРЕНІ

горіх навпроти розбитого вікна
росте ще від мого дитинства
і нагадує вавилонську вежу
адже біля нього всі забувають
свою мову

це жилаве дерево із сильним корінням
розломило асфальт навколо себе
ми чули вночі
як тріскалось земне піднебіння

на ранок я мала порахувати
кількість оголених коренів
нарахувала — три

це рівняння з багатьма невідомими
має три корені

думаєш можна було б спробувати
методом підстановки?

ПІСОК

давно малослів'я стало
тілом і духом моїм
виношую слів кісточки сливові
в горлі скляному

я знаю
їм треба земля
вони просять землі

бо треба належно проститись
та тільки пісок
тільки блакитний пісок
на вологому склі

вони ще не відають —
їм пальцями неба не дерти
човнами тіней не відбутись

хіба зрозумієш мене?
хіба ти такий же як я?

вдихаючи світло та вітер
ти вже не помреш
бо декілька слів
що казав ти їх кореню
другого з трьох кипарисів
зросли у приморських степах
пам'яттю — догори

ЛЕТ

ніколи не виходила зі свого дому
а тут взяла й вийшла з теплого живота кургану
роззирнулась навколо
питаю в простору

— чого це листя настільки довготривале?
— чого це квіти настільки швидковмирощі?

Баба котра померла ще в сорокових
у застінках КДБ
зійшовши з диму відповіла

— це лише лет прости господи
слинить бог червоний олівчик
щоб викреслити кого-небудь і сказати

нічого особистого

ЧОРНА ГІЛКА

королева наказала посадити вишневу кісточку
в мою голову
краще звісно під ребрами
та сама ти не зможеш
криворука ти наша

кісточка довго не проростала

а цієї весни
розкроїла надвоє світлу голову
чорна гілка

йду і чіпляюсь за повітряних зміїв
аж зуби їхні ламаються

ІУДОВЕ ДЕРЕВО

перше слово колись пролунало біля собачого гирла.
звідси все почалось — не закінчатись комбінації
літер. читай по губах: в-І-Р-у-ю,
вірую в тебе, юний боже акації,
бузку, липи та дерева, котре звуть іудовим,
із дрібними квітами, що тягнуться до печалі.

найголовніше — це слово. і воно не підвладне людям,
бо його й не людина вимовила спочатку,
а той, хто створив це плесо і потім його зім'яв,
зачепивши із миром слоїк.

у мене нічого немає. лише ім'я,
котре ненавиділа малою.

що я чую, крім млості твоєї божої?
що я чую, крім гострої шпильки світла?
викинь мою голову та ховай її якомога довше,
якщо більше не буде слів там.

ЧОРНА БУХТА

я послухала землю й загубилася в полі струн.
і не знаю маршруту назад, дороги додому
я люблю це місто як рідну свою сестру,
що її сховали від мене, а де — невідомо.
я люблю це місто, якого не перейти,
у якому із мене зароджене слово вичавили.
а я йду проспектом до порогів дому води
у розношених часом зозулиних черевичках.
це тому що повітря висне на дні речей,
де спокійно тче порожнечу на двох дорослих.
і це місто перетворюється знічев'я
на червоний туман, на срібне волосся.
і тому приходить сестра, виникає із
передмістя, в якому двигтить почорніла бухта.
вкотре ми прослухали як наблизився падолист,
бо ми вічно жили у ньому, виловлюючи попутки
з глибини дороги, в яку ні ногою. так
і виникла наша з нею спільна традиція:
на тлі цього міста будувати інші міста.
пам'ятати про це вчить мене рідна сестра,
якої давно немає. яка мені досі сниться.

ХВИЛЕРІЗ

на початку літа тут спокійно й тихо.
чорна вода безкінечно полоще рябий пісок,
на гаряче плече лягає розмоклий, витканий з пилу, промінь.
море завжди впадає у найтривожніший і найдовший сон:
той, що завчасно лишає найглибші лінії на долонях.

але просто зараз батько з рибалками гучно сміється на хвилерізі
— знову дурний мальок.
мені немає чого боятись. хіба застуди, що минеться згодом.
я взяла з собою тільки етюдник мушлі, надтріснуту риб'ячу пісню
та невеликий віршик, розміром із пташину голову.

верби перешіптуються павутинною мовою під протертим місяцем.
батько розказує, ніби казку, як від торби з уловом раптово
відірвалась ручка,
й випала напівпрозора рибка.
і так безпорадно вдихало повітря це лускате сріблясте тільце,
що аж смішно. як я на неї схожа щоразу, коли ти ідеш назустріч.

КІСТОЧКА

а завтра тягнутиме холодом зі шпарин —
ти одіж поцупиш в отруйного павука.
що привезеш? серця розчавлений нектарин,
який не досягнув у ніжних твої руках.

сон, де ростуть моря між полів, а я
залишусь навіки тихою та ламкою.
щоночі я падаю в пам'яті чорну яму,
що поросла мелісою та левкоєм.

не розірвати це коло ніяк, авжеж.
ти озирнешся довкруг — і мене не стане.
скажи мені, що попросиш, що забереш,
що візьмеш у жінки з посинілими вустами.

ми збачимось там, де місяць лежить навznak
і м'якоть в руках — розмазаний знак питання,
а кісточка падає в землю, щоб слідувати за
проростанням.

КІМНАТА

кімната вдихає дим — видихає найтоншу вовну.
як не прокинешся, бачитимеш себе згори.
голос стишується всередині, та лунає зовні,
аж підлога починає розхитуватись і рипіти.

коли місто прокинеться — тремтіння переросте
у каміння на денці глека, в якому застрягнеш,
але битиметься посеред тверді безбарвне серце
безсенсовно й безперестанно.

щоби хрипло звучали мушлі старих віконниць,
щоби листя застигло над тріщинами дороги.
подихорухий боже, ти не з'явишся тут ніколи,
тут, де голос триває довше, ніж просто довго.

ГОРЛИЦЯ

батько каже: вирости біля моря — це вже мистецтво:
вечір перетікає у ранок настільки довго,
ніби житимеш вічно, якщо не до наступного літа.
сіра пейна неба дощі виспівує до медуз;
у чоловіка, якого ти любиш, котрого назвали так, ніби він дорівнявся
до бога,
зовсім нічого немає, окрім музики

та креслення кам'яного серця, в якому він досі не наважився
розібратись, він сам так вирішив.
горлиця ледве злітає над гучною прірвою, що я скрикую,
пориваючись її врятувати,
але батько продовжує: зараз зірветься через тебе велика риба, і
ти намалюєш про це картинку, напишеш віршик,
тобі навіть ця риболовля потрібна, аби бути на варті

мистецтва, яке ти створиш, а не з якого сама проросла, і до якого
— як не стараєшся — не доростеш ніяк.
послухай мене, не вертайся назад, ти не те, щоби серця з каменю,
ти ж і звичайного креслення не зрозумієш.
велика риба мене не цікавить, бо горлиця летить над прірвою і
майже зливається з морем розбурханим, небом зім'ятим,
відчайдушно бореться з вітром.
а потім, остаточно розчинена втомою, заплющує очі й
розбивається об каміння.

МІ

Михайлові

не довіряйся цим ламким слідам,
бо ніч на узбережжі — це біда:
асиметричні лапища лускаті.
ти в місті цім не з'явишся, авжеж.
це узбережжя хворе. врешті-решт
ти сам про це повинен здогадатись —

від імені лишаються склади.
і ти прохаєш: боже, ну склади
для мене дім без болю та скорботи.
господь — співочий зодчий без домів —
скорочує ім'я до ноти мі,
записує тебе у зошит нотний.

не знаючи про камінь у руках
і вірячи, що нота — ліпший цвях,
він думає, що дім тобі дарує.
аж ось ти вже лунаєш на усі
можливі й неможливі голоси,
та стихено звучить твоє відлуння,

яке сюди ніхто не принесе.
скажи мені, чому це тільки се...
це лінія пряма кардіограми.
дивись згори, що двійко є нових:
з'явилися щойно, тож славимо їх!
нехай вони насправді стануть нами.

ЦИФРИ ТА ЛІТЕРИ

ця цілюща вода зрозуміла як математика:
скільки її не пий — алгоритм однаковий.
я навчилась одиницю у голові тримати,
зла не тримати, ніколи не плакати.

але розумієш тут така справа з гіпотезою:
я її доводила, поки була притомна.
та вода мене збила і я собі перекочуюсь,
перетворюючись на крапку з комою.

я проходила хвилями, котрі були під вартою,
кров'ю омила воду цю, кров'ю витерла.
я рахуватиму, я обіцяю, що рахуватиму,
доки остання цифра не стане літерою.

ЗОЗУЛІ

нас було три зозулі — і всі з поклоном:
билися головою об стіну й стелю.
як тільки різдвяні наїдки охололи,
із нас почали кепкувати усі місцеві.

нас було три сестриці — всі безталанні,
тому нас ніхто не любив і ніхто не мучив.
а ми раділи, що з нами нічого не станеться,
і мляво просились господові на ручки.

та сталося все, крім тебе, бо ми останні
були за межею прозорими та незримими.
за вікном у гнізді білий конверт зростає
з листом у ньому, який ти вже не отримаєш.

аж будуть жарти вішатись нам на шиї
від малюків або від дядька чи тітки.
а ми посміхатись будемо по-пташиному,
бо нас було три зозулі. і всі з привітом.

ЛИСТОТІЛ

народжусь листотілом, то як ти мене малюватимеш?
як ти казатимеш: стань прямо чи стань щасливою?
зобразиш на полотні мене поряд із молодого матір'ю
та її волооким сином?

я боюсь, що ти мене не розгедиш у плетиві,
у тонкому мереживі з голосу та мовчання.
бути листотілом — це все одно що бути поетом,
тобто жити, знаючи, що тебе розчавлять.

МІСЯЦЬ

любов не має межі. та я запевняю: люблю тебе більше.
не маю чим довести, крім як словом та вмінням читати небесну карту:
вайлуватий вересень айстри скляні розвішує
замість зірок, яким немає чого осявати.

що я можу тобі віддати? красиве та справжнє сліпе ніщо,
котре я привезла з собою, як скарб, у старій валізі.
ти дивишся у вікно, а на небесний шовк
викочується годинник зі зламаним механізмом:

щосуботи опівночі тут спочатку гримить, а згодом дощ уперіщує,
аж здається, що це востаннє, що ненадовго.
ти приходиш до мене й одразу перетворюєшся на вірш,
тому що битому — бите, богу — богове,

та лише поету — слова, наче стиглі яблука в емальованій мисці,
і знання: як надкусиш бодай одне — то примножиш відчай.
що таке любити? — запитуєш.
любити тебе — це завмирати, коли білоокий місяць
твій пташиний профіль підсвічує.

Вероніка КАЛИТЯК

ГАРЯЧИЙ ВІСК

Для всього на цьому білому Божому світі треба пізнання: відьмами стають після пізнання потойбічного.

Існує повір'я, що в старих гуцульських селах, де хати-привиди ховаються на схилах гір, саме тих, де повітря п'янить, немов молоде вино, мольфарства вчать, як молитви. Стара відьма перш, ніж віддати Богу (та чи Богу) душу, кличе до себе молоду дівчину, зачинається з нею наодинці у кімнаті з передсмертним ложем, рвучко хапає за руку, пильно вдивляючись у вічі, й віддає їй увесь свій дар, до краплини. Бо дар більший за людське життя, він вічний, як істини, закарбовані у добрих книгах.

Та для Стефи усе почалося саме з пізнання.

Хатина їхня під берегом, доволі близько від річки. Над ними — сад, розташований на схилах, якби земля тремтіла чи дощі з паводками, — вода стікає просто до їхнього обійстя. А по-іншому й не може бути — село розташоване нерівномірно, швидка гірська річка в западині, на півдні початки карпатських хребтів, з півночі — центральна частина селища. Вулиця Шкільна охоплює і западину, і незалюднену вулицю над похилим садом — називатися почала так після відкриття нової австрійської школи.

За річкою будинків зовсім мало: трохи у передгір'ї чи розкидані на полонині. Деякі у високогір'ях. Поодинокі цятки світла з'являються там тільки завдяки лісорубам чи лісникам.

— Чули-сте, Василь Мицків видів ведмедя під Коростами, забрів з сажовецької сторони. Ледве не вбив.

— Та жель, най живе. Скільки ще тих ведмедів, ітак ліси вірубуют. Дивись, скоро не буде навіть де тим ведмедям сховатись.

Австрійці розгорнули в Галичині велику справу з лісозаготівлі. У ліс йшли гуртами, як на великого звіра, звіра з кронами замість очей і корою замість шкіри. Відрубували й брали в трофеї десятки кінцівок за одне полювання — тягнули їх, запашних й мокрих від живиці, на повозках міцними й швидкими кінями, допоки була суша, потім сплавляли по воді.

А звіра ніби й не боліло, і менше його не ставало — мовчав, підносячись у високість, розтягнувшись хребтом, як дика кішка, що

ніжитись на сонці.

Лише старі діди промовляли, курячи люльки: «Не ті були колись ліси, не ті, хіба ліси тепер?»

Так-так, лісів вистачило на все, і на трофеї, і на окопи, і на прихистки, і на могили з касками замість безіменних хрестів.

У війні завжди більше жіночого, ніж чоловічого. Вона, хоч і вбивча насамперед для чоловіків, бо ті жертвують там своїми життям, однак адресована вона жінці, писана, як криваве послання, тільки для жінки, яка розгортатиме його напрацьованою тремтячою рукою, не одну ніч захиляючись сльозами:

«А що, як...

... як ти не зможеш дати їм раду... п'ятеро, семеро, восьмеро голодних ротів помре, бо ти не здатна їх прогодувати...

... як ти не обробиш цього року землю, чоловіка нема, коней продала, хоч сама у віз впрягайся...

... як привезуть його мертвого або гірше... конаючого чи пораненого і ти матимеш ще одне дитя, за яким треба доглядати, якого днями й ночами рятуватимеш від болю, але не зумієш спасти...

... як погвалтую тебе, поб'ю руками нападника, і ти навіки зостанешся осоромлена й покривавлена...

... а що як зруйную твій дім, і дітей заберу своїм лихим знаряддям, що, як зроблю з тебе примару, причинну, сліпу у своєму материнському безумстві?..

Війна знала багато про жінку. Війна вкладала ці знання до своїх найжахливіших послань.

Стефа була рада, що зустріла Михайла вже опісля всього. Здавалося, ті страшні події кількох воєнних років не зачепили ні міць, ані норів цього дебелого хлопця з арідником в очах. Воював, та війна майже не змінила його: запальний, яким і був, може, твердіший характером став, як камінь на дні гірському – вода точить, але неквапно і майже непомітно. Це все не збавляло йому чуттєвості ні на мент. Не могло бути нічого чуттєвішого для неї за його пестоці на холодній землі в лісі. Під тіла стелили старе рядно, часом навіть не забираючи з-під нього опалі яблука й шишки.

— Цілуй мене, Стефо... Тобі так добре, Стефо? Припіднімися-но, я хочу, аби тобі було м'яко, лягай отут... Стефко... Стефочко, відчуваєш? Стефо...

Розкішне повітря, наповнене запахами глици. Розкішню сповнене

й небо, коли ніч затягувала його шаллю з золотими монетами... Сліпучими, гарячими.

Тепла осінь була смаку перестиглої груші.

На порозі зими громи впали на голе гілля. Блискавка вдарила у Николину черешню і відколола від неї велику гілку. Гілка впала у сад і скотилася ним до самого паркану в долині – поберіг Бог, що не проломила дах у хаті.

У церкві зачитували останні заповіді до сльобу.

Після Покрови... Хіба вона могла знати, що вони влаштують це перед самим початком посту... Боже... А вона ні печі не встигла поколупати, ні гарбуза винести.

Вийшла з церкви бліда, як смерть. Блукала до ночі по чужій ріллі, що встигла примерзнути від перших заморозків. Колола руки об червоний глід, трималася за кущ, перелазячи загороди. Кохаючись з Михайлом у лісі на ряднині, береглася-пантрувала одіж, аби та не забруднилась, приходила додому вчасно й поважно, дихала рівно і жодна ознака, така як розпашілі щоки чи замурзана спідничина, не могли видати її солодкої гріховної таємниці.

Тепер з'явилася в сінях брудна, спітніла, з крижаними руками.

— Де ти була, дитино? – спитала матір, вибігши назустріч.

Вона ввійшла до кімнати й глянула на батька:

— Ви навіть не сказали! Ви... Ви знаєте, що він мені навіть ніколи не подобавсі!

— Іванюки добрі люди. Вони будуть любити тебе. Хлопець робітний і мовчазний. Слова кривого тобі не вімовит. Я хочу зв'язатися з добрими людьми. Після війни люди стали, як звірі. Кожен знає тільки своє. А воно й мудро – підчиняйся австрійцю, німцю, поляку, москалеві, але бережи себе і свою сім'ю, не лізь туди, куда не просет. Так мус. Інакше не вижити.

— Я не віддамсі за него!

— Віддашсі! Ой ще як віддашсі! – гримнув грізно і вмовк.

Громи били ще раз. Тепер вже з певністю казали, що це до голоду.

Юрко зі Стефкою оселилися неподалік від Стефиного дому, лише через дві хати. Стара перекупка взяла їх на квартиру, виділивши їм простору кімнату і кухню з безліччю маленьких дерев'яних віконців. Віконця кухні виходили на вулицю, втоплену в зелені. Побіля самої хатини перекупка висадила трохи квітів і кілька дерев, які ще підростали, зокрема й крислату ялиноньку, яку її чоловік-небіжчик

викопав у лісі. Низенькі дерева ще не могли заглядати до вікон, тому вся невеличка затишна кухня повсякчас була залита сонячним світлом.

Майже, як у раю. Тепло, сонячно, чисто. Аби лиш сі любити...

— Але ти знаєш, Юрку, що не люблю я тебе, і не любила, як ішла-м за тебе.

У сутені стелила теплу перину на їхні тіла.

— Знаю, — відмовив стиха, допомагаючи Стефі розправити ковдру.

Не тямила, чому сказала. Трохи була зла, та більше не могла тримати те в собі, на хвилини їй здавалося, що й шкода їй Юрка, який волею очевидних обставин прирік себе на життя без любові.

— Та й що, — проказав. — Я тебе люблю, та й ти скоро до мене привикнеш і полюбиш.

Ніч була безмісячною, глухою. Тишу розривало лише дихання. Його — важке дрімотне. Її — ледь чутне.

У одну з таких ночей, але вже по Різдву, липка багряна кров заляпала розчепірену черешню, протекла у струмок, заповнила повноводий Прут, ніби зумисне псуючи його морозяну кришталеву непорочність перед Водохрещем. Червоні плями, проявлені наче на фотоплівці, розповзлися Шкільною вулицею. Яскраві та різкі, як плями на сонці.

«Не дивисі на сонце, засліпит ті'очи!»

Дивись під ноги, доки пугати плямиська-павуки повзуть по стежці. Повзуть до хати старого Івана Пилипчука, бо там все і почалося.

«Чули-сте, відрубав жінці голову, вініс голову з хати за волосе, як кірваво-цегловий гарбуз та й кинув...»

«Йой, Боже! Та що таке говорите, Зузько, якій гарбуз... Ну віпив, посварилися, та й здуру вбив... Від горівки ще ніхто не помудрішав, лишень біда та й нечистий!».

«Ая, ая, та в него той нечистий і без горівки сидів, добре знаєте, що сидів, нема чого хрести догори ногами класти та й ворожити...»

Стефку завжди від таких розмов пробирали дрижаки: ще б пак, жила вона від оселі Пилипчука через кілька хат, їй навіть знизу можна було вгледіти паркан, що обгороджував його обійстя. Помешкання Івана ховалося за тичками квасолі, високими, встромленими у добре оброблені борозни, призначені для висадки картоплі. Хата сама виглядала занедбаною. На перший погляд важко було розрізнити, чи справді збудована давно, а чи просто занехаяна. Проте для тих, хто

до неї навідувався, це не мало жодного значення.

А навідувалися часто.

Іван ворожив і ворожив майстерно, бо, як переповідали, знався з нечистим.

Набожним у селі можна було назвати чи не кожного. Але не раз саме такі зверталися до нього з причин вагомих і невідкладних. Послуги мольфара – справа конфіденційна, майже інтимна. Тому розголошу не підлягає.

Отож, хай і робить. Хай зв'яже жінку і чоловіка, який її не кохає, хай насилає болячки на сусіда через клятву пропалу курку, хай трохи витрясе зі злиднів і напропорчить грошей... Але хай не кличе ночами рогатих! Не зарубує жінку! Не пускає кров...

Будь проклятий, Іване!

Через тебе цього року не освячується вода, якби не розмахував кадилом отець і не проказував своїх молитов. То не ми, не ми живили твоє зло маленькими добрими намірами. Ми прості добрі люде...

«Вом'єоце і Сина, і Світого Духа!» – хрестилися біля води і сумирно опускали очі перед масивним дерев'яним хрестом на грудях молодого священника, допоки не прийшли нові і не розігнали усе антисовецьке дійство.

Іване! Через тебе вода у річці червона! Лиш через тебе!

Треба молитися, більше молитися, Господи...

Але двері чомусь страшному він таки наскрізь прочинив.

У лютому морози тримали міцно, та недовго. З початком березня настала відлига. Юрко збивав льодяні бурульки зі стріхи і все частіше лагодився до лісу, аби займатися своєю звичною лісорубською працею.

Стефка відправляла його на роботу охоче, клала гостинці до сумки і навіть легко, по-дружньому обіймала за плече, коли він виходив. Кожного разу це була можливість довше, аніж зазвичай, погуляти селом, побалакати з людьми, зустріти Михайла... У клопотах минув січень. Вона так довго не бачилися з ним...

Брела снігами у чобітках, які придбала собі з грошей весільних, прибралася, ніби до ще одного сватання. Відчувала, що має нині його побачити.

— Михайле, Михайлику...

Йшли вгору, до старої вівчарської хати на полонині, як на якусь

незриму вершину. Підіймалися мовчки, час до часу тягнув її за руку, бо підступна крига під шаром снігу збивала її з ніг. У хатці сіли поряд на лаву біля печі. Але він її, Стефу, тепер не рушив. Сталася з ним якась нагла, незрозуміла дівчині зміна, що проклала непомітну, прикру прірву, яку не годне подолати навіть ласкаве слово.

— Стефко, маю скоро женитись. Уже по Великодних святах.

Її власний шлюб був нічим супроти того, що палало між нею і Михайлом, але те, що він щойно їй сказав, перехопило подих. Вона знала, що для доброго ґазди значить його добре ім'я.

Ґазди? А для дівчини? А їй байдуже, навіть смішно... Батько знали, що вона любиться з Михайлом, то нащо віддали за другого?

Най тепер мають. А люди не дурні, люди видіт, але що з того, спитати про те, не спитають. Питають лиш про Юрка, господарку і здоровле.

— Михайлику, а хто... Та ціхо, я сі догадаю.

— Я не хочу, аби люди говорили, що гуляю з друзів. Та й тобі того не треба, ти вже віддана... Треба якось жити...

Стефка схопилася з лави, наче хтось її штрикнув:

— Я? Я віддана? Ти любив с мене і після мого вісіле! А тепер... Згадав, що м віддана... Як легко тобі відмовитись від всього! Йди, йди, пантруй землю, як пантрують твої вітець і matka. І жінку тобі з землев найшли!

Відчинила двері і вискочила надвір. Благословенний Божий світ, тут, у горах, ще був білим.

Як тоді, коли обрій на сході позбувається темряви перед світанням, ще не осяяний сонцем, але вже прозорий.

Як солодке молоко з-під теплого коров'ячого вим'я.

Білим, як вишиванка, як тоненька сукня, яку вдягаєш для Нього, коли лягаєш до постелі з коханим вперше.

Наші холодні осінні трави і перестиглі плоди...

А тепер залилося йти, йти, Стефко, так швидко, як можеш, так далеко, як хочеш. Допоки сніг пір'ям тобі під ноги, м'ятою тобі на смак, вітром на дотик...

«Треба якось жити... Треба жити...»

Верталася додому у темряві. Уже близько від свого будинку роздразнила кількох собак. На ніч вдарив легкий морозець і ще вдень талий сніг тепер почав по-зрадницьки рипіти...

Коли наблизилася до хати Пилипчака, лиш тоді подумала, навіщо

її ноги привели на цей шлях, адже могла додому піти зовсім іншим.

Враз затихло все: сніг, собаки і навіть її серце. Але не через похилену на один бік хижку Івана. Біля саду, спершись на паркан, у десяти кроках, спиною до Стефки стояла якась пані. Струнка, прекрасна у своєму білому святковому вбранні, з неприродно видовженим тілом, як у подзьобаних дощами цвинтарних скульптур. І все б не було таким жахаючим, якби не...

...її бездоганність у кожній деталі цього страшного видіння: кожна риска її постаті, кожен клаптик її одєжі сяяв розкішшю і чистотою, як у царівни...

...одинокa пані опівночі на верхній частині вулиці, де ніхто не жив, окрім самотнього ворожбита-вбивці...

...доросла жінка з непокритою білявою головою, у сукні посеред морозної ночі отак, просто зіперлась на огорожу, нахилилась, виглядаючи щось у саду...

Стефка склала пальці, щоб зробити на обличчі Хрестове знамено...

Поли пишної сукні незнайомки зашелестіли, жінка відпустила тонку панську руку від паркану і шойно почала обертатись до Стефи, тою аж ніби кинуло в бік черешні.

Пересиливши себе, прожогом побігла додому. Через примерзлі слизькі вулички, вниз, до берега, а потім відразу звернула. Понад усе було страшно глянути вгору: а як вона, ота нечиста, літає понад дахами, вчепилася у гілки дерева і зорить на неї, як дика птаха, зорить, аби наблизитись, підлетіти, виклювати очі?

— Пані Стефо, як так переживала! Де були ви? – перекупка стояла в дверях їхньої з Юрком кімнати, накинувши на плечі вовняну хустку, і дивилася на неї з острахом.

— Та-а-а-а, я... Затрималась трохи... Що там на дзигарі?

— Пів четверта...

— Не може бути!

Скільки блукала вона? Від обіду дотепер? Годин вісім, десять? Що за невидима мара піймала її за руку на порозі тієї лісової хижки і водила за собою, доки не привела до тої чортиці? Скільки тривала їхня зустріч? А, може, там з нею був і не Михайло... Та ні, то точно він... Уся ця розмова і його весілля були занадто зрозумілі, надто передбачувані.

Стефка сіла на ліжко, підібгавши ноги. Тіло її злегка тремтіло.

— Зробити вам чаю з липи? Ви щось перепуджені фист!

— Робіт...

Поки стара вийшла на кухню, Стефка зіскочила з ліжка й позасувала фіранки на всіх вікнах.

Ще трохи до світанку, ще трохи... Боже! Дай сил дотерпіти.

А як вона вже спустилась за нею, як уже підходить до хати, як намагається відчинити...

Стефка відчувала, що сходить з розуму від страху.

— Беріт чай!

Стара принесла два горнятка і сіла на стілець поруч ліжка Стефи.

— Параско, давайте помолимся!

Параска глянула на неї співчутливо. Не мовила нічого, лише відклала чай і піднесла три пальці до лоба, хрестячись.

Так вони молились до ранку: Стефка жваво і збуджено, ніби шукаючи тимчасового безпечного прихистку в словах, Параска – стишено, покірно похиливши голову перед маленькою іконкою на стіні, на якій вже вицвіло зображення Бога.

Прокинувшись пізніше, ніж зазвичай, не заставши Параски в хаті (певно, пішла щось продавати в село), Стефа взяла трохи одягу і понесла його прати в потоці. Надворі ще трималася студінь, але мороз відпустив.

Серце ще точив черв'ячок через Михайла, проте вчорашній переляк майже минув: після молитви почувалась дуже добре. Вона знала – так буває, коли тобі дуже зле, багато молися. Це ніби ти змерзла і заслабла – а хтось вкутає тебе у теплу перину й обійняв. І стало враз так приємно й затишно, як біля мами.

— Чули-сте! – до Стефи вийшла сусідка, – купу дітей носять до старої Пайчихи, аби їх відмолювала. Уже днів зо два. Мале, зразу ніби здорове, а потім лиш очі закотіцці догори, губи пересихають, аж слина тече, і вмирає в моменті...

— Видко, у когось з наших людей дуже добре око... – відмовила, не відриваючись від брудної одежі, яку жмакала у воді.

— Еее, та що Стефо, то хіба навмисно хтось ходит та й дітий наврочує...

— Най вітці дітий своїх бережут, самі с ти казали, що живе у нас в селі нечистий. Ще відпустив його Іван.

Поправши одяг, зваривши супу з сушених козарів з цибулею, Стефка вирішила пройтися до Пайчихи і допомогти знахарці з діточками. Пам'ятала, як колись зливав віск і відмолював людям зло її дід, тож у

такі речі була втаємничена.

Пайчиха жила у маленькій хатині у протилежному кінці села, недалеко від залізниці. Хата її повсякчас здригалась від гулу поїздів, і люди товпилися гуртами неподалік дому, але все ж будинок був малопомітним, особливо влітку й навесні, бо ніби підпирав розлогий дуб з пишною кроною.

— Ти виділа тоту паню, я знаю... — сказала сліпа Пайчиха, щойно Стефка ступила на поріг.

На її ліжку спав хлопчик років чотирьох.

— Аді лиш вснув, іди вінеси горнє з сірничками та й вісип поза хату, де люди не ходіт і не видіт.

Стефка глянула на воду: потонули майже всі сірники. Значить, дитину таки наврочили. Вилила воду на город за хатою, як і казала знахарка.

— Я такі її виділа. Але мені не страшно. Вона мене не зачепит. Я молюси Богу. А от діти...

Так було ще кілька днів: малих все приносили, а Стефка відмолювала їх разом зі старою.

Юрко вернувся під кінець тижня. Втомлений, пітний, обвітрений. Нарешті у будинку почало пахнути чоловіком.

— Юрку, як ти? Що тобі зварити? Що було на роботі? Чи багато повалили лісу?

Розпитувала багато, але найважливіше розповісти не наважилась. Вночі zostавалась наодинці зі своїми думками. Юрко засинав швидко, майже її не торкаючись. На близькість з ним не наважувалася і Стефа...

— А двисі, Юрка нема та й що витворює!

Життя мчало своїм шляхом. Стефка перехиляла двічі в тиждень кілька чарок горівки і жартувала зі старими парубками у сільській чайній. Ходила файно прибрана, як до весілля, струнка й поважна. Ґазду Михайла бачила рідко, але й тоді не помічала.

Юрко жив лісами, рубав дерева й іноді намагався дозволити Стефі себе відчувати: швидко й імпульсивно.

Біла пані тепер повсякчас жила на черешні в Николиному саду.

Перед вицвілим образком у домі перекупки молода жінка зливала людям від злих духів і намовлянь гарячий віск.

ВБЕРЕЖИ НАС ВІД НАГЛОЇ СМЕРТІ

Це сталося на тому самому місці, де росла висока стара яблуня. Бувало, на Святвечір, вона приходила до цієї яблуні і біла легенько по стовбуру сокирою: «Таки зрубаю, як не вродиш на рік!». Повторювала тричі і тричі лезом торкалася кори. Так вчили її мати.

Давно під тією яблунею дровітня, вкрита побитим шифером, і соковиті яблука восени падають на покрівлю, обважнілі, червонобокі, переповнені до краю кислуватою м'якоттю, від якої оскома в роті. Падають, але не розбиваються. Скочуються на землю, бехкають у пожовтілу траву. Світять барвами. Чамкають, як румбамбар у ротиську свині, коли на них, схованих у траві, мимохіть наступити.

Дрова, дбайливо складені порубаними полінцями одне на одного, повсякчас вкривалися тонким м'яким шаром зеленого моху, дивилися на товстеньких волохатих хрестовиків очима-зрубамі з малопомітними відбитками кілець. Біля яблуньки було не важко зауважити круглі нірки, у яких колись ховалися кроленята. Він їх сам запускав туди погратися, а потім вся сім'я ловила малюків поміж кущиками смородини й агрусу.

До саду з дровітнею вела дорога-коридор поміж хатою і майстернею. Він зробив накриття. Тепер, йдучи туди, ніхто не мок і особливо не мерз. А син колись зізнався йому, що там вперше спізнав присутність потойбічного. Невидимо-лякливого, яке саме прочинило двері у накриття-коридор і розсіялося у безмовній тиші перед подивованим молодим чоловіком. А пишнотіла дружина-гуцулка часто казала, що бачила на стежках за хатою відбитки копита.

В особливо темні ночі світловолосі онуки не любили виходити у двір. Пітьма нагадувала ефір, безформну масу, яка будь якої миті могла набути обрисів страховиська.

Але її не лякала пітьма. Ані жаби у стайні, які виходили звідти згорбленими сусідками, ані білі марева панянок, зачеплені за розчахнуті черешні, як роздерті старі полотна. Та вона не надавала цьому жодного значення, адже світанок мав запалати, неодмінно мав.

«Я молюся до тебе, мій Боже. Дай здоровлячка внучці Любці, невістці Дарині і синові Василю, дружині Ользі...». День починався молитовним шепотом блякло-рожевих вуст її чоловіка та золотавими ознаками на церковній бані, що величаво підносилася над селом за вікном. День починався молоком у глиняній чашечці, дзвенів у ній маленькою ложечкою.

Усе було певне і передбачене. Усе, що вже траплялося під сонцем... Лиш би сонце світило.

На сусідському сараї хтось колись невміло вималював олівцем хрест...

Все у тому ж місці, де росла стара яблуня, дідусь садив капусту, яка влітку скрутилася у крупні головки, що затримували аж до полудня пригорщі вранішніх рос. Якийсь відтинок часу то було облюбоване місце попелястих курок, і довелося обгороджувати його плотом, аби вони не видзьобували ще на початках з землі насіння. Тоді вперше маленька дівчинка, зачепившись за гострий край, пропорола собі ногу і він ніс її, закривавлену, на руках до хати. Його кохана маленька дівчинка...

«Люби всіх, аби були живі-здоровенькі...».

Люби, аби росли-підростали, молись, допоки годен скласти руки у молитві, навіть коли вже болять у ногах і ледве підводишся з колін, щоб донести старий молитвеник до столу. Люби, поки щороку звивається в головки капуста, є у кого зібрати тирси під кущики трускавок, ліщина за хатою губить дрібні горішки, поки сходить з сонцем новий день і помалу заходить твій власний... Допоки кінець не означить себе багряною цівкою з рота, люби!

«...і вбережи нас від наглої смерті!»

Василина била сапою по твердій землі. Спека випалила все доценту. Земля, як камінь, не приймала у лоно своє жодної насінини. Дарма поливати її водою – здавалося, і вода не могла пробити ті брили: шипіла на поверхні і губилася в землі безслідно.

«Ісусику солодкий! Аби трохи змнекло! А їсти що далі будемо?! Варити кропиву... Від конюшини ади як повздувалисі, животи позаболювали. Малі он лежать ще, відходять. Аби тій Парасці лице таке було, яке вна мені понараджувала. Конюшину вари! Тьху! Ховаю буханець хліба від дітей, як воріг, у старій скрині ховаю!...» – помацала у кишені спідниці ключ. – «Мудро-мудро, Василю, робиш, а що будемо їсти, як нічо ся не лише?! На одній кропиви ситий не будеш!.. Ой, Господи...»

Зітхнула. Замахнулася сапою вкотре.

— Пані!

Підвела погляд від несподіваного крику. Пристаркуватий сухорлявий жидок їхав на фірі з різним крамом: перекупник-мінйало.

— Пані! Ану дивіцці, яке сукно маю! Файне сукно, буде вам на спідницю! А які кожушки, камізельки!

— Що за се хочеш, Лейбо?

— Дайте зерна!

— Іди собі! Дурного зерна не маю, лиш то, з якого сама буду хліб

печи!

— Мамо! Мамо! Я хочу тих квітів на спідницю! — донька Ольга вже бігала біля Лейбової фіри і мацала крам.

— Васирина аж почервоніла:

— Ану йди мені в хату! Квітів на спідницю?! А я що потім з вами сімома буду робити зимов! Будете з голоду пухнути, бо ти хотіла зерно за сукно обміняти?

Ольга заходилася голосним плачем.

— Дитинко моя, не плач, не плач, не той час тепер...

«Мала би м гроші, то би м заплатила. Але зерна не мож давати, не. Чим я малих прогую?...» — сумно подумала Васирина. Вже була готова і спинити ті щирі сльози і заспокоїти, але змовчала. Спало їй на гадку лиш привчити скоро Олю продавати:

«Най би йшла на базар, так-так, зрихтую хоча би й черешень. Буде копійка нам».

Але до черешень було далеко, як і до травня, червня, літніх дощів і розпашілої, свіжої землі, яка навесні наливається соками і пахне гноєм.

— Матір і семеро дітей вечеряли варивом із кропиви і тоненькими скибочками хліба, який вже почав черствіти через перебування у затхлій холодній скрині. Їли мовчки.

Стало чути кроки знадвору. Тишу в домі розірвав гучний стукіт.

— Васирино!

— Жінка з несподіванки встала з-за столу.

— Так! Заходьте!

Сусід Петро! Здоровий, як бик, плечистий, як двері, сусід Петро! Тут, не на війні! Яким чином? Якщо він, то, певно, і Федір... Їй хотілося, аби він сказав: «Так, Васирино, це кінець. Всьому кінець. Війни вже нема, дарма люди говорять. Федір? З криниці воду в горнятко набирає, дорога довга ж, пити...».

Та горнятко розбите. Забагато з нього пили і совіти, і німці, не дякуючи.

Петро привідчинив двері і глянув у шпарку.

— Славайсу, Васирино! Вечеряєте? Діточки вже попідростали, побережи їх Боже!

— Петро вже не той, не той. Кусок хлопа, а який був! Пониклий, похудав, і ногу тягне... Коли увійшов до хати цілком, Васирина у напівтьмяному світлі газової лампи розгледіла ліву ногу у гіпсі й костур...

— Що Федір? — зловилася за серце.

— Виходь. Забереш свого Федора.

— Живий?

— Живий.

Вибігла у двір. Двоє незнайомих чоловіків, видно, з сусіднього села, тримали пораненого Федора, худого, як хлопчину, й вимученого. Простягла руки: передали їй, ніби дитину.

— Сорок дві кулі отримав. Аби ще жив... — промовив Петро. — На все добре!

— І вам... — сказала ледь чутно. — Ходім, Федоре в дім. Діти чекають.

Міцніше підхопила його тіло руками. Тихо застогнав з болю.

Так змивала твоє волоссячко травами, цілувала ніжно міцне тіло, так пахло воно працею і жаркими полуднями, так любила твої тонкі бліді вуста...

А тепер вкладаю те волосся гребінцем, бо ти не можеш піднести руку, щоб розчесатися.

А тепер витягую з тіла уламки куль... Вони ятять твою плоть.

А тепер вимиваю твої рани від бруду і крові.

Тепер не цілую: торкаюсь губами, як привид.

Бо ти й сам примара, що стогне голосом не своїм: всіх тих, хто згасав на твоїх очах.

— Що, Олю, купила-с собі землю, вже й хатку ставите! Але дивісі, бо продав тобі старий Пилипчук свої маєтки зо всім!

— Про що ти, Валю, я не вірю в таке! — Ольга зав'язала за спиною фартух і стала до прилавка.

Робочий день лиш починався, а в чайній вже сиділи перші відвідувачі; окрім того, по обіді чекали важливих людей з райкому. Ольга готувала чай, занурена в роздуми. Добре тямилася, про що каже її колега по роботі: нема окремо добра, аби не було зла, нема окремо чорного, аби не було білого... Так ще мама казали...

Старий Пилипчук ніби й простий чоловік, але віддавна ворожить на благо (а чи на лихо) людям. І як зрештою без такого у селі: кому корова заслабла, кому якісь страхи відмолити...

Але ти добре знаєш, що...

З роботи поверталася вже затемна, ішла додому повз австрійську школу стежкою під шовковицями. Вдалині, за річкою у передгір'ї мерехтіли вогні поодиноких хатин. Раз, два, чотири, вісім...

А смереки над ними як велетні-тіні — лусочки розлогого гірського хребта. Місяць на небі сховався у зеленому туманному серпанку: все одно що яйце молоденької гадюки. Ольга ще раз глянула на далекі цятки світла...Згадала, як ішла колись додому перед Святвечором, згадала, як і цяток цих не мала... Тільки сніг під ногами контрастував

з пільмою... Холодна зима, автобус довів її до районного центру, вона ледве витягла звідти валізу і опинилася на дорозі, якою час до часу проїздили авто. Обрій ще годину тому проковтнув сонце і темінь сильнішала. Вона відчула, як у ступні в резинових чоботах заходять запарі. Треба йти... Зняла ремінь від пальта, яке вдалося придбати на комісіонці, затягнула його на ручці валізи і прив'язала до талії. Навколо пустир, попереду – Чорний Ліс, і лише за ним її селище. Згадала, як боялася сяючих цяток... У сутінках якось місцевий лісник побачив два вогники, врятувався від того, що спіймав вовка за язик, коли той розкрив пащу, аби вкусити. Вовк задихнувся. Іди, іди, снігова січка крутиться каруселями попід небом... Так холодно, аж боляче... Десь мама стеле соломі худобі і пестить її, вгодовану, з покірними очима, по теплій шкірі. Бере сокиру, іде в сад і торкається вологої від снігу кори: «Зрубаю, як не вродиш на рік...». На краю лісу перехилена хижа з продірявленим дахом і висохла кострубата груша: жінка блудила з нечистим у псячій подобі. Її чоловік висів на тій груші. Іди, Ольго, йди. Снігова січка й далі крутиться каруселями... Дуби, буки, клени — мольфари. Стали стіною й мовчать-шепочуть. А сніг... Крутисся, Ольго, крутисся... Іди, бо мороз крадеться у ноги, руки, лізе в пазуху, як бісів злодій. Іди, як хочеш жити! А навколо ніч. Густа, чорна, мов сажа. «Ангеле мій, ти при мені стій...». Пасок впирається у талію, валіза важка. Якби ще трохи... Якби ще...

— Дитино! А ти як так пізно! – Васирина у дверях сплеснула в руки. — Заходи-но! Уже майже північ...

— Мамо, я пішки йшла через Чорний Ліс.

— Боже! – пригорнула Ольгу до себе. — Та ж вовки могли напасти! Пороздирали б, і кістки не лишили.

— Я так хотіла бути дома на Святвечір!

— На столі zostалися дзбан узвару, кутя та дві тарілки вареників, як звикле: одні з маком, інші з капустою. Зате більше десяти чистих виделок, хоч всі діти вже наїлися і полягали.

— Я думала, ти сьогодні вечерятимеш у Станіславові, от і підготувалася вже до їхнього приходу. Але лізь спершу на піч, бо десь чисто промерзла.

— Ольга роззулася і застрибнула на припічок, де спала Маруся. — Олечко?

— Спи.

Матір сиділа мовчки за столом. Дивилася на дві чисті тарілки і декілька виделок: зайвих не мала. Бо все для них. Вони прийдуть нині. І він прийде...

Шкода, що війна вже назавжди залишить його у пам'яті дітей виснаженого, худого, у військовій шинелі.

... дійшла додому. Гілля трухлявої черешні, де, як казала сусідка, часто сиділа велика біла пані у пірваній сукенці, зараз скидалися на покручені судомами руки старця, що просить чогось у неба. У вікні її нового будинку горіло світло.

Василь грів пізню вечерю, обсипав поцілунками і розпитував про роботу. Сів напроти, поки їла, цілував долоні і дивився поглядом батьківсько-ласкавим.

Прокинулася серед ночі від дивного шуму: щось сипалося на нещодавно збиту з молодих дощок, помальовану підлогу. Шум нагадував звуки рясного дощу або дрібних камінців, які кидали на тверду поверхню. Подумала про те, що казала Валя, повільно припіднялася з ліжка, щоб глянути, що відбувається. Страх помалу сковував думки. У суміжній кімнаті був чоловік. Чужий. Невисокого зросту, темноволосий. Походжав по кімнаті і розкидав нею... зерно! Не шкодував: встеляв перед собою шлях цілими жменями, аж врешті оглянувся.

— Тату! — схопилася на ноги, ступні закололи ячмінні зернятка.

— Живи щасливо, дитино!

Потреба обіймів, необхідність бути ближче, торкнутися змушувала її підводитися, чимдуж, встати, вибігти, рватися до нього, закричати; марно – вона і так кричала, але її тіло прикипіло до цієї постелі з полотняними простирадлами:

— Тату, тату, тату!

А потім з усвідомленням неможливого з'явилося інше: Ольга захотіла плакати, сльози душили її, товклися клубком в горлі, грудях, тілі, її почало ламати від болю й ваги цього гіркого почуття, здавалося, воно нило в кістках, пекло в судамах, тиснуло на м'язи: дайте, дайте ж бо заплакати! Але вона не могла... Поки перед її очима не постала розпливчата темінь, яка все більше вимальовувалась у контури кімнати. Щось гаряче потекло щокою, вона швидко втерла, а потім тихо схлипнула.

— Золотушко! Олечко! — Василь нахилився до неї. — Що є?

— Сон... Тато снівся.

— Поспи, поспи, ще не світало.

Проте обоє вже до ранку не спали. Василь чекав на світанок. Ольга блукала у роздумах і шукала ранкового Бога у волошкових Василевих очах.

Сьогодні був день їхніх входин.

Ася ШЕВЦОВА

«ДА ПРИЧЁМ ТУТ СИНОПТИКИ И ДОЖДИ?»

* * *

Если начистоту — значит, начистоту.
Только самой себе всё говорить вольна.
Что же сегодня есть? Музыка есть, волна.
Тысячу лет ловлю нужную частоту.

Ангелам и чертям выдав по беляшу,
на небесах молчат, словно огорчены
тем что творят внизу высшие их чины.
Что же тогда в ушах слышится белый шум?

А на другом конце — я на другом конце
чьей-то чужой рукой рифмы слагаю в ряд.
Каждое слово здесь есть разрывной снаряд,
и тишина вокруг — громче, чем рок-концерт.

Сломан приёмник бога: выпал один шуруп,
так что мои мольбы больше не на слуху.
Люди несут домой всякую шелуху,
люди несут в душе всякую мишуру.

То ли на новый год праздничный сабантуй,
то ли комплект носков — тёпленьких, шерстяных.
Истины на лице старой больной стены
тщательно запишу. Господи, продиктуй.

* * *

Починяешь, полезная, примусы,
ожидает, болезная, помощи...
Это чистое счастье без примеси,
когда в мире нетвёрдом, слепом ещё,
начинаешь всё видеть хоть изредка.

Невесомей, прозрачнее призрака,
ты рассветом любишься бежевым.
Напеваешь мелодии с призвуком
неизбывного, неизбежного,
о котором молчится и плачется.

Наблюдаешь: простая укладчица
на забытой кондитерской фабрике
по соседству живёт и дурачится,
и готовит салатики с паприкой.
Над законом кнута — закон пряника.

Понимаешь вселенной механику,
вынимаешь детали из общего.
Унимаешь всеобщую панику
расторопно (читай - расторопшево).
И хоть чем-то святым дорожа ещё,

ты слилась со средой окружающей.
Не меняешь ни сути, ни облика.
Время смотрит в упор, угрожающе.
Улыбнёшься, взглянув вверх на облако,
и поломанный мир заработает.

* * *

Ощущение холода по утрам.
Улыбаешься, ёжишься — хорошо!
Подставляешь сам голову всем ветрам,
неожиданным дождичком орошён.

Ароматы тимьяна и табака
наполняют до боли родной подъезд.
Схватишь чайник заботливо за бока,
Что осталось вчерашнего — кот подъест.

И какой тебе мудрости дал Восток,
если так же во взгляде сквозит апломб?
Ты — капризный, тяжёлый, живой цветок.
Почему ты не любишь, когда тепло?

Ощущение холода изнутри.
Да причём тут синоптики и дожди?
Для начала ты ноги себе натри
при попытке до истины всё ж дойти,

а потом ты поймёшь, что её искать —
всё равно, что пейзаж пустоты писать.
Залезаешь на крыши пологий скат,
залезаешь руками в небесный сад...

Улыбаешься: «это я подниму!».
И покуда ещё далеко до тьмы,
наблюдаешь, как люди по одному
обзаводятся семьями и детьми.

* * *

Ночью чёрный лис
в темноте на стук
сам к тебе пришёл.
Ешь, люби, молись,
зло бросай на стул
фразы мятый шёлк —
только не гони...

Только не таи
справедливый гнев.
Мир — сухой технарь.
Руки — не твои.
Пусть горит в огне
твоего окна
отзвук беготни...

Лавка во дворе
слишком глубоко
осведомлена.
На сухой коре
Пара голубков
пишет имена.

Свет здесь не жилец.
Любишь или нет,
плохо, хорошо —
ты определись.
Тени на стене.
«От тебя ушёл
ночью чёрный лис» —
шепчет чёрный лес.

* * *

Называют Вас просто «родинка» —
уменьшительно, скромно, ласково.
Учиняют тут песни с плясками,
на плече обнажая родинку.
Сны пускаются во все тяжкие:
ладно, если бы их заставили...
Города Ваши все заставлены
пожилыми многоэтажками.
На вагон весь орут динамики:
«Уступайте места беременным!»
Разбудите же в октябре меня,
и тогда поглядим динамику —
как мы выросли сильно за лето,
на щеках исчезают ямочки...
Хорошеем, — хоть ставьте в рамочку, —
новорожденным светом залиты.
Да какие тут танцы с бубнами?
У обиды нет срока давности.
Молодые безмолвно давятся
будней полусырыми клубнями.
Ваши качества и количество
переходят дорогу «ланосам».
Остаётся Вам молча кланяться.
Улыбайтесь, Ваше величество.

* * *

Вековая усталость век.
Настроенье «пошло всё к чёрту».
Начинается человек.
Стрелки делают круг почёта.
Боевая раскраска дня.
Шебутной шепоток июня.
Стоит голову нам поднять —
мы его разотрём и плюнем

Видим: вечер, батон, балкон.
Прорастаем в него корнями.
Только радость — и та мельком.
Повторяется лет орнамент.

Наши лица который год
чем неузнанней, тем светлее.
А телесный капрон колгот
за полвечности не истлеет.

Окосевший дверной проём.
Развлечений — кабак да картинг.
Запрещённый к врачу приём.
Болевое пятно на карте.

Но у ангелов много рифм,
рыжий, приторный вкус ванили,
и бесплатный у них тариф:
до сих пор нам не дозвонились.

Сколько сколотых дядь и тётъ
переводят огонь лампадок?
Солнце больше не упадёт.
Солнце просто устало падать.

* * *

«Пиши, поэт. Пиши, пока ты можешь»

Макс Стативко

М. С.
И мне говорят — пиши.
И я говорю: пишу,
что в горле у них — першит,
под носом у них — пушок...

Во взгляде без пелены
все горести голытьбы.
медовый лимон луны,
палёный коньяк судьбы.

Канючат: купи, купи!
Остался последний дубль.
Но сутки уже скупы
на каждый казённый рубль.

И мне говорят: давай!
И я говорю: даю.
Всё просто, как дважды два,
как север, восток и юг.

И мне говорят: ещё!
И я говорю: куда?!
Растения и расчёт:
так волк или волкодав?

Не надо ни дуракам
на лестницу лета лезть,
ни детям, ни старикам.
Вокруг — ледяная лезть,

чернильная синева.
Потухли в домах огни.
А кто в этом виноват?
Конечно же, не они.

* * *

Знаю с первых резцов —
надо жить
и не брать леденцов
от чужих.
Что сама нажила —
то и стиль.
Но душа тяжела,
чтоб нести.
Кружевная швея
дурачья,
я сама не своя —
ну а чья?
Овладеть языком
всех чудес,
не скучать ни по ком —
все же здесь.
Значит, буду к весне
покупать
на развес чистый снег
в снегопад,
брать резную тесьму,
мумиё.
А тебя — не возьму.
Не моё.

* * *

Распускается апрель абрикосово...
А у нас тут свой кошмар, своё Косово.
Не фиксирует ни масло, ни тушь его,
ведь у злобы нет ни вкуса, ни запаха.
Ветви дерева согнутся цветущего
под тяжёлым весом снега внезапного.

Вместе с первыми цветами на дереве
мы учились быть счастливыми, веровать
что своими обойтись сможем силами,
что останемся такими же нежными.

И хоть снег и войны нас подкосили, мы
улыбаемся и машем по-прежнему.

Будто в мире нет людей — одни особи.
Умереть есть ровно столько же способов,
сколько жить. Мы спотыкались и падали,
поднимались, расцветали, не сломаны.
Тем, кто чувствует одно — запах падали,
никогда нас не понять, как феномена.

И под снежным одеялом искрящимся
никогда ни от кого мы не спрячемся.
Дозреваем, набираемся опыта,
пряча взгляды под припухшими веками.
Упрекали всех подряд в пустых хлопотах,
присмотрелись — а прощать уже некого.

* * *

Искусство отсутствия на фронтах,
способность читать между строк устав,
умение в мягких упасть грунтах,
легко притворившись, что спишь, устав.

И выключить радио в голове,
приказы, звучащие вразнобой.
Берёшь ближе к сердцу, читай — левей.
Тут впору заваривать зверобой,

Заботливо спрашивать: как дела?
Волнение моря да свист торпед...
Послушно закусывать удила:
по рангу положено всё терпеть.

Расчёсывать волосы на пробор,
стараясь от взглядов не окосеть.
Глаза постороннего — злой прибор! —
измерят, насколько ты стал как все.

Когда ты настолько раскрепощён,
словесные штампы всех просьб и клятв
излишни, как шапка под капюшон.
Молчание — золото, а не кляп.

И сколько б по-чаячьи не кричал,
врагов не находят, ведь их там нет.
Корабль, капитан и его причал
слились в тебе. Скоро начнёт темнеть.

* * *

У трассы ели, у трассы пили.
По елям горько рыдают пилы.
Инстинкт свободы, простой и древний
ведёт до первой пустой деревни,
до городов, злых и многолюдных.
Ты не замёрзла? Нет, абсолютно.

На трассе прятались мы от ливня.
Точили когти, клыки и бивни.
Вполне кого-то могли поранить,
но мы не плотью питались — праной.

На трассе сосны тянули лапы,
дым папиросный — утеха слабых.
Наделал ветер переполоху.
Всё хорошо здесь, и всё здесь плохо.
Киоск с хот-догами, хлебом, брынзой.
Отвратный кофе. Отличный принцип.

* * *

Поддержи себя сам, раз никто поддержать не смог.
За плечами оставь города, надоевший смог.
Тяжелы твои лёгкие, сам, словно лист, худой.
Пробегись по поляне бегущей своей строкой,
ты так жаждал успеха — вот он, бери рукой.
Напои наконец-то себя ключевой водой.

Помоги себе сам, как никто другой не помог —
как для горла больного целебен исландский мох,
так и ты избавляешь других от глухой тоски.
Ты меняешься к лучшему от перемены мест,
тебе всюду везёт — так цени свой крутой замес.
Что алмаз — ювелир, ты сжимаешь себя в тиски.

Поводи себя сам по красивым местам за нос,
и пускай говорят за спиной: это блажь, занос,
Ты шути надо всеми и вся для отвода глаз.
Передай от себя всему миру большой привет
и познай до конца все законы и тайны Вед.
Покажи себе сам, что такое высокий класс.

Положи себя сам на перину из листьев спать.
Пусть усталость твоя постепенно идёт на спад.
На своей репутации пятна давно замыл.
Все бетонные стены вдруг стали тебе тесны.
Чувствуй летнюю лень, восхитительный вальс весны,
просветление осени, острый озноб зимы.

Лилия АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

ЭФЕНДИ

Мальчик рос в нищете и не подозревал,
что был рожден как эфенди...
Но, рано или поздно, он должен был это понять.
Из турецких сказок

Я знаю мощь мою: с меня довольно...
А. С. Пушкин

I.

У этой печальной истории счастливый конец. Во всяком случае, мне отчаянно хочется так думать – иначе почему из десятков тысяч газет мне, никогда не читавшему презренных листков, попала в руки именно эта? Пожелтевшая провинциальная газета без названия, Бог знает какой давности, напечатанная неведомо где, помятая, изорванная, с бурными кругами – пятнами не то чая, не то супа...

Чья-то милосердная рука завернула в нее старый радиоприемник, который я достал с чердака на даче у приятеля, куда изредка приезжал побыть наедине. Достал, по просьбе хозяина, починить, стал разбирать и раскладывать детали на той же газете.

Выронив какой-то винтик, я протянул за ним руку – взгляд зацепился за жирный черный заголовок: «Необъяснимый случай в аэропорту». Еле уловимо, одинокой точкой Морзе в душе отозвалось что-то полузабытое, полузаглушенное. Полузатертое многими усилиями. Тщетными усилиями, надо сказать...

Ибо все равно оттуда, из того уголка души, который я постарался заложить поплотнее и заткнуть щели, просачивалась боль.

Мало ли что может считаться необъяснимым, подумал я. Газетчики частенько попросту выдумывают истории. Я знал, что тот случай в газеты попасть не мог. В памяти эхом прозвучали крики: «Уберите всех посторонних за оцепление! Увижу газетчика или фотографа – стреляю без предупреждения!» И позже, шепотом-шипением: «Кто из вас проговорится – пеняйте на себя. Из-под земли достанем...»

Я твердо решил не читать статью. Постарался сосредоточиться на транзисторах и диодах – и конечно, перепутал грешное с праведным. Окончательно сломав приемник, я бросил его на газету и отошел к окну. Стоял, глядя на хмурый лес, держа руки в карманах и покачиваясь с носка на пятку. Кажется, пытался мурлыкать песенку.

Мысленно я завернул приемник в газету, отнес на чердак, завалил всяким

хламом. Спустился, собрал вещи, надел куртку и ботинки. Вышел вон, запер дверь, пошел по тропинке к станции.

И вот, когда из-за леса появился циклопический глаз электрички, я понял, что все равно никуда не уеду, пока не прочитаю то, что может хоть как-то, хоть домыслом, хоть обманом, утешить мою боль. Я жаждал лекарства, заранее ожидая плацебо – и лицемерно убеждая себя, что это лекарство...

Все, что можно назвать необъяснимым, связывалось у меня только с одним человеком. Люди, знавшие этого человека, считали необъяснимыми его способности. Я же не мог постичь другого: величия его скромности. Человек, имевший власть повелевать толпами, не хотел пользоваться ею. Он брезговал своим даром, считал его постыдным. Обладая колоссальной силой, звал ее проклятием. Не подумайте, что ему приходилось смирять эту силу: душевная чистота его была настолько выше привычных человеческих желаний и помыслов, что даже мысли о том, чтобы воспользоваться ею для себя, никогда не возникало в его голове.

Представьте себе человека, противостоящего сильным врагам. Теперь представьте, что у него есть мощное оружие, способное этих врагов сокрушить, раздавить, уничтожить. Что бы сделали вы, я, любой на его месте? Для нас вопроса нет: враг на то и враг, чтобы его сокрушать. А непостижимый мой друг – хотя я не достоин зваться его другом – не считал возможным сражаться с беззащитными. Что такое оружие, деньги и гарантированная безнаказанность по сравнению с его неслыханной силой? Как же их, убогих, обижать-то?

...Холодными, липкими от пота руками я выдернул газету из-под приемника и разложил ее на столике у окна.

Бывает так, что и опасения, и ожидания сбываются одновременно. На самом деле, это был не тот случай. И все же у меня не зря заняло сердце.

Вот эта статья – даже спустя годы я помню ее наизусть.

На днях случилось странное происшествие в местном аэропорту. Шла посадка на рейс «Аэрофлота» до Стамбула. Все семьдесят пассажиров прошли регистрацию и толпились в зале ожидания. Внезапно один из них, гражданин Турции, вернулся к пункту пропуска и на ломаном русском сказал служащим, что забыл что-то в здании аэровокзала. Выйдя через пропускник, он бросился бежать и быстро скрылся из виду.

Самолет подали на посадку, пассажиры заняли места, и в положенное время он взлетел. Никто не хватился гражданина Турции – администрация аэропорта все еще выясняет, почему. По прибытии в Стамбул все шестьдесят девять пассажиров высадились, багаж выгрузили, и самолет вылетел в обратный путь.

Несуразности начались еще в полете. Одно место в салоне пустовало. Стюардессы, раздававшие пассажирам завтрак, приготовили шестьдесят девять порций, но внезапно обнаружилось, что одной недостает. Пришлось

спешно готовить еще одну. То же самое случилось со стаканами и бутылочками минеральной воды, а одного стакана недосчитались после полета. Девушки посмеялись и не придали этому значения, пока не выяснилось еще кое-что.

По истечении первого получаса полета внезапно случилась нехватка воды и мыла в туалете, а на полу кто-то оставил лужи, будто нарочно плескался в раковине. Мусорный бак был забит мокрыми бумажными полотенцами. Возмущенные стюардессы попытались выяснить, кто оставил весь самолет без воды, а не менее возмущенные пассажиры объяснили им, что в туалет еще никто не сумел попасть, поскольку там было заперто.

Далее случилось вот что: после высадки пассажиров стюардесса нашла свои собственные маникюрные принадлежности в кармане перед сидением, которое во время полета пустовало. Тонкие лезвия ножничек, предназначенные для нежных дамских ноготков, были покорежены, будто ими резали наждачную бумагу. Девушка была поражена: она точно помнит, что не давала их никому, они лежали в ее сумке, в запертой на кодовый замок кабине персонала. У другой стюардессы из сумки пропали зубная щетка, тюбик пасты и расческа, а у штурмана – карта-схема Средиземноморских стран.

Дальше – больше. Багаж пропавшего гражданина Турции обнаружился на территории Стамбульского аэропорта вечером того же дня, когда самолет уже отбыл на родину. Во внешнем кармане лежал паспорт владельца. Стамбульские таможенники не льком шиты и пропустить багаж без досмотра и соответствующего оформления просто не могли. Запись о таможенном контроле в порядке, и все служащие смогли опознать по фотографии соотечественника – того самого, который сбежал из аэропорта накануне рейса и в самолете не летел!

Как выяснилось впоследствии, из чемодана пропали джинсы, рубашка, туфли и пара белья. Изрядная сумма денег, находившаяся в чемодане, осталась нетронутой.

И наконец, самое поразительное вот что: когда нашелся багаж и начались выяснения, турецкая таможня телеграммой запросила у советских коллег список пассажиров. По их данным, в самолете прилетели не шестьдесят девять человек, а семьдесят. И вот тут-то и поднялся переполох: посадочных талонов оказалось тоже семьдесят! Каким-то образом стюардессы забыли пересчитать их перед полетом...

Пропавший гражданин Турции отыскался в той же гостинице, откуда съехал накануне. Выяснилось, что, неожиданно вернувшись из аэропорта, он сказал регистратору, что забыл что-то в комнате, поднялся в номер и, выгнав горничную, лег спать. Работники гостиницы решили, что иностранец пьян, и оставили турка в покое.

Но, когда обеспокоенный администратор разбудил гостя наутро, тот пришел в ярость, хотя ровным счетом ничего не мог вспомнить. Чтобы избежать скандала, директор гостиницы на собственном автомобиле доставил гостя в турецкое консульство. В консульстве заявили, что их гражданин подвергся унижительному розыгрышу, и там ожидают расследования инцидента. Пострадавший вылетел в Стамбул другим рейсом в другой день.

Братьев и сестер, тем более брата-близнеца, у турка не имеется.

Полиция Стамбула разыскала гражданина В. С., сидевшего рядом с пустым местом в самолете. Он рассказал, что всю дорогу решал шахматные задачи и не глядел по сторонам. «Никогда в жизни у меня так хорошо не получалось играть,-- сказал он.-- За высший разряд все решил!»

Экипаж, работники аэропорта, да и все, кто слышал эту историю, ломают головы: что же за «барабашка» летел в том самолете семидесятым пассажиром?

Известный психолог, кандидат мед. наук К. Пустырников так объясняет эту загадку: «Перед нами—типичный случай массового психоза. Мелкие, не вполне объяснимые странности, на которые нормальный человек и внимания не обратит, сопоставляют и внезапно объявляют зловещими признаками потустороннего вмешательства...»

Не стоит приводить здесь всю чушь, что нес кандидат мед. наук, а также опрошенные вслед за ним астролог-окультист, ясновидящая и майор милиции (чьи доводы, между прочим, оказались самыми разумными: он заявил, что стюардессы сами втихомолку слопали лишний завтрак, выпили казенную минералку, стырили стакан и мыло, а в недостатке обвинили нечистую силу, ибо знали, что привлечь оную к уголовной ответственности затруднительно).

...В тот день я сидел в дачном домике допоздна – пока у меня не закончились сигареты. Сидел и плакал от счастья, от внезапно нахлынувшего облегчения, которого уже не чаял. И вспоминал.

Теперь я мог вспоминать Эфенди, не замирая от боли.

* * *

Новенький появился у нас в классе за месяц перед Новым 1957-м годом. В классе было холодно, и мы все сидели кто в пальто, кто в телогрейке, а девочки – даже в вязаных шапочках и шарфиках.

Зоя Николаевна, седенькая, с неизменной «гулькой» на затылке и с пуховым платком на плечах, как раз склонилась над журналом, чтобы выбрать козла отпущения – и в тот миг открылась дверь, и вошла завучиха Ирина Матвеевна, ведя за руку худенького, бледного мальчика.

– Новенький к вам, Зоя Николаевна, – сурово, предупреждая возражения, сказала она.

Бедная наша учительница всплеснула руками:

– Да куда же, Ирина Матвеевна! Ведь и так сорок два ребенка в классе! Сажать некуда! Давайте в третий «В», там тридцать восемь...

Завуч поджала губы и веско, с нажимом сказала:

– В третий «В» нельзя. Там трудные дети.

– У меня тоже трудные! – наябедничала на нас Зоя Николаевна. – Да и почему ему особенные условия нужны? Он и сам, может, трудный!

– Нет, он не трудный. Он тихий, – ответила завуч и, круто повернувшись, вышла, положив конец ненужному спору.

А новенький остался перед нами, будто невольник на рабском торге. Мы все разглядывали его не без злорадства: почуяли безобидную жертву.

Был он тощим, лопоухим, и беззащитным, как приبلудный котенок. К тому же все время шмыгал красным от холода, большим горбатым носом. Черные волнистые волосы обрамляли несуразно высокий лоб. В темно-карих глазах застыл ужас. В жизни не видал я таких несчастных глаз! Позже, уже взрослым человеком, вспоминая этот взгляд, я понял, что в нем светилась неведомая детям скорбь... Но тогда я был готов растерзать его потехи ради, за компанию.

Зоя Николаевна прошла по рядам, выбирая, кого бы «уплотнить».

За предпоследней партой среднего ряда сидели две девочки, Тоня и Маруся, обе худые, как щепки.

– Подвиньтесь, – строго сказала она и повернулась к новенькому. – Иди садись здесь. Как тебя зовут, мальчик?

Мальчик судорожно вздохнул, втянул голову в плечи и произнес:

– Церун Шах-задэ.

Своим обреченным видом новенький только распалил нашу жестокость: класс взорвался хохотом. Смеялись все, даже отличницы и тихони не могли сдержаться.

– Серун! Серун! – повторяли мы. – Серун в заде!

Зоя Николаевна была доброй старушкой. Она возмущенно прикрикнула на нас и сказала:

– Садись, Церун. А где твое пальто? В классе холодно.

Новенький был одет в тесную, потертую школьную форму, очевидно, купленную еще в первом классе. Из-под кителя торчал ворот заношенного серого свитера.

– Пальто бабушка с собой забрала, – еле слышно ответил Церун. – Говорит, в раздевалке украдут.

– А учебники у тебя есть?

– Да, но не с собой, – опустил глаза, сказал мальчик. – Они... на другой квартире.

Голос у него был тонкий, напряженный, как струна. Говорил он с заметным акцентом и вдобавок заикался.

Одноклассники весело переглядывались. Так, сидя в кинотеатре в предвкушении комедии, ждут, когда погаснет свет – и такое начнется!

Началось. И пошло, и поехало...

Почему принято считать, что дети добры от рождения? Мол, невинность безгрешна? У детей стадное чувство развито гораздо сильнее, чем у взрослых. Все смеются – и я смеюсь, все кричат «Ату!» – и я кричу. Это ж не я начал, не мне и отвечать!

Оглядываясь назад, я диву даюсь: ну, как никому из нас не приходило в голову, что мы мучаем живое существо? Не просто безответное, а еще и отчаянно мужественное, поскольку бедняга ни разу не позволил себе обидеться или рассердиться. Он просто смотрел на нас печально, отрешенно, будто речь шла не о нем. Иногда даже кивал головой, будто ему говорили что-то лестное.

Вопреки принятому мнению, что безответных дразнить неинтересно, мы с каждым днем входили во вкус и изоощрялись в издевательствах. Надо сказать, поводами новенький нас обеспечивал.

Помимо смешного имени, которое мы как только ни коверкали, было много другого. Например, он заикался. Дразнить заик – одно удовольствие, и думать долго не надо! Он говорил с акцентом – не ярко выраженным, но как-то нараспев, непривычно для нас. Буква «е» во всех словах звучала как «э». Пущенная кем-то шутка «Нэт, это, эстэствэнно, рэдкая эрунда» повторялась сотни раз.

Учился новенький плохо. На уроках он «спал», по выражению Зои Николаевны, то-есть сидел, глядя в одну точку, сложив бледные, худенькие руки с длинными пальцами перед собой, и ровным счетом ничего не слышал. Тоня, соседка по парте, толкала его в бок, когда надо было взять ручку и что-то записать.

Выходя к доске, Церун краснел, втягивал голову в плечи, смотрел в пол и молчал. Конечно, мы начинали смеяться и острить! Но Зоя Николаевна жалела бедолагу и неизменно стыдила нас. В конце концов, она стала вызывать его к доске только на письменные задания.

Книги и тетради у него были в порядке, но частенько «оставались на другой квартире», что до поры до времени озадачивало нас и давало пищу для новых шуток. Но однажды Зоя Николаевна, подойдя к девочкам на перемене, попросила потихоньку сказать всем одноклассникам, что Шахзадэ – круглый сирота, и воспитывают его две бабушки. Месяц он живет у одной, месяц – у другой, причем обе между собой не ладят. Учительница надеялась, что теперь мы оставим новенького в покое.

И действительно, мы притихли, но лишь на день-другой! Вскоре привычка и неизменный соблазн повеселиться взяли свое. Мало того – мы стали смеяться и над бабушками Церуна.

Его «дежурная» в декабре бабушка Арминэ Гургеновна скрывалась

от наших взоров чуть ли не до Нового года. Она никогда не приходила за внуком вовремя, – а может, и приходила, но ждала где-то во дворе, пока дети выйдут, и тогда робко прокрадывалась в вестибюль и ждала, стоя под стенкой. Когда появлялся Церун, она поворачивалась и шла прочь, а мальчик догонял ее, на ходу вдевая руки в рукава и держа шапку в зубах.

По улице они шествовали так же – впереди бабушка, позади внук. Всем своим видом Арминэ Гургеновна показывала, что не имеет никакого отношения к лопухому заморышу.

Вторая бабушка явилась после Нового года, и была она поистине монументальна! Красивая, высокая, дородная, Рафига Джаваншировна одевалась ярко и держалась, как королева. Впрочем, королевского в ней было только то, что она привыкла повелевать.

– Церун! Я пришла! – раздавалось в классе, едва звенел звонок и дети начинали собирать ранцы. – Как успехи? Сколько двоек сегодня схватил?

Грозная бабушка не ограничивалась эффектным появлением. Она тут же брала шефство над всем классом.

– Девочка! Разве можно иметь такие грязные ногти! – обрушивалась она на первую попавшуюся жертву. – Ай-яй-яй! И куда только твоя мама смотрит? А это чей ранец такой драный? Что, зашить трудно, да? Ой, бумажек под партой сколько! А вы учительница, да? Куда ж вы смотрите, в классе такой кавардык устроили!

«Кавардык» стал ее прозвищем навсегда.

Неизвестно, которая из бабушек причиняла бедному Церуну больше страданий. Думаю, обе его в какой-то мере любили, но вражда с другой опекуницей уродовала отношение каждой из них к внуку.

Историю их вражды мы в детстве не узнали, и хорошо, что не узнали – думаю, мы бы ей не поверили. В те годы столь деликатные вопросы, как национальная рознь, еще не обременяли наши детские головы.

У нас в классе учились два мальчика-грузина, девочка-адыгейка, четверо явных евреев и двое – под русскими фамилиями, литовец, узбек, татарка и кореянка. Были два однофамильца Мирошниченко: Ваня из Полтавы считал себя украинцем, а Вова из Армавира – русским. Наконец, была армяночка Каринэ, миниатюрная девочка с огромными черными глазами... Но о ней позже.

Мы росли в счастливом неведении о том, что национальность делает человека более или менее полноценным. Никто не произносил потихоньку: «Тсс! Это еврейка, не вздумай при ней анекдот рассказать!» Никто не обзывал одноклассников «косыми» или «чучмеками» даже за их спиной. Никто не стеснялся спросить, откуда новый знакомец родом. Детство наше омрачали совсем другие беды и заботы, такие, как нехватка денег, жилья, хорошей еды и одежды, дров и угля для отопления в домах.

Единственное, что в третьем классе мы узнали о новеньком – это что

отец у Церуна был азербайджанец, а мать – армянка. И кажется, кто-то из взрослых заметил, что сочетание это уж очень необычно.

II

Да простит меня Шекспир: почему-то мне не верится, что Монтеки и Капулетти, решив воздвигнуть золотые статуи усопшим детям, примирились надолго. Впрочем, иной век, иные нравы – вполне возможно. Опять же, суровый герцог пригрозил за ними приглядывать...

Теперь представьте себе, что роман Ромео и Джульетты длился не три дня, а полтора года – и, умерев, они оставили на попечение бабушек и дедушек маленького ребенка. Как повели бы себя знатные враги?

Это и есть история Церуна – вкратце. Без герцога и золотых изваяний.

Отца мальчика звали Маликом. В сорок третьем ему исполнилось восемнадцать, и, несмотря на слабое здоровье, он пошел на фронт добровольцем. Как и все его сверстники на войне, за два года Малик постарел на двадцать. Весной сорок пятого, в самом конце войны, был тяжело ранен в битве под Кенигсбергом, попал в один госпиталь, потом в другой. При случае, транспортным самолетом его отправили туда, где он родился и жил – в небольшой город на Кубани. Юноша был так плох, что врачи, скорее всего, решили: «Пускай хоть умрет на родине».

Но вышло иначе. Полуживого Малика привезли в родной городок, и в местном госпитале поместили в палату, где работала санитаркой семнадцатилетняя Ануш. Однажды, очнувшись от забытья, раненый увидел склонившееся над ним лицо плачущей девушки – и, назло печальным прогнозам, стал поправляться. Он отчаянно боролся за жизнь, повторяя: не хочу, чтобы она плакала! Наградой за каждый прожитый день ему была улыбка Ануш.

Весь госпиталь любовался ими. Каждую свободную минуту девушка сидела у постели Малика, они смотрели друг на друга и улыбались. В День Победы они вместе плакали, обнявшись. Потом, уже летом, когда ему разрешили вставать, по вечерам они бродили в больничном саду вдвоем, держась за руки, и глаза их сияли от счастья.

В то страшное послевоенное время, среди горя и разрухи, их любовь была, как цветок, расцветший на пепелище.

Еще до конца войны из эвакуации вернулась Рафига Джаваншировна с дочерью Лейлой. За Рафигой увязался кавалер из сибирской деревни, почувший возможность прописаться в южном городе.

Дом их чудом уцелел, но квартира оказалась занята беженцами из Молдавии. Две недели криков, жалоб в прокуратуру, угроз и взяток – и вот беженцы выселены, а квартира опять принадлежит семейству Шахзадэ. Кавалер по имени Виктор Семенович оказался очень кстати: никакие взятки не позволили бы двум женщинам занимать целых две комнаты. Правда, пришлось зарегистрировать брак, чего Рафига Джаваншировна

поначалу делать не хотела.

Малик не знал, что мать и сестра вернулись. Но однажды собрался показать Ануш дом, в котором вырос. Во дворе они столкнулись с Лейлой – и решили, что теперь-то уж все будет хорошо...

Увы! День радости оборотился днем раздора. Обняв сына, Рафига Джаваншировна посмотрела на его девушку, и глаза ее полыхнули огнем. Точно так же, но днем позже, полыхнули глаза и у Арминэ Гургеновны, и у ее отца, и у тогда еще живого мужа-инвалида, вернувшегося с войны в сорок третьем.

Я не знаю всех подробностей последовавшего кошмара. Единственное светлое пятно в детстве Церуна, его тетя Лейла, много лет спустя рассказала мне об этом вкратце, с бесстрастностью, выдававшей душевную боль.

Забыв о том, что Малик вернулся с того света благодаря любви к Ануш, их родичи принялись враждовать друг с другом. К ближайшим родственникам примкнули дальние. Выяснилось, что, помимо национальной ненависти, там были еще какие-то счеты между местными общинами, да и, вероятно, между самими семьями. Монтекки и Капулетти...

Помимо скандалов, угроз и сплетен, в ход шли даже доносы. Можно лишь гадать, как получилось, что никто из двух семей внезапно не исчез.

В отчаянии дети сделали именно то, что в свое время совершили Ромео и Джульетта: украдкой побежали в ЗАГС и поженились. Подруга-санитарка и пожилой интендант из госпиталя сыграли роль свидетелей, а о родителях никто не спросил: за неделю до того Ануш исполнилось восемнадцать.

С жильем в разрушенном бомбежками городе было трудно. О том, чтобы жить у родителей, даже мысли не возникало. Малик был еще слишком слаб, чтобы работать, да и не отпускали его пока из госпиталя. Узнав об их беде, сердобольные бабы-санитарки освободили молодоженам кладовку в подвальном этаже, сдвинули вместе два топчана, поставили колченогий стол и железный сейф вместо шкафа, подвесили лампочку на длинном шнуре, собрали белье и посуду – кто что мог дать.

– Вот вам шалаш, а рай сами себе устройте, – сказал интендант, пряча глаза: до слез доводила старика эта история.

Рай начался с беременности. Тяжелой беременности, усугубленной плохим питанием и бессонными ночами – Ануш работала за двоих. Осенью Малик начал понемногу помогать истопнику-инвалиду в госпитале. Денег не платили, но продовольственный паек выписали, что уже стало большим подспорьем.

Кое-как прожили зиму, все ожидая: вот родится малыш, станет легче.

Мальш родился в начале мая, но легче не стало: напротив, понадобилось гораздо больше денег, чем раньше. Ануш после родов много болела.

Еще один удар настиг молодых родителей к концу лета: госпиталь переводили в другой район, а в прежнем его здании собирались делать капитальный ремонт. Надо было выбирать, а куда?

Малик подрядился работать на стройке в пригороде: там можно было жить в бараке. Поднимать тяжести ему категорически запретили врачи, но другой работы он найти не смог – и скрыл ранение от начальства.

Ануш с ребенком в бараке места не нашлось. Скрипнув зубами, Малик отвез жену и сына к теще. Но уже через два дня Ануш пришла к нему на стройку. Как она плакала!

– Мне сказали: будешь жить у нас, только если разведешься со своим басурманом, – сквозь рыдания сообщила она. – Я там не останусь!

Можете себе представить, чего стоило Малику повести жену к своей матери? Он, конечно, знал, чего ждать. Но, быть может, оставлял крохотную пользу сомнению... Во всяком случае, должен был убедиться.

Рафига Джаваншировна даже не взглянула на внука – так упивалась она торжеством.

– Что, приползли на коленях? – сыто улыбаясь, сказала она. – И унижения не побоялись! Но вы ошиблись: я от своих слов никогда не отказываюсь. Малик, ты снова станешь моим сыном, только когда разведешься с этой женщиной. А ребенка мне не тычь – это ее ребенок.

Дверь захлопнулась. Оглушенные горем, молодые родители медленно пошли по улице – и тут их догнала Лейла. Плача от стыда, девушка просила прощения за мать.

– Я не могу помочь вам: ни денег, ни своего жилья у меня нет, – в конце концов сказала она. – Но на соседней улице недавно открылись ясли. Давайте-ка сходим туда вместе – насчет работы.

Заведующая яслями, как и Ануш, тоже оказалась медсестрой-фронтоничкой. Она выслушала обеих женщин и, вздохнув, сказала:

– Вы опоздали: работы в яслях уже нет. Разве что ночной нянечкой? Может, и поспишь иногда... Днем тебе придется уходить, у нас с этим строго, зато ребенка можешь оставлять круглосуточно. Кормить его будешь утром и вечером, а днем прикармливать станем.

Ануш и Малик плакали от счастья, что выход нашелся. Увы! Они еще не знали, чем обернутся для молодой мамы дневные бдения.

Ночные нянечки и теперь не спят на работе спокойно, а уж в голодное время, – голод в сорок шестом был страшный, – им и вовсе не удавалось поспать ни минутки. Всю ночь Ануш то и делала, что носила на руках, качала и уговаривала потерпеть детей, маявшихся коликами, газами, а то и просто голодом. Утром, еле держась на ногах, она съедала миску теплой болтанки, кормила Церуна – и уходила на целый день.

Началась непогода, следом пришла стужа. Пальтишко Ануш, короткое и ветхое, худые, разваливающиеся армейские сапоги, слишком большие,

чтобы согреть ноги, и вытертая шаль – вот и все, чем она могла защититься от мороза. А постоянный голод и маниакальное желание выспаться не добавляли ей здоровья.

Куда она ходила каждый день? Конечно, к мужу. Стройка была далеко. Автобусы редко, но появлялись, подъехать можно было. Но Ануш не знала, куда девать время – вот и ходила пешком. Два часа туда, два – обратно.

Малик все больше приходил в ужас, глядя на осунувшееся, бледное лицо жены. Несколько раз он, умолив дежурную, пускал Ануш в барак поспать на своей постели. Но начальник стройки, желчный, злобный старикан, поймав злоумышленников, пригрозил им доносом.

В декабре грянула беда: совершенно изнемогшая Ануш уснула на скамейке в парке. Накануне выпал снег, а после подтаял, – и промозглая сырость пробирала насквозь даже тех, кто был тепло одет и быстро шагал по своим делам.

Малик, два дня не видевший жену, попросил отгул, чтобы разыскать ее. Начальник злорадно отказал, и Малик ушел в «самоволку».

В яслях ничего не знали. Ануш не приходила на работу два дня.

В милиции пожилой сержант замахал было руками, но, глянув на помертвевшее лицо Малика, посадил его в «газик» и повез по больницам. В третьей Ануш нашлась. Без сознания.

«Крупозное воспаление легких», гласил приговор. Седовласая, выдавшая виды врачаха буркнула:

– Чего ж вы хотите, если у вас жена по скамейкам в парке валяется? Раньше думать надо было.

В тот день в той же больнице появился еще один пациент: у постели жены Малик упал. Никто не проверял, что у него с сердцем – ясно было и так, что открылись старые раны...

Они жили недолго, но умерли в один день.

Лейла сказала мне, что похоронили их в общей могиле, за счет города. Горькое милосердие: хоть после смерти их никто не пытался разлучить.

По сей день меня угнетает непостижимая дикость этой истории. Я мог бы хоть как-то понять родителей, ослепленных религиозным фанатизмом – но оба семейства исповедовали насаждавшийся в СССР атеизм, и даже кичились этим. Мог бы понять, если бы дело происходило в Армении либо в Азербайджане, и чужаков там не жаловали, – но ведь на русской земле, на Кубани, все имели равные права!

Можно было бы даже понять гаденький расчет, кабы речь шла о дележе наследства между несколькими детьми. Но угробить и единственную дочь, и единственного сына (Лейла не в счет, мать ее наследницей не считала) из-за того, что фамилии их супругов звучали не так, как хотелось родителям? Умирать буду – все равно не постигну.

Жаль, не нашлось в городе сурового герцога, чтобы напомнить

семействам Шах-Заде и Варданиян, что на фронтах недавно закончившейся войны армяне и азербайджанцы спали рядом в окопах и прикрывали друг друга под огнем. Что и тех, и других полегло на войне несметное множество. А тех, кто остался, особенно молодых, надо любить и беречь! Но герцога не нашлось. Да и поздно было.

Лейла заменила ребенку мать на неполные три года. Но к тому времени, как Церун широко открыл глаза и начал задавать вопросы, тетю просватали за важного человека – разумеется, азербайджанца. Ее важный жених примирился бы с приемным ребенком – но только не с Церуном! На потомке Варданиянов стояло клеймо. Робкая, безгласная, запуганная матерью, Лейла согласилась – и потом всю жизнь не могла себе этого простить.

Оставалось «поделить» внука бабушкам и дедушкам. Лейла считала, что права матери выше прав отца. Поэтому, уезжая из города, она отнесла ребенка к Арминэ Гургеновне. Та поначалу приняла Церуна, и может, будь он помладше или поглупее, стала бы для него образцовой «татик». Но в свои три года умненький ребенок прекрасно разговаривал, строя длинные, красивые фразы на двух языках: русском и азербайджанском.

Гром грянул, когда дитя вежливо обратилось к новой бабушке по-азербайджански. Ату его! Ослепленная гневом, бабушка не удосужилась даже препроводить внука к другой бабке сама: она заплатила таксисту целый рубль, чтобы тот отвез и вручил ребенка по указанному адресу.

Как говорят юристы, прецедент был создан. Оставь армянская бабушка внука у себя – и Рафига Джаваншировна из кожи вон лезла бы, доказывая свое право воспитывать Церуна. Но, поскольку та от него отказалась, эта поступила так же.

Надо отдать ей должное: дважды порывалась бабушка отнести ребенка в детский дом, но так и не решилась. Все-таки три года Церун рос у нее на глазах, сиживал на ее коленях и говорил на ее языке. К тому же дети в приюте, одетые и стриженные одинаково, выглядели уж очень жалко.

Что же делать? Как отомстить ненавистой сватье?

Выход подсказал Виктор Семенович: подать на нее в суд. Хитрый мужик преследовал свои цели: его не устраивало, чтобы внук жены (как он рассчитывал, временной жены) претендовал потом на его жилплощадь.

Герцог – не герцог, а судья им попался суровый. То-есть, попалась суровая. Узнав, что бабушки спихивают друг на друга родного внука – не уроды, не умственно отсталого, не калеку, не тифозного, не лишайного, и далее с приставкой «не» полный список категорий «отказников»... Так вот, узнав суть дела, судья – отставная командирша зенитной батареи – сдерживаться не стала. Виктор Семенович, «пасший» Церуна снаружи у здания суда, не узнал обеих женщин: разом помолодев, бабушки пулей вылетели из дверей и кинулись бежать в разные стороны, прикрывая руками

пылающие щеки.

С тех пор жизнь Церуна преобразилась. Грозная, как тень Командора, судебная инспекторша раз в месяц, без предупреждения, навевалась то к одной, то к другой бабушке и бесцеремонно совала нос в тарелку, чашку, постель и горшок ребенка. Проверяла, нет ли клопов и вшей, часто ли стирается белье малыша, есть ли у него теплые ботики и рейтузы, не обижают ли во дворе. Чуть что не так – грозила штрафами. Хотя никогда не выписывала – сама воспитывала двоих таких же...

Так и пошло. Устоявшийся порядок «месяц армянский, месяц азербайджанский» продолжался до самого совершеннолетия Церуна.

III

Под материнским крылом Зои Николаевны новенький оттаял, стал глядеть по сторонам и даже разговаривать с одноклассниками. В один прекрасный день он внезапно перестал заикаться, раз и навсегда.

К насмешкам Церун не то чтобы привык, а относился философски – как к неизбежному. Суждения у него частенько бывали необычными. Стоило кому-то из детей поссориться, одноклассники охотно принимали одну или другую сторону, но Церун – никогда. Он понимал и оправдывал всех.

Когда однажды Васька Мелешков украл у соседа по парте оловянного солдатика и попался, все его обзывали, кто во что горазд. А Церун сказал:

– Не ругайте его. Он и сам не знает, зачем взял.

Валька Лисицына, вечно досаждавшая всем своим ехидством, как-то раз перехватила «чисто мужскую» записку, предназначавшуюся ее соседу Кольке – и схлопотала по шее. Поднялся вой на весь класс, Зоя Николаевна поневоле стала разбираться. Как справедливый судья, выслушала обоих и спросила нас:

– Как по-вашему, ребята: кто из них прав?

– Колька! Колька! – закричали мы. – Чего она чужие записки хватает?

Учительница слушала и сокрушенно качала седой головой. Но, когда крик улегся, раздался тихий голос Церуна:

– Никто не прав. Чужие письма читать подло. Но девочек бить нельзя.

Все разом замолчали. Так это прозвучало – «Девочек бить нэльзя», что мы все почувствовали себя глупыми и невоспитанными.

Это был первый камешек в основание незыблемого авторитета, которым Церун – тогда уже не Церун, а Эфенди – пользовался у нас в классе к концу школы. Первая капля уважения, впоследствии выросшая в море.

Согласитесь: как бы любой из детей ни учился, на каком счету ни был бы у учителей, что бы ни говорил и делал – а в конце концов, с годами одноклассники узнают, кто чего стоит. Это, простите за напыщенность, закон накопительного осознания: из крохотных кусочков мозаики складывается картина – понимание хорошего и плохого, дешевого и

ценного, настоящего и фальшивого.

Оглядываясь назад, вспоминаю, как постепенно менялось мое отношение к каждому из школьных товарищей. Чаще всего приходило разочарование в прежних кумирах. Иногда случалось подружиться с тем, кем пренебрегал раньше, или наоборот. Так происходило, поскольку каждый из нас рос, взрослел и изменялся.

Когда вспоминаю маленького Церуна – чувствую стыд и недоумение: да где же были мои глаза? Мои, да и других учеников. Ведь непостижимый наш одноклассник за все школьные годы не изменился ни на йоту. Он просто рос и развивался – «мал золотник» стал большим. Мы не понимали этого, но, должно быть, подспудно чувствовали – и оттого, что он был так хорош, издевались над ним еще пуще.

Самые страшные поношения достались Церуну из-за любви.

О любви советским детям говорить вообще было не принято. Особенно в то время: ведь всего два года как вернулось совместное обучение мальчиков и девочек. Мальчишки из четвертых классов нашей школы начинали учиться в «однополом» классе, а потом, через год, шарахались от «подсаженных» девочек, как от прокаженных.

Существовали негласные законы, или традиции, отношений. Они никогда не обсуждались, но, тем не менее, им следовали все.

Симпатии, если таковые зарождались, тщательно скрывались даже от самых близких друзей и подруг. Взгляды украдкой, некстати вспыхивающий румянец, нарочно-случайные встречи в коридоре возле столовой, вовремя подсунутая шпаргалка, робкая улыбка, непременно с опущенными глазами – вот и все, чем мог похвастать юный проказник-стреломет в советской школе.

Правда, в старших классах полагались танцы на школьных вечерах. Вроде бы зеленый свет близкому знакомству мальчиков и девочек? Увы! Далеко не для всех. Только для тех, кто мог перебороть стыдливость и робость, страх не быть приглашенным – или получить отказ, а потом стоять в углу и делать вид, что танцевать не хочется...

И какой злой рок послал Церуна именно к нам? Будто знал, где он найдет проклятье на всю жизнь.

У нас в классе была настоящая красавица. Все, кто видел ее впервые, ахали и замирали. Золотые локоны и синие глаза, существующие только в сказках, воплотились в жизнь в этом создании. Правда, с умом, скромностью и добротой вышла осечка, но этого почему-то никто не замечал. Звали ее под стать внешности – Еленой.

Лена Перина (с ударением на первом слоге; но мы, ничтоже сумняшеся, ставили ударение на втором) училась на одни пятерки, носила пышные белые банты и отутюженные белоснежные воротнички и манжетки. Ухоженностью, прилизанностью и манерностью она напоминала сытую

болонку из буржуйского дома.

Зоя Николаевна ее боготворила. Леночка сидела за первой партой перед учительским столом, выходила к доске, когда хотела, и, стоило ей поднять руку, отвечала каждый раз – независимо от того, сколько других рук вокруг нее тянулись вверх.

Приходила за ней такая же ухоженная, красивая мама, единственная мама в школе, менявшая наряды чуть ли не каждый день. Наши мамы и бабушки за глаза звали ее «Фифой».

Обе они – и Фифа, и Леночка – смотрели на других свысока. В старших классах кто-то разведal, что товарищ Перин – важная шишка в райкоме партии. Но тогда, в младшей школе, мы думали: они зазнаются оттого, что красивы.

Церун увидел Леночку после Нового года – в декабре она долго болела и в школе не появлялась. Несчастный застыл, оглох, окаменел на весь день. Не сводил с нее глаз с тех пор, как она вошла в дверь. Смотрел на нее, пока она отвечала у доски, а потом, когда села – на ее затылок. После уроков, когда Леночка собрала портфель и вышла, Церун продолжал сидеть за партой, глядя на дверь, за которой она скрылась.

Во взгляде мальчика сочетались восторг и недоумение: как здесь, на этом сером, сиром клочке земли, передо мной, ничтожным, явилось это чудо? Он смотрел на Леночку так, как смотрел бы на хрупкую, пугливую бабочку изумительной красоты, по недомыслию севшую на его ладонь.

Леночка раздраженно оглянулась раз-другой, смирив заморыша презрительным взглядом – и забыла о нем.

Мы хохотали вокруг. Зоя Николаевна несколько раз звала Церуна по имени – он не слышал. На переменах он даже в уборную не выходил, все сидел на месте, как громом пораженный.

«Я помню чудное мгновенье...», – пропел кто-то за его спиной, и все просто застонали от хохота.

Тогда, и позднее – как же мы смеялись над человеком, который доказал всем, что бывает настоящая любовь! Настоящая дружба. Настоящая совесть. Настоящая доблесть, храбрость, благородство... Все то, над чем у школьников принято смеяться.

Напрасно я ломаю себе голову снова и снова: как же я сразу не понял, с кем свела меня судьба? Но нет, не понял. Мешали те самые пресловутые шоры на глазах. Называйте их, как хотите: устои, стереотипы, – но все равно шоры. Рамки, за которые никто даже не пытается заглянуть.

Попробуйте-ка мне возразить: искренность в классе – табу. Можно искренне говорить с другом, самое большее – с двумя, но в классе – молчи либо лицемерь, иначе засмеют! Искренность принято рассматривать, как глупость или самое отъявленное притворство.

Человек, во всеуслышание признавшийся в своих чувствах, обрекает

себя на издевательства. Впрочем, по этой части Церуну трудно было что-нибудь добавить – разве что тема насмешек поменялась.

– Что, Серун, Ленка красивая?

Распахнутые глаза, полные скорби, светились восторгом:

– Она прекрасна.

– Так ты влюбился?

– О да!

Хохот пополам с визгом:

– Что ж ты, думаешь, она за тебя замуж выйдет?

– За меня? Нет. Я и не буду просить.

(Кто сказал, что рыцари и прекрасные дамы – древняя история?)

– Так зачем же ты ее любишь?

Минутное недоумение – и ответ, навсегда зесевший у меня в памяти:

– Ей нужно, чтобы ее любили...

По Леночке Периной вздыхали все мальчишки, включая меня – конечно, тайно, втихомолку. Явных воздыхателей у нее было двое: Церун и Лешка Завьялов, сосед по парте – смиренный раб, таскавший за ней ранец с этажа на этаж и занимавший для нее очередь в раздевалке.

Церун никогда не подходил к Леночке, не заговаривал с ней, не писал ей записок. Он просто смотрел. День за днем, месяц за месяцем...

Женщины любопытны. И девочки тоже. Даже хитрейшая хитрость, столь чуждая Церуну, не могла бы измыслить лучшего повода для знакомства. Однажды на перемене Леночка подошла к нему сама.

– Мальчик, почему ты на меня все время смотришь? – оттопырив губку, спросила она.

Церун смешался, покраснел, но глаз не отвел.

– На тебя все смотрят, – чуть заикаясь, сказал он.

– Я запрещаю тебе на меня смотреть! – с нажимом произнесла жестокая фея.

– Это глупо, – неожиданно для самого себя сказал Церун. – Ты сидишь перед столом учителя. Что же мне, на Зою Николаевну не смотреть?

Леночка побагровела – ей посмели возразить!

– Ты... ты назвал меня глупой? – угрожающе прошипела она.

– Я не называл тебя глупой, – в отчаянии ответил Церун. – Но то, что ты говоришь, глупо. Может, ты просто не знаешь, что сказать?

Оскорбленная невинность захлопала синими глазками, пытаясь найти достойный ответ нахалу. На ее счастье, прозвенел звонок.

– Урод! – выпалила Леночка и убежала.

То, что она пыталась запретить ему, она запретила себе: перестала замечать Церуна. Это стоило определенных усилий и страшно злило Леночку. Так или иначе, она все больше думала о противном уроде и о том, как его ненавидит.

В каждом классе бывают свои «постоянные величины» – то, что переходит вместе с учениками из одного учебного года в другой и с чем, в должное время, они оканчивают школу. У нас их было три: «девочек больше, чем мальчиков», «любимый предмет – математика» и «Эфенди любит Пери».

Вот как заслужил Церун волшебное прозвище. Появилось оно из-за общеклассного увлечения одними и теми же книгами.

В то унылое, безденежное время, скудное впечатлениями, у нас, детей, были две отдушины: кино и книги. Теперь, отдавая должное нашему не совсем обычному классу, я поменяю эти слова местами: книги и кино. Кино любили все дети, а читали не все – но при этом у нас в классе не читать было стыдно! Наши лоботрясы, ленивые к чтению, потихоньку просили приятелей рассказать, о чем та книга, которой бредят сейчас одноклассники, и тут же отпускали умные замечания, делая вид, что тоже ее прочли.

Книги – сначала сказки, позже – приключения и фантастика, – врываясь в скучную школьную обыденность, позволяли нам жить в блистающем мире воображения. Мы погружались в этот мир всей душой, играли в персонажей, рисовали свои иллюстрации, цитировали целые абзацы наизусть – особый шик, мы этим гордились! Все одноклассники в одночасье становились полярными исследователями, через месяц-другой – пиратами, индейцами или разведчиками, потом все поголовно принимались писать зашифрованные записки а-ля «Золотой жук», но вскоре, забросив шифры, очертя голову бросались столбить участки на Юконе...

Конечно, мы играли и в киногероев. Но все-таки кино стояло у нас на ступеньку ниже. Во-первых, в кинотеатрах не было выбора – «смотри, что крутят», а выбор – великое дело! Выбор пахнет свободой. Хорошие книги тоже под ногами не валялись, приходилось «доставать», выклянчивать, становиться в очередь, но в то время народ охотно делился с ближними – чаще всего мы находили то, что искали. Библиотеки тоже были не под стать нынешним: стоило покопаться на полках – и найдешь алмаз!

Во-вторых, кино не давало простора фантазии. У каждого из нас в голове был свой Таинственный остров, своя Звезда КЭЦ, свой Камелот, свои герои, принцессы и рыцари. Иной раз, посмотрев фильм по своей любимой книге, мы только диву давались, насколько режиссер и актеры искажили сложившиеся в нашем представлении образы.

Поход в кино был праздником – всегда по выходным, всегда в компании друзей, с непременно прогулкой после фильма. Чтение же занимало в нашей жизни совсем другое место: тихое вечернее удовольствие, уснуть без которого значило то же, что лечь спать голодным. Что нужнее: праздничный фейерверк или домашний очаг?

Появившиеся позже в семьях телевизоры сделали свое черное дело: кино пришло в дома, сделалось обыденным – и оторвало детей от книги...

Сколькими теплыми воспоминаниями я обязан нашим книжным играм!

Особо я помню вот какие (может, потому, что мы дольше всего играли в них, и потому, что чаще всего они не входили в обязательное чтение): «Два капитана», «Кортик», «Белеет парус одинокий», «Человек-амфибия», «Том Сойер», «Остров сокровищ», «Три мушкетера», «Овод», «Последний из могикан»... Да разве все перечислишь!

Мы были в шестом классе, когда в книжном магазине появилась новинка – «Турецкие сказки». Пятеро счастличиков-обладателей голубых томиков с готовностью давали почитать их всем желающим. Кто не прочел – услышал в пересказе, но вместе с остальными утонул в очаровании замысловатых, будто узор на ковре, приторно-слащавых, как лукум, но вместе с тем светлых, с поэтической ноткой, сказок.

Дурман восточной экзотики витал в шестом «Б», кружил головы и будоражил умы. В каждой чернильнице на парте прятался джинн, указка в руке учителя порхала волшебной палочкой, каждая девочка воображала себя пери, каждый мальчик держался, как эфенди...

Когда дурман развеялся, не выдержав натиска гладиаторов Спартака, выяснилось, что два турецких слова остались в классе навсегда.

Леночка Перина, благодаря неземной красоте и созвучию фамилии, стала Пери. А кто-то вспомнил, что Шах-задэ – это и есть Эфенди на другой лад, как кому нравится.

Но все не так просто! «Эфенди» – слово особое, волшебное. Звучит оно с уважением, с восторгом, с восхищением. Даже в издевку никому не пришло бы в голову называть так Церуна в третьем классе, четвертом и даже в пятом.

Прозвище это было неосознанным признанием нашего героя. Уже тогда мы смотрели на него снизу вверх.

Я отвлекся. Вернемся снова в третий класс.

Невероятное открытие, что Церун никогда не лжет, мы могли бы сделать и раньше, но заметили это только весной, в апреле, когда Зоя Николаевна стала готовить нас ко вступлению в пионеры.

Сначала она рассказывала, каким должен быть настоящий пионер: кристально честным, негибимо целеустремленным, лучшим в учебе и труде и так далее – обычный набор агиток. Затем спросила:

– Ребята, кто у нас в классе достоин стать пионерами в день рождения Владимира Ильича Ленина? Это должны быть самые лучшие ученики, или те, кто лучше всех что-то умеет делать.

– Петька Манухин! Он отличник!

– Ленка Перина! Тоже отличница, и пишет красиво!

– Отар Габуня! Он в шахматы здорово играет!

- Таня Карась! Поет хорошо!
- Вовка Мирошниченко – вратарь во какой!
- Маруся Суркова – лучшая староста...

Зоя Николаевна довольно улыбалась – сбор шел как по маслу.

- Хорошо, ребята! Давайте остановимся на шестерых кандидатурах.

Кто за то, чтобы выбрать Петю Манухина?

Улыбаясь, учительница обвела взглядом «лес рук» и, на беду свою, заметила недостачу – Церун сидел, по обыкновению сложив руки перед собой, и виновато смотрел на нее. И надо ж ей было это заметить!

- А ты, Шах-Задэ, не считаешь Манухина достойным кандидатом?

– Нет, – чуть слышно ответил Церун.

- За что же ты его не уважаешь?

– Я его уважаю, – умоляюще сказал бедняга и опустил глаза. – Но он не такой, каким, вы рассказывали, пионер должен быть...

Класс взорвался негодованием. Мы все обрушились на несчастного – кто обиделся за Петьку, кто решил, что Церун «выпендривается», кому просто хотелось домой поскорее.

Своими криками мы отрезали Зое Николаевне путь к отступлению. Она судорожно вздохнула и сказала:

- Посмотри, все за Петю! Один ты против. Почему?

– Вы говорили – пионер должен быть честным, – глотая слезы, сказал Церун. – Все наши кандидаты, и вообще почти все в классе лгут и хитрят. Списывают, уроки прогуливают, сплетничают, наушничают. Зачем тогда законы пионеров, если на все это глаза закрывать?

Настала тишина. Мы не могли опомниться – никто никогда не говорил нам подобных вещей.

- Что, и Ленка тоже такая? – ехидно спросил Владька Мысин.

Церун глубоко вдохнул, опустил глаза и прошептал:

- Да.

– Вот тебе и любовь! – народ снова развеселился. Леночка фыркнула.

- А ты-то сам не врешь никогда? – спросил кто-то.

– Я? Нет, – ответил Церун, и мы внезапно поняли, что это правда.

- Значит, ты у нас лучше всех?

– Нет! Я не лучше, – грустно сказал он. – Я – трус! Надо было сказать это раньше. Но я боялся.

Бедная Зоя Николаевна! В младшей школе мы и не подозревали, в каком страхе жили наши учителя. Только представить себе, как старушка докладывает директору школы, что в ее классе не нашлось достойных стать пионерами – мороз по коже идет...

И тут что-то произошло. Грозный судия дрогнул! Думаю, что Церун своим невероятным чутьем уловил тень ужаса в глазах учительницы.

- Зоя Николаевна! – умоляюще сказал он. – Для большинства ведь не

нужны все-все. Проголосуйте без меня. Да и зачем каждого по отдельности?

– Правильно! – подхватили мы. – Голосуем списком!

Честь класса – и репутация учительницы – были спасены.

Вот так мы получили первый, но далеко не последний урок нравственности от Церуна Шах-Задэ.

Говорят, что чувство юмора – признак ума. Мол, если человек не смеется над шутками, он глуп.

Я и сам так думал. Признаться, считал Церуна недалеким, когда все покатывались над какой-то «хохмой», а он молчал.

Он редко ходил в кино, и при этом никогда не выбирал комедии. Наши анекдоты и веселые истории из «Мурзилки» вызывали у него недоумение.

Нет, не подумайте, что десятилетний мальчик никогда не смеялся. Он бегал вместе со всеми на школьной площадке, играл в «казаки-разбойники» и догонялки – и тогда мы слышали его залиvistый, с привизгиваньем, смех. Он хохотал до упаду, наблюдая за потасовкой маленьких котят у нашей технички тети Шуры. Наконец, смеялся до слез, читая «Капитана Врунгеля» и «Хоттабыча».

Однажды Церун очередной раз промолчал, услышав «мужской анекдот с изюминкой», то-есть с намеком на пошлость. Женька Горюнов, рассказчик, язвительно спросил:

– Что, Серун, не дотукал? Умишка не хватило?

На него оборотились бездонные карие глаза, и тонкий голос произнес:

– Я понял, о чем это. Ума мне не хватает понять, как можно смеяться над такой глупостью.

– Ой-ой-ой! Смотрите, какой умник! – зашумели мальчишки. – Зануда ты, вот кто! С тобой со скуки помрешь!

– Я люблю смеяться, – сказал Церун. – Но когда действительно смешно. А вот из вас половина смеется за компанию.

Я покраснел и отвернулся: он угадал про меня. Мне частенько приходилось хихикать над тем, что я считал плоским и глупым – как я думал, чтобы не обидеть рассказчика, а на самом деле из боязни прослыть занудой.

Разгадку церуновой серьезности я получил в пятом классе. Помню, у меня тяжело заболела мама, и я, хоть и приходил в школу, постоянно думал о ней. Все вокруг мне казалось противным, враждебным, раздражающим. Хотелось забиться куда-нибудь в уголок, или надеть шапку-невидимку...

И вот тогда-то, услышав на перемене очередной анекдот «про американца и русского», я не засмеялся. Даже подумал: какая глупость.

Мама, слава Богу, поправилась, а я понял, что Церун просто несчастней всех нас. Как ему, наверное, одиноко без родителей, с такими противными бабками, как Гургеновна и Кавардык!

Тогда я не знал, что такие, как Церун, всегда одиноки.

И еще одного я тогда не понимал. Теперь, стоит кому-то из внуков рассказать мне анекдот – очень похожий на те, что бытовали у нас в школе, – я диву даюсь: что же тут смешного? Чтобы смеяться над подобным, нужна детская готовность к дурачеству, панибратский сговор: все, что называется «анекдотом», не может не быть смешным. Мы начинали смеяться, не давая себе труда вникнуть в смысл рассказанного.

А Церун думал всегда. Он родился мудрым. Каким-то непостижимым образом этот ребенок сочетал в себе детское простодушие и взрослую рассудительность.

IV

Почти целый месяц у нас в классе щеголяли кумачовыми галстуками только шестеро достойнейших. Но к девятнадцатому мая, Дню пионерии, нас приняли всех скопом.

На предварительном классном собрании Зоя Николаевна умоляюще посмотрела на Церуна – и дело оказалось в шляпе: он признал достойными всех, кроме себя. Но тут уже взбунтовались одноклассники: заявили, что берут его на поруки, и пусть только попробует не соответствовать!

Церун оторопело заморгал глазами – и согласился.

Под звуки фанфар и реянье пионерских галстуков мы триумфально окончили третий класс и въехали в лето.

То лето было особенным: мы с Церуном подружились.

Точнее, дружили мы с ним только один месяц, июль. Его армянская бабушка жила почти рядом с нами, через два двора, а в июне и августе он жил у Кавардыка, за речкой. Мама отпускала меня гулять одного, но наказ «за мост не ходить» был очень строгим. А Рафига Джаваншировна ровным счетом никуда не позволяла внуку уходить: приглядывать за ним ей не хотелось, а отпустишь – непременно расшибется или ногу сломает, возись потом с ним... Но Церун не огорчался: он всегда находил, чем заняться дома.

В начале июля мы встретились с ним на улице: оба шли в магазин за хлебом. Помню, меня поразило, насколько непринужденным и спокойным Церун выглядел вне школьных стен.

Как все дети, мы сразу нашли, о чем поговорить. Неспешно дошагали до магазина, стали в очередь. Продавец и водитель разгружали машину, потом ругались из-за недостающих лотков, затем ругались бабы в очереди, – а мы все говорили. И уже достигнув моих ворот, стояли еще с полчаса, пока не выглянула на улицу мама.

– Вот ты где! – сказала она в сердцах. – Хлеб уже, наверное, зачерствел, пока ты ходишь. А у меня обед простыл.

– Мама, не сердись! – ответил я. – Мы с Церуном все расстаться не можем.

– Вот как? Здравствуй, Церун! Заходи к нам в гости после обеда. Папа наш лечиться уехал, бабушка в колхоз вернулась, – так что у Миши сейчас своя комната.

– Спасибо, – сказал Церун и покраснел: он не помнил, как зовут мою маму. – Если бабушка разрешит, зайду.

– Зови меня тетя Света, – засмеялась догадливая мама. – А если бабушка не отпустит, Миша сам к тебе зайдет. А сейчас беги домой: Арминэ Гургеновна, наверное, волнуется.

– Нет, не волнуется, – улыбнулся Церун. – Я иногда по целым дням гуляю, она не ругается.

Я не мог дожидаться, пока мы увидимся снова. Как же я раньше не мог представить себе, насколько с ним легко и интересно!

Приятелей у меня было много, но закадычных друзей – ни одного. До Церуна. Представить только, что мы учились с ним полгода в одном классе и ни разу не поговорили друг с другом!

Июль пролетел, как один миг. Мы проводили вместе целые дни. Ходили в библиотеку, в кино, гуляли у реки и на пустыре за нашими домами, играли в солдатики и рисовали карты наших собственных таинственных островов.

Арминэ Гургеновна поначалу хмурилась, когда я забежал за Церуном, но потом привыкла, стала здороваться и даже передавала приветы маме. Ее отец, старый Гурген Ваганович, целыми днями сидел в кресле на крыльце, укутав немощные ноги старым одеялом, и читал газеты. Нас он не замечал. Его зять, дед Церуна, умер вскоре после войны (Лейла говорила мне, что его доконала смерть дочери). Внук почти не помнил деда.

Как-то раз во время прогулки пошел дождик, и мы побежали домой.

– Погода как раз для шахмат! – засмеялся Церун.

– Да я не умею! У нас и шахмат нет, – ответил я сокрушенно. Мне стыдно было признаться в этом – в шахматы тогда умели играть почти все мальчишки.

– Хочешь, научу? – предложил он. – Только придется идти к нам: бабушка не разрешает доску из дому выносить.

Арминэ Гургеновна возилась на кухне и нас даже не заметила. Церун достал шахматы, высыпал на пол. Мы уселись на полосатой дорожке, скрестив ноги, и начался урок.

Учитель был толковый: я все хватал на лету и после двух-трех пробных партий заявил, что хочу играть всерьез. И тут мы услышали хриплый голос прадедушки – оказалось, он все это время наблюдал за нами.

– Ты, мальчик, с ним играть не садись, – сказал Гурген Ваганович. – У Церуна выиграть нельзя. Он все твои ходы заранее знает! Я пробовал...

Тогда я не обратил внимания на его слова, но через три года вспомнил. В нашем классе учился будущий гроссмейстер, Отар Габуня, который однажды тоже зарекся играть с Церуном – тогда уже Эфенди.

Отар очень кичился своим талантом. Как-то раз на пионерском сборе мы играли в «дуэль» – одно звено вызывало другое померяться силами в том или ином умении. На правах звеньевского Отар вызвал нас на шахматный матч.

Уговорились играть до трех раз. Первым сел с ним за стол Эфенди – и выиграл. Выиграл легко, как у новичка. Отар не мог поверить глазам: он снова и снова анализировал позиции, бормотал под нос, тер лоб, краснел и пыхтел. Он чуть не плакал от обиды.

Дальше с ним должен был играть Колька Нестеров, но Отар неожиданно снова потребовал в партнеры Эфенди.

– Дайте мне отыграться! – умоляюще сказал он. – Никак не пойму, почему такого дурака сваял.

Мы решили, что это справедливо. Начался новый поединок. Все обступили стол и затаили дыхание. Отар думал долго, напряженно, а Эфенди играл легко и быстро. Исход был предрешен.

Третью партию Эфенди играть не хотел. Видно, ему стало жалко Отара. Но тот словно обезумел.

– Садись! – кричал он, тяжело дыша и раздувая красные щеки. – Я тебя сейчас на чистую воду выведу! Это будапештский гамбит, я им у мастера спорта в сеансе выиграл, а ты откуда его знаешь?

– Понятия не имею, какой это гамбит, – миролюбиво ответил Эфенди. – Я теории вообще не учил.

– Садись играть, – угрожающе произнес Отар. Все его звено сгрудилось вокруг и дружно смотрело зверем.

Почувяв недетские страсти, наша классная руководительница Вера Петровна попыталась вмешаться, но не вышло: никто на нее и внимания не обратил. Противники уселись за доску.

Отар сумел взять себя в руки и стал играть неторопливо, хладнокровно, взвешивая каждый ход...

Игра подходила к концу. Отару предстояло сделать решающий ход. Он долго думал и наконец взялся за ферзя, собираясь переставить его вперед. В этот миг Эфенди вдруг повел себя странно: откинулся на спинку стула, скрестил руки и стал смотреть в потолок. Он даже принялся насвистывать, чем вызвал негодование учительницы.

Отар поглядел на него с недоумением – раз, другой, потом нахмурился и потер лоб. И вдруг его лицо озарилось! Он оставил на месте ферзя, взял коня и уверенно шагнул в сторону.

Эфенди просиял не меньше, чем Отар, и пробормотал:

– Ну, вот это другое дело!

Я стоял рядом, и никто, кроме меня, не слышал его слов. Несколько быстрых ходов – и Отар уверенно загнал в угол короля и вместе с ним королевского сына, Эфенди. Разгром был полным.

Страсти улеглись, все заулыбались, и никто не затаил злобы.

После школы, когда мы шли домой вдвоем, я спросил друга:

– Признайся: ты проиграл нарочно?

Эфенди помолчал, потом сказал:

– Да, нарочно. Но не потому, что струсил. Просто моя игра... ну, немножко нечестная.

Я ждал дальнейших объяснений, но он заговорил о другом...

Тем летом произошло событие, воспоминание о котором долго мучало меня необъяснимостью.

Велосипед, настоящий велосипед, был для нас, мальчишек, истинным сокровищем в те годы, предметом зависти и вожделений. Счастливых обладателей сокровища у нас на улице не водилось.

В конце июля к нашему соседу-приятелю, Сережке из пятого «Б», приехали в гости тетя, дядя и их сын, семилетний Ванечка. Сережкин дядя был полковником авиации, и жили они богато: папа имел новенький «Москвич», а Ванечка – велосипед «Школьник», правда, слишком большой для его роста. Когда Ванечка сидел в седле, ему приходилось ерзать, сползая то влево, то вправо, чтобы достать педали.

Велосипед приехал с хозяином. Мы с Церуном вышли поглядеть, как Сережка и Ванечка катаются по немощеной дороге вдоль домов.

– Вань, дадим пацанам прокатиться? – спросил Сережка.

Для порядка спросил, конечно – знал, что Ванечка не откажет. Это был милый, улыбчивый малыш с ласковыми серыми глазами.

Внезапно проехали два тяжелых грузовика, подняли тучу пыли.

– Айда на пустырь! – сказал Сережка. – Там трава скошена, гладко, что твоя дорога. Не разгонишься, правда, но зато машины не мешают.

Пустырь, наше излюбленное место для игр, лежал между огородами на задворках домов и лесопосадкой. Чего там только не было! Кучи мусора в ямах, старые поломанные телеги и прочий хлам, стожки сена, поленицы. Невдалеке, привязанная к колышку, паслась коза.

Дрожа от предвкушения, я сел на велосипед. Думал, это легко – сел и поехал, да не тут-то было! Велосипед заваливался то на одну, то на другую сторону, не давая мне секунды, чтобы крутнуть педаль.

Но не прошло и пяти минут, как с помощью друзей дело пошло на лад. Я сделал несколько кругов и передал велосипед Церуну.

Он оказался проворней моего: повихлял рулем туда-сюда – и поехал!

А как поехал – запел, захохотал, заулюлюкал! Я не помнил, когда мой друг так радовался. Глядя на него, хохотали и мы.

Церун сделал круг, другой, а потом крикнул:

– Я на тропинку! Там разогнаться можно!

И он свернул на вытопанную в траве тропку, ведущую к лесопосадке. Мы побежали следом.

Внезапно из-за поленницы наперерез велосипедисту выскочили двое здоровенных старшеклассников. Одного я знал и очень боялся. Звали его Петруха-Бугай – за бычьей шеей и драчливый характер. Второй был высоким, худым, с длинными руками. Сапоги, тельняшка и подбитый глаз – ни дать ни взять, пират.

Церун не успел миновать их. Петруха резко толкнул велосипед ногой, и мой друг упал. Упал он страшно, полетел головой вперед. У меня замерло сердце, остановилось дыхание – я подумал, что он убится.

Долговязый, не взглянув на него, сграбастал велосипед и вразвалку пошел по тропинке к деревьям. Бугай осклабился, показал нам пудовый кулак и двинулся за ним.

Мы, все трое, кинулись сначала к Церуну. Но тот вскочил с земли, как ни в чем не бывало: по счастью, он упал на кучу скошенной травы.

Тогда мы бросились вдогонку за грабителями. Не знаю, на что мы рассчитывали – связываться с Бугаем даже взрослые не решались, а второй, несмотря на худобу, выглядел еще опаснее.

– Отдай мой велосипед! – тонко кричал Ванечка и плакал навзрыд.

– Милиция! На помощь! Грабят! – вопил Сережка.

– Стойте! Вот я вас! – орал я.

А Церун вдруг сошел с дорожки и стал поодаль. Я помню свое недоумение: оглянувшись, я сгоряча решил, что мой друг трусил. Он стоял прямо, напряженно, беспомощно уронив руки. И смотрел вслед похитителям нашей радости.

Сережка бежал впереди, но Ванечка его обогнал. Он первым настиг Бугая и схватил его сзади за рубашку. Я похолодел. Бугай оборотился. Громко выматерился. Левой рукой ухватил малыша, развернул к себе – и занес кулак.

То, что случилось потом, я помню немного смутно.

Внезапно кулак разжался, руки опустились, и Ванечка упал на землю. Бугай повернулся и зашагал к лесопосадке. Долговязый осторожно положил велосипед на тропинку и последовал за приятелем. Шли оба спокойно, размеренно, не оглядываясь, и скоро скрылись среди деревьев.

А мы стояли, широко открыв рты, и не могли поверить своим глазам.

– Что это с ними? – спросил Сережка.

– Будто испугались чего-то? – предположил я. – Хотя не похоже, что испугались...

– Ой, давайте удирать, пока они не вернулись! – воскликнул Ванечка, схватил свой велосипед и повел по дорожке вспять, не садясь в седло.

И тут мы увидели Церуна. Бедный мой друг лежал на траве, запрокинув голову. Лицо его было серо-зеленым. Он был в глубоком обмороке.

Как мы перепугались! Сережка сел на велосипед и помчался за подмогой. Прибежали его дядя-полковник, мама и тетя. Церуна отнесли к бабушке, кто-то вызвал «Скорую» и милицию.

Было много суеты, судов и пересудов. Врач сказал, что обморок – следствие удара головой, и прописал больному постельный режим.

Бугая с дружкой нашли под вечер: оба спали в стогу сена беспробудным сном.

– Сколько служу – никогда не видал, чтобы трезвого разбудить нельзя было, – рассказывал моей маме участковый, Павел Лукич. – А ведь не смогли! В машину погрузили, в участок привезли – спят. Весь день спят. Всю ночь спят. Анашу вроде не курят... Утром пробудились – ничего не помнят, будто после запоя. Чудеса, да и только!

Я навещал Церуна каждый день, пока его не отвезли к другой бабушке. Чувствовал он себя вполне здоровым, но противная слабость не позволяла ему подолгу ходить.

Уезжал он на машине Сережкиного дяди – Арминэ Гургеновна решила сэкономить на такси, коль нашелся добрый человек, расположенный к ее внуку. Перед тем, как попрощаться, Церун отвел меня в сторонку и спросил:

– Миш, ты можешь ответить на один вопрос? Только подумай хорошенько, прежде чем сказать. Мне очень-очень важно знать.

– Да ты что? Когда я тебе врал? – засмеялся я. – Что за вопрос?

Церун заметно волновался. У него даже вспотело лицо.

– Скажи мне, – он замялся, – как ты себя чувствовал тогда? Ну, когда Бугай вдруг отпустил Ваню? Тебе не стало плохо?

– Да нет же! – ответил я весело и вдруг осекся: в темных глазах, обращенных ко мне, я увидел страх. Мучительный, гложущий, безуспешно сдерживаемый.

– Ты обещал подумать, прежде чем сказать, – настойчиво повторил Церун.

– Тогда, – я помедлил, припоминая, – мне показалось, будто меня кто-то остановил. Просто не пускал дальше, и все. Чуть-чуть затуманилось в голове... Я думал, из-за нервов.

– Это прошло? Потом ты не чувствовал этого?

– Да, прошло очень скоро... Если бы ты не спросил, я бы и не вспомнил.

Церун вздохнул и обнял меня.

– Хорошо, что я целый месяц буду сидеть дома, – сказал он. – Мне нужно побыть одному и подумать. До встречи в школе!

Я махал ему рукой, пока машина не скрылась за поворотом. Стоял и все пытался понять его странный вопрос.

V

Четвертый класс начался с неприятностей.

Подружившись с Церуном, я совершенно забыл, как к нему относились одноклассники. Мне казалось, что все теперь должны его любить, как я.

Но еще до линейки в честь первого звонка начались привычные шуточки:

- А, Серун! Как ты вырос! Особенно нос и уши!
- Как поживает твоя любовь? Не нашел себе новую?
- А где ж Кавардык? Или отстала с обозом?
- Серун, а Серун! Как дела в заде?

Каждое слово хлестало меня, как бичом. Слезы наворачивались на глаза. Особенно угнетало то, что раньше я был среди его мучителей.

На линейке мы стояли рядом, и я не смел поднять взгляд на своего друга, по которому так соскучился за месяц. Церун понял, тронул меня за руку и улыбнулся: мол, ничего, я привык, мне уже не больно.

Эта улыбка меня доконала. Я уловил в ней еще кое-что: «Мне не больно, потому что у меня есть друг. Но если ты стесняешься признаться в этом товарищам, то я тебя не выдам».

И я решил бороться за него. Начал довольно неуклюже: стал дразнить тех, кто дразнил Церуна. А поскольку дразнили его все мальчишки и почти все девочки, мои усилия пропали даром – просто потонули в хоре злословия.

Подумав немного, я на перемене подошел к Зое Николаевне и попросил ее посадить меня за одну парту с Церуном.

– Но ты же знаешь, что девочки у нас сидят с мальчиками! А девочек в классе больше, чем мальчиков, – возмутилась она. – Вас и так не хватает, а вы еще по двое сидеть будете?

– Зоя Николаевна! – я покраснел, но не опустил взгляда. – Вы же не хотите, чтобы над ним издевались, правда?

Учительница наконец прислушалась.

– Я буду его защищать, – сказал я. – Мы с ним теперь друзья.

– Вот как? – Зоя Николаевна поправила очки и взглянула на меня пристально. – Я рада. Только получится ли?

– Я постараюсь, – сказал я. И она согласилась.

Весть о том, что в классе новая пара друзей, произвела фурор. Одноклассники, вполне предсказуемо, с новыми силами принялись дразнить нас – теперь обоих. Они даже не подозревали, сколь сладкими были для меня эти дразнилки! Надо было видеть счастливое лицо Церуна, чтобы понять.

Радость творит чудеса: мой друг стал хорошо учиться. Поскольку ума Церуну было не занимать, и упорства тоже, потребовалось немного желания, усидчивости – и вскоре Зоя Николаевна, удивленно качая головой, ставила ему «четверки», а частенько и «пятерки». Кое в чем он стал даже обгонять меня, чему я только радовался.

Оглядываясь назад, должен признаться, что четвертый класс был самым счастливым из всех школьных лет. Мы были все еще детьми, то есть по-прежнему пользовались детскими поблажками, но уже достаточно

самостоятельными, чтобы некоторые решения принимать самим.

Целый год мы с Церуном пребывали в убеждении, что, стоит нам избавиться от насмешек одноклассников – и жизнь станет восхитительной. Убеждение обернулось заблуждением.

Мы и представить себе не могли, как жестоки бывают учителя.

В пятом классе мы наконец оценили нашу «вторую маму», Зою Николаевну. Оценили, как водится, лишь потеряв ее: выпустив наш класс, Зоя Николаевна ушла на пенсию и в школе больше не показывалась. Теперь мы не могли даже прибежать к ней на перемене – пожаловаться на горькую судьбину.

А жаловаться, надо сказать, было на что. Новые учителя накинудись на нас, как стая голодных волков на беззащитных овечек.

Чего стоила одна «классручка» Вера Петровна! Злющая сельская баба с нелепыми соломенными кудряшками, находившая удовольствие лишь в придирках и наставлениях, невзлюбила наш класс тотчас же. Можно сказать, это была ненависть с первого взгляда. Провинились мы вот чем.

Во время первого же классного часа Вера Петровна стала распекать нас за «внешний вид»: галстуки показались ей невыглаженными, воротнички – грязными (это в первый-то день занятий!), брюки мальчиков – мятыми, фартуки девочек – ненакрахмаленными. При этом классная руководительница приговаривала:

– Нет, ну не свинство ли? Неряхи, сплошь неряхи и лентяи к тому ж!

В довершение всего она заставила нас подняться, выйти из-за парт, и начала придирчиво осматривать нашу обувь. Медленно переводя взгляд с ног на ноги, Вера Петровна наконец нашла то, что искала: грязные сандалии. На самом деле грязные, не только в ее воображении.

Васька Чуйков, обутый в эти самые сандалии, съезжился под испепеляющим взглядом и буркнул:

– А что я поделаю, если у нашей калитки трубу прорвало? Иначе как через лужу не выйдешь.

– Да что ты говоришь? Так я и поверила! Ты ж смотри, как они привыкли оправдываться! Наглая ложь! Вранье беспардонное! После уроков останешься убирать класс, – изрекла Вера Петровна. – Один! Я лично проверю качество. Теперь садитесь – все, кроме Чуйкова.

Нервно хихикая, мы с облегчением опустили на сидения. А стоять остались двое: Васька и Церун.

Классручка недоуменно оглядела самозванца и спросила:

– Ты что, Шах-задэ, аршин проглотил? Или столбняк у тебя?

Церун уже не был робким новичком-заморышем. Дрожащим от напряжения, но твердым голосом он воскликнул:

– Вера Петровна, вы только что несправедливо обвинили человека. Вы оскорбили его! Учитель не должен так себя вести.

И тут мы все увидели, что значит слово «окаменеть». Медленно багровея, Вера Петровна с минуту пыталась усомниться в том, что услышала. Но через минуту поверила – и открыла рот.

Васька Чуйков мог теперь спокойно сесть за парту – «классручка» бы не заметила. Все ее внимание поглощал наглый выскочка, осмелившийся указывать ей, что должен и чего не должен делать учитель!

Не помню в точности, что она орала. Помню только, как, один за другим, мы стали вставать с мест и выходить из-за парт.

Встали все. Последней, недовольно фыркнув, поднялась Леночка.

Скандал был жуткий. Сначала явилась завуч, потом директор. Досталось на орехи всем. Но выговор, разделенный на сорок три части, совсем не страшен.

В тот день Церун от имени «пятого Б» объявил Вере Петровне войну, которую в исторических традициях следовало бы назвать шестилетней, ибо классный руководитель не менялся у нас до самого окончания школы. И ох, как ненавидела она зачинщика! Да что греха таить – главнокомандующего...

Номером вторым «по вредности» у нас числилась Варвара Игнатьевна, «русичка» и «литерадура». Мы прозвали ее Варваросса, поскольку она безусловно предназначалась для нашего уничтожения. Была она отчаянно глупа – глупа, как пробка, как гусыня, как дубина стоеросовая. И, будучи не в силах постичь науку, которую преподавала, постоянно делала ошибки сама. К тому же была на редкость косноязычна и не могла построить ни одной мало-мальски грамотной фразы.

Мы называли свои дневники «полным собранием идиотизмов». Какие там были перлы! «Опаздал на сочинение», «Дрет на уроках девочку», «Не читал что надо», «Вылил чернила нетуда», «Все время оборачивается на зад», «Болтает куда попало» – всего не перечислишь.

Казалось бы, никакого вреда от дуры – напротив, сплошное развлечение? Но ужас был в том, что Варвара Игнатьевна исправляла наши работы в тетрадках в соответствии с собственными представлениями о правописании. Доказывать ей, что прав ты, а не она, было не просто бессмысленно, а чревато неприятностями. Как-то раз рискнули это сделать две мамы наших одноклассников, Корман и Мелешкова – их сыновья с тех пор хороших оценок не получали.

Церун терпел это полгода. Но однажды не выдержал.

Варваросса как раз раздала нам тетрадки с проверенными сочинениями и заставила делать «работу над ошибками» – то-есть, писать слова, которые она посчитала неправильными, и рядом – ее вариант тех же слов.

Как выяснилось на следующем уроке, Церун заранее раздобыл где-то дефицитную зеленую тушь, и рядом с каждым из красочернильных исправлений в своей тетрадке написал номер страницы из учебника и

правила, которое она своими исправлениями нарушала. В конце, рядом со своей «тройкой», поставил жирную зеленую «двойку». И сдал тетрадь вместе со всеми.

В начале следующего урока Варваросса от двери направилась прямехонько к парте Церуна и вперила в него испепеляющий взгляд.

– Что это значит, Шах-задэ? Как ты смеешь? – заикаясь от ярости, прошипела она.

– За правду надо бороться, – пожав плечами, ответил Церун. – Вы считаете, что нужно писать «гараздо» и «труженник», а я считаю, что это неправильно. Но я при этом доказываю свою правоту. Попробуйте доказать свою и вы. Хотите – можем пригласить директора, он рассудит.

И тут мы увидели невероятное: Варвара Игнатьевна струхнула. Очевидно, она поняла, что доказать свою правоту не сможет – против нее каверзные учебники и правила. Да и директора в неловкое положение поставит, за что тот ей спасибо не скажет...

Буркнув что-то про «умника», она сделала вид, что ничего не произошло, и начала урок. С тех пор она опасалась трогать Церуна.

С литературой дела обстояли еще хуже. Как всякая бездарь, Варваросса требовала от нас точного повторения статей из учебника. Боже упаси было высказать свое мнение!

Вполне предсказуемо, мы этого долго терпеть не стали. Весь наш образ жизни строился на обсуждении прочитанного. Зоя Николаевна всегда нас поощряла – и вдруг косноязычное чучело запрещает нам даже простые высказывания: нравится или не нравится! Говорит, наше дело – не рассуждать, а впитывать, что умные люди для нас написали.

Бунт зрел долго, исподволь. Но когда созрел, Варвароссе пришлось несладко. Потихоньку мы начали мстить ей за тупой произвол – задавать внешне безобидные вопросы, ответов на которые вычитать было негде.

– Варвара Игнатьевна, а как получается, что лишние люди в то же время типические образы? Значит ли это, что в России большинство населения было лишним?

– Почему это Онегин плохо поступил, что застрелил Ленского? Ведь Ленский был помещиком, стало быть, буржуем! Так ему и надо! Выходит, молодец Онегин?

– А чего у русских писателей все женщины такие несчастные? С ума сходят, топятся, под поезд бросаются... Это оттого, что писатели сплошь мужчины? Наверное, они таким образом мстили своим женам за неверность?

Варваросса чувствовала издевку, но поделаться ничего не могла: наглецы просили ее мнения. Ее ответ звучал заезженной пластинкой: читайте в учебнике, там все есть.

Церун в наших издевательствах не участвовал. Он вообще не дразнил

никого и никогда. И все-таки однажды – дело было в девятом классе – он сокрушил врага одним ударом. Одной фразой, точнее.

В один прекрасный день класс разделился на два лагеря: одним нравился Базаров, другие обвиняли его во всех смертных грехах. На уроке, внезапно вспыхнув, возник жаркий спор. Варваросса какое-то время молчала, потом стала морщиться, вздыхать, и наконец громко объявила:

– Давайте не терять времени и почитаем, что о Базарове написал критик Писарев.

Мы возмущенно зашумели, а Эфенди вдруг поднял руку. Все притихли, зная, что услышат что-то разумное.

– Чего тебе, Шах-Задэ? – досадливо спросила Варваросса.

– Я думаю, Варвара Игнатьевна, что Писарева мы можем прочесть и дома. А сейчас не мешайте спорить людям, которые внимательно прочли книгу. Вы-то ее не читали.

Обычно легко красневшая от гнева Варваросса побледнела, как мел, икнула и выскочила из класса.

– Бежим! – закричали сразу несколько ребят. – Сейчас такое начнется!

– Нет, – ответил Эфенди. – Бежать нельзя. Мы правы, а она – нет. Не надо давать ей козырь.

До конца урока оставалось десять минут. Мы просидели их, как Рахметов на гвоздях. Варвара так и не вернулась до звонка.

А следующий урок начала, как ни в чем не бывало. Только на Эфенди поглядывала, словно на гремучую змею – с осмотрительной ненавистью.

Третьей «по вредности» шла Валентина Ефимовна, «немкиня». Мы ее страшно боялись. Было у нее во внешности что-то от грифа, птицы-падальщика – редкие светлые волосики, похожие на перья, белесые глаза и резко, рывком поворачивавшаяся шея. Спрашивая кого-либо из нас, она выставляла вперед костлявый палец и громко вскрикивала: «Ду!» Язык сразу отнимался...

Помимо трех гарпий, были у нас терпимые, хоть и занудные, учителя: мямля-географ Анатолий Евгеньевич по прозвищу Емеля – за вечную нечесанность и заспанный вид, старенькая ботаничка Татьяна Сидоровна и музыкантша Галина Ивановна. Были и хорошие – молодой физкультурник Виктор Владленович, весельчак и заводила, и оба «трудолика» – для девочек и для мальчиков. Был историк Владимир Павлович, бывший фронтовик, которого мы любили за рассказы не о древнем мире, а о недавней войне.

И, наконец, была горячо любимая, неповторимая Наталья Сергеевна, учительница математики. Из-за ее уроков мы ходили в школу с удовольствием. Умница, красавица, добрая душа. Москвичка в прошлом, со столичным образованием, она приехала с маленькой дочерью в наш город после войны, потому что здесь погиб ее муж – и осталась тут

навсегда. Дочь выросла, вышла замуж за военного и уехала, а Наталья Сергеевна с тех пор всю свою любовь отдавала нам, ученикам.

Мы обожали математику благодаря Наталье Сергеевне. Тех, кому было «не дано», она просто уговаривала «сделать, что можешь» – и результат

удивлял даже самих двоечников. Что уж говорить об остальных!

Церун расцветал на ее уроках. Он даже стал поднимать руку, чего за ним в младшей школе не водилось. К каждой задаче он, помимо традиционного, зачастую предлагал свое, оригинальное решение, а порой даже два и более.

– У тебя мышление шахматиста, – однажды сказала Наталья Сергеевна. – Не успокоишься, пока все варианты не переберешь!

Услышав это, Отар нахмурился и ревниво взглянул на одноклассника. Впрочем, он знал, что тот у него на пути не встанет – шахматы требуют страстной преданности, чего у Церуна и в помине не было.

Каждый из учителей, приходивший в класс впервые, взглядывал на мальчика с «кавказской внешностью» и думал: «Вот уж бирюк! Сразу видно, себе на уме. И, скорее всего, недалек, обидчив и мстителен»... Немудрено: среди наших одноклассников, готовых хихикать и корчить рожи по любому поводу, строгий, серьезный мальчик с недетским взглядом выделялся так же, как монах в ярмарочной толпе.

Длинное, бледное лицо, курчавые волосы и отрешенный взгляд делали Эфенди похожим на поэта Александра Блока – только с карими глазами и несоразмерно высоким лбом.

Нос с горбинкой, изрядно портивший его в детстве, с годами стал пропорциональнее и уже не бросался в глаза. Оттопыренные уши скрылись под отросшими волосами, как только Вера Петровна прекратила требовать от нас «стрижки под машинку» (одна из немногочисленных наших побед над «классручкой»).

Вообще Церуна нельзя было назвать некрасивым. Привлекали в первую очередь его совершенно аристократическая осанка и неторопливые, полные достоинства манеры и жесты. Любого, кто заговаривал с ним, подкупало обаяние его речи – разумной, неторопливой, исчерпывающе ясной, правильной до скрупулезности. Ну и, наконец, завораживали живые, глубокие, бархатные глаза, полные ума и печали.

– Вот уж и правда Эфенди! – засмеялась однажды Наталья Сергеевна. – Актеры играют аристократов – костюмы напялят и пыжятся, что твои индюки, важности на себя напускают. А вы на Церуна посмотрите – ему костюм не нужен: стать королевская, ума палата – и тайна в глазах сверкает!

Сказала, как печать поставила! Достоинство, ум и тайна – таким и был мой драгоценный друг Эфенди.

VI

После памятного случая на пустыре прошло не менее двух лет, покуда я снова задумался над тайной своего друга.

Мы были очень дружны с Церуном. Каждую свободную минуту мы проводили вместе, а на каникулах и вовсе расставались лишь на ночь. Как только внуку исполнилось двенадцать, Рафига Джаваншировна стала отпускать его из дому одного, хоть на целый день. Помню, я по глупости завидовал ему: моя мама строго наказывала мне явиться к обеду, а отрываться от игры очень не хотелось.

Церун настолько мало ел и вообще думал о еде, что для него провести весь день голодным не составляло труда. Я, конечно, старался угостить его чем мог, хотя приглашать друга к обеду мама просила меня пореже. Причина была проста: мой отец, сильно контуженный на войне, не работал и часто болел, а жили мы на его пенсию и мизерное мамино жалование. Если бы не огород, с едой было бы совсем туго.

Когда Церун жил у Арминэ Гургеновны, он уходил домой, стоило маме позвать меня обедать, но в «азербайджанские» дни оставался на улице ждать меня. Чаще всего шел к речке мимо магазина и возвращался той же дорогой – это занимало около получаса.

Как-то летним днем мама попросила меня вымыть посуду после обеда и натаскать воды из колонки. Задержавшись на полчаса против обычного, я думал, что найду друга сидящим на нашей любимой скамейке под раkitой.

Но Церуна на скамейке не оказалось. Не было его и на пустыре. Не зная, что думать, я медленно пошел к магазину, оглядываясь во все стороны.

У дверей магазина толпились люди и стояла «Скорая помощь». Сердце тревожно сжалось, но я тут же прогнал дурные мысли: издали видно было, как два санитары ведут под руки к машине старушку. Я узнал ее: наша соседка, почтальонша Мария Кондратьевна, одинокая, больная, несчастная. Мы с Церуном частенько помогали ей в огороде, приносили воду и бегали в магазин за хлебом.

– Миша! – окликнула меня тетя Люся, мамина подруга. – Вот хорошо, что я тебя увидела! Сбегай, пожалуйста, позови Арминэ Гургеновну. Скажи, ее внуку плохо.

У меня подкосились ноги, отнялся язык. Тетя Люся вспомнила, что мы с Церуном друзья, и добавила:

– Да не бойся! «Скорая» приехала быстро, врач говорит, давление у мальчика упало – вот и обморок. Он в машине лежит, укол сделали, скоро очухается. Беги, Мишенька!

Я побежал. Хотя хотелось мне бежать в другую сторону – к машине.

Выслушав тревожные новости, Арминэ Гургеновна недовольно

поморщилась и сказала:

– Церун сейчас живет не у меня.

Времени возмущаться и спорить не было. Я молча повернулся и со всех ног бросился назад, к магазину, оставив бабушку наедине с ее совестью.

Позже она все-таки пришла – нехотя и неторопливо, всем своим видом показывая, как трудно ей воспитывать несносного ребенка.

Я умолил пожилую докторшу пустить меня к другу. Церун уже пришел в себя, но был страшно слаб – буквально не мог шевельнуться. Говорить он тоже не мог, и я просто сидел рядом и держал его за руку.

На носилках напротив него, охая и причитая, лежала Кондратьевна. Под левым глазом у нее чернел огромный синяк. Сидя на перевернутом ведре, докторша измеряла ей давление.

– Сто восемьдесят на сто десять, – сказала она. – Не волнуйтесь, милая, укольчик уже начал действовать. Скоро мы вас домой отвезем, коль не хотите в больницу.

– Ой, не хочу! – всхлипнула Кондратьевна. – Пенсию разнести надоть. И картошка пропадет у меня, как не полоть. А зимой что есть-то? Давление пройдет. Страху я натерпелась, вот оно и ползет вверх...

Тогда я не заподозрил, что оба пациента «Скорой» оказались рядом не случайно. Все мои мысли занимало воспоминание двухлетней давности.

– Тетя доктор, – нерешительно сказал я, – можно я спрошу?

Врач сосредоточенно писала что-то на планшете. Она сердито взглянула на меня поверх очков, но кивнула головой.

– Этот обморок... у него это не впервые, – сказал я, не глядя на Церуна, чтобы он не остановил меня. – Два года назад такое уже было.

– Вот как? – врач нахмурилась и взглянула на беспомощного, неподвижного Церуна. – Я передам в детскую поликлинику. Надо обследовать мальчика. Может, эпилепсия... Хотя не похоже.

Пришла Арминэ Гургеновна, заглянула в машину. Докторша спустилась к ней и стала что-то пояснять, а я спросил Церуна:

– Тебе лучше? Может, голову приподнять?

На серо-зеленых щеках уже появилось немного розовой краски. Мой друг с трудом разлепил спекшиеся губы и тихо сказал:

– Ты не бойся за меня. Это не опасно...

Арминэ Гургеновна снизошла до разрешения оставить внука у себя, пока он не поправится. Вечером того же дня мы с мамой сходили за речку к Рафиге Джаваншировне и рассказали ей, что произошло. Вторая бабушка обеспокоилась ничуть не более первой.

– Полежит – все пройдет, – резюмировала она. – Меньше надо гонять по солнцу.

А еще через два дня мы с мамой зашли провести Кондратьевну – и

вот тут-то я начал понимать, что к чему.

Старушка уже совсем оправилась. Встретила нас радостно, достала варенье, сухари, попросила меня поставить чайник.

– Да не беспокойтесь так! – уговаривала ее мама. – Мы сами вас угостить пришли. Вот пирожки с капустой, домашние, еще горячие.

– Ой, спасибо, Светочка! – Кондратьевна чуть не прослезилась. – Да меня нонче вовсю задарили – вся улица, почитай, помогаить... Все идуть, гостинцы несут.

– Правильно, – сказала мама. – Поддержать вас люди хотят. Слышали, беда с вами приключилась.

– Я уж думаю: беда ли? Коль к добру оборотилось, – улыбнулась щербатым ртом старушка. – Не иначе как Господь помог.

– Да мы ж не знаем ничего! – напомнила мама.

– Ирод какой-то напал на меня, – поежившись от воспоминания, сказала Кондратьевна. – Я как раз пенсию для нашего квартала получила, шла разносить. Проулочек вон тот, что к магазину ведеть, помните? Узенький такой, промеж огородов, там, почитай, никто и не ходит. Ну, а я решила дорогу скоротить, туды свернула. А он, ирод-то, за мной шел. Знал, сукин сын, что деньги несут, ей-Богу, знал! Не иначе как от самой пошты следил за мной. Сзади нагнал – и хват сумку-то! Я – кричать, за лямку цепляюсь, а он как зарычить – и ка-ак врежет мне кулаком, из меня и дух вон. Лежу на земле – только и вижу, как он убегать с сумкой. Ну, все, думаю: под суд отдадут меня теперь, на старости лет в тюрьму посадют. И люди без пенсии остались, хто ж им повторно выдасть-то? Еле встала, за забор цепляюсь, к магазину иду – на помощь позвать, думаю... А сама волком вою от горюшка. Чем поможешь-то? Его, ирода, уж и след простыл...

– Мария Кондратьевна, да не волнуйтесь вы так! – поспешила остановить ее мама: на щеках у старушки проступили красные пятна. – Все уже позади! Сами ж сказали, что добром закончилось...

– Ой, и не говори, – нервно смеясь, ответила Кондратьевна. – Уж сколько раз рассказывала, а все меня трусить, как вспомню. Вот... Выхожу из проулочка, людям у магазина кричу, реву белугой... Как вдруг сзади: топ-топ-топ! Гляжу: батюшки! Ирод мой бегить, догонять. Я обмерла: ну, думаю, порешить меня, как пить дать! А он подбегать – и в ноги мне бух! Сумку суеть в руки, достал свой бумажник – тоже суеть, часы с руки тащить...

– Как? Он все вернул? Сам? – изумилась мама. А у меня пошли мурашки по телу: вспомнился Петруха-Бугай, опустивший занесенную для удара руку. Еще ничего не понимая, я понял, что без Церуна здесь не обошлось.

– Сам вернул, и тут же в милицию пошел, на себя заявил. Уж не знаю, что на мужика нашло – неужто совесть проснулась? Я стою, в сумку

вцепилась, а перед глазами все пляшет. Чую, упаду, да нельзя: деньги-то! А ну как еще кто позариться? Спасибо, люди подошли, посадили меня на лавочку у магазина, за «Скорой» послали. А у меня зубы стучать! Аж от людей стыдно...

– А как Церун там оказался? – спросила мама.

– Да вот же ж... Карета подъезжает, а тут вдруг из проулка два мужика бегут, тащить мальчонку обмякшего! Говорят, нашли под забором... Сначала думали – порешил его ирод мой. Про меня забыли, давай его спасать! Да я ж и сама напугалась: мальчонка-то не чужой, армянчик наш, воспитанный такой – жалко, поди... Положили его в машину, врачах послушала, говорить: обморок. Давление упало. У него упало, а у меня поднялось, получаиться!

– Ну, дальше мы знаем, – решительно прервала рассказ мама. – Мария Кондратьевна, вам надо немедленно успокоиться. Иначе опять давление поднимется. Щеки у вас так и пылают!

– Ох, не могу! – виновато улыбнулась старушка. – Так и стоять перед глазами рожа его, иродова, как он сумку мне совал. Счастливо так улыбался...

В страшном смятении я проходил пол-дня, а вечером, не в силах разрешить загадку, пошел проведать Церуна.

Варданы жили в одной половине ветхой мазанки, в большой комнате, поделенной дощатой перегородкой на две неравные части. В маленькой до недавнего времени обитал Гурген Ваганович, а теперь, после его смерти, туда переселился Церун.

Недовольная моим визитом, Арминэ Гургеновна молча проводила меня к внуку и, проворчав что-то, плотно закрыла дверь.

Церун лежал на диване в полутьме и, казалось, спал. Но, когда я подошел, он сел и спустил ноги. Я уселся рядом.

Мы долго молчали. Сумеречный вечерний свет из окошка слабо освещал лицо Церуна, и темные глаза смотрели на меня тоскливо и виновато.

– Ты догадался? – обреченно спросил он наконец.

– Не совсем, – проглотив комок в горле, ответил я. – Я только знаю, что внезапно проснувшаяся совесть грабителя, и этот обморок... не случайны.

Скажи мне: что ты сделал?

Церун опустил глаза. Помолчал, потом глухо, еле слышно, произнес:

– Я приказал ему отдать деньги Кондратьевне. Не знаю, как. Посмотрел на него – и произнес про себя: «Вернись и отдай сумку».

– С Петькой Бугаем было так же?

– Да. Но тогда я даже не знал, что делаю. Просто от отчаяния решил попробовать.

– Это гипноз, да? – страшным шепотом спросил я.

– Не знаю... Нет, наверное. Под гипнозом люди не понимают, что делают. С Бугаем и тем верзилой было похоже на гипноз – они долго спали, и ничего не помнили потом. А этот громила, что Марию Кондратьевну ударил, все делал осознанно. Даже кивнул мне и улыбнулся: мол, слушаюсь, будет исполнено! Когда он побежал догонять старушку, я испугался. Прежде, чем упал...

– Чего испугался? – спросил я, хотя догадывался, чего.

Церун отвел глаза и сказал:

– Испугался того, что это так просто, так легко у меня выходит. Я боюсь, что когда-нибудь воспользуюсь этим... в запальчивости, не подумав как следует. А еще мне страшно, что кто-нибудь узнает. Помнишь Человека-амфибию? Никто не может дышать под водой, а он мог. Вот и заставили его жемчуг добывать...

Что-то невыносимо злое повисло в воздухе, заполнило собой темную комнату, придавило нас к дивану. Тиканье ходиков на стене звучало, как шаги беспощадного убийцы за спиной.

Церун вскочил, рванулся к стене, щелкнул выключателем. Тусклый свет разлился по комнате и прогнал наваждение. Но страх не ушел – только попятился в угол и щерил оттуда зубы, ожидая подходящей минуты, чтобы снова напасть на нас.

– Церун, – сказал я шепотом, – я никому не скажу! Клянусь тебе: никогда, никому!

– Зачем тебе говорить? – невесело усмехнулся он. – Я сам себя выдам. Видишь, сколько сволочи кругом...

VII

Так и вышло, как он сказал. Еще через три года. Впрочем, остается подивиться узости людского воображения – больше ста человек стали свидетелями невероятной сцены, а догадался только один! Хотя лучше бы вместо этого одного догадались остальные сто...

Случилось это так. В восьмом классе мы узнали, почем фунт лиха. Новый директор школы, сменивший доброго Виталия Григорьевича (как шепотом говорили наши родители, уволенного по доносу), рьяно взялся воспитывать подрастающее поколение. Ничуть не церемонясь, он отобрал несколько хорошо успевающих классов (и наш в том числе) у прежних учителей химии и стал доказывать, что педагогику писали для учителей посредственных, а гениальным – таким, как он сам – наука сия ни к чему.

Владимир Богданович ненавидел весь свет. Он даже себя, должно быть, ненавидел – никогда не смотрелся в зеркало, носил всегда только серое пальто, один и тот же серый костюм и помятую серую шляпу. Compliments и подарков он не выносил, равно как и любой критики по своему адресу.

Мы ничего не знали о директоре, но почему-то были убеждены, что семьи у него нет – кто бы мог выдержать эдакий характер?

Лютовал он страшно. «Двойки» громоздились в журнале одна на другую, хотя ни одну науку мы не зубрили так усердно, как химию. Родители табунами толпились в его приемной – директор вызывал их, чтобы обозвать их чадо «умственно отсталым», «сомнамбулой», «шутлом гороховым» и прочее. В чем-в чем, а в эпитетах директор был силен.

Уроки проходили так. Сначала Владимир Богданович оглядывал класс и наслаждался видом трепещущих девочек и съездившихся мальчиков. Отпускал несколько плоских шуточек и вызывал кого-то к доске. Но, стоило бедолаге начать ответ, немедля перебивал, передразнивал, высмеивал, кричал, что «Так и знал, что ничего не выучено». В конце концов ставил «двойку» и спрашивал другого – и с другим все повторялось.

Химию директор преподавал своеобразно: говорил нам открыть учебники и прочесть параграф такой-то – и тут же приступал к опросу по прочитанному. Боже упаси было задать ему вопрос! Наглец мог схлопотать «неуд» по поведению...

Особенно Владимир Богданович ненавидел красивых и независимых. Поэтому главными мишенями у нас в классе стали Пери и Эфенди.

На первом же уроке, взглянув на Леночку, директор заявил, что у нее накрашены ресницы, и потребовал, чтобы она пошла в уборную и смыла тушь. Мы тогда еще не знали, с кем имеем дело, и подняли шум в защиту нашей красавицы. Это взбесило Владимира Богдановича до такой степени, что он посвятил весь урок издевательствам над фамилиями учеников.

Наши детские дразнилки потускнели перед истинным мастерством. Дразнилки, даже обидные – все-таки игра. А то, что звучало из директорских уст, было настоящим издевательством – чем больше, тем лучше. Иногда ухищрения Владимира Богдановича простирались до скабрёзностей.

Трудно описать ужас, обуявший нас. Мы сидели тише мышей и боялись поднять глаза. А садист лютовал! Каждую новую жертву он заставлял вставать, отпускал несколько колкостей по поводу внешности – и приступал к изысканиям: а откуда такая фамилия?

Эфенди в тот день не пришел в школу – накануне Рафига Джаваншировна упала на лестнице и расшиблась. Через два дня ей стало лучше, и она отпустила внука на уроки.

Я не успел его предупредить. Он сразу угодил на химию.

Директор вошел, с победным видом прошагал к столу и обвел взглядом понурые ряды учеников. Все глаза были опущены – кроме одной пары темно-карих, на незнакомом ему лице. Глаза смотрели удивленно.

– Садитесь, – сказал Владимир Богданович, – все, кроме вон того джигита лопухого. Как фамилия?

– Шах-задэ, – настороженно ответил Эфенди.

– Ух ты! Шах! – весело, как ребенок, получивший конфету, засмеялся директор. – Вопрос: где наш шах? Ответ: в...

– Не смейте! – голос Церуна прозвучал набатом, и все вздрогнули. – Это фамилия моего отца. Он воевал, а после войны умер от ран, совсем молодым. Не марайте его имени!

Директор явно не ожидал отпора. Он замолчал, подыскивая слова.

А мы боялись посмотреть друг другу в глаза. Ну, что мешало нам всем на прошлом уроке возмутиться так же, как Эфенди? Но было уже поздно: волк узнал, что мы – трусливые овечки. Считаться с нами он не будет.

– Ну что ж, Шах-задэ, – сказал Владимир Богданович, – иди к доске.

– Меня не было на прошлом уроке, – ответил Эфенди. – Я не слышал ваших объяснений.

Даже прямое оскорбление не смогло бы так разозлить директора, как наглое заявление о том, что ученикам требуются «его объяснения». Он вышел из себя и кричал весь урок о том, какой он заслуженный учитель и как сломал жизнь не одному десятку «таких же наглецов». В последнем трудно было усомниться.

В дальнейшем Владимир Богданович больше не пытался ерничать по поводу фамилий, и это изобличало в нем труса. Эфенди он трогать опасался, будто вообще перестал замечать, к доске не вызывал, а оценки ему ставил только за письменные работы.

Эх, не знал наш злополучный директор, что за себя-то самого Эфенди постоять и не потрудится! Да, на беду свою, в «любимые жертвы» негодяй выбрал персону, пользовавшуюся особым покровительством Церуна.

Наши одноклассницы, как и другие девочки в школе, да и в других школах тоже, в старших классах не очень охотно носили школьную форму. Точнее, позволяли себе маленькие вольности: например, могли купить коричневую ткань, точь-в-точь как на форму, но сшить из нее кокетливое платье с белыми кружевными воланами. Или, напротив, строгое платье форменного покроя, но другого цвета, поярче и покрасивее.

Леночкина мама (по прозвищу Фифа) была большой выдумщицей по части нарядов. Говорили, что ее обшивает лучшая портниха района. Ну и, разумеется, на дочку она денег не жалела.

Однажды – дело было весной, в первые теплые дни – Леночка впорхнула в класс, точно сказочная фея: в пышном платье светло-кофейного цвета, довольно коротком, с оборками и белой оторочкой. На ногах красовались лаковые туфельки с небольшими каблучками.

Пери на то и Пери, чтобы всех очаровывать. Смотреть на нее бегали ребята со всей школы. Девочки завистливо вздыхали, а учителя делали вид, что хмурятся, а на самом деле глаз не могли отвести от красоти.

Все было прекрасно, пока не начался урок химии.

Войдя в класс, Владимир Богданович сразу увидел Пери – она по-прежнему сидела за первой партой и в проходе стояла впереди всех. Директор выпучил глаза и онемел. Кровь отхлынула от его лица, и оно стало мертвенно-бледным. Дважды открывал он рот, но не издал ни звука.

Мы стояли, боясь шелохнуться. Наконец, после нескольких тяжелых минут, кто-то позади меня грохнул крышкой от парты. Директор очнулся, взял себя в руки, велел нам сесть и начал урок.

Он вызвал Тоню Капитонову к доске и сел за стол. Мы слушали, затаив дыхание: ученица отвечала, а он ни разу ее не перебил! Когда Тоня замолчала, Владимир Богданович продолжал сидеть молча, рассматривая свои руки. Потом вдруг схватил ручку, вырвал лист из тетрадки и начал быстро писать.

– Возьми эту записку, – сказал он Тоне, – и отнеси завучу, Ирине Матвеевне. Если ее нет в учительской – разыщи. Не возвращайся, пока не найдешь!

Когда посыльная вернулась, директор внезапно пришел в лихорадочно хорошее настроение: поставил Тоне «четверку» («пятерок» у него не получал никто и никогда), вызвал еще двоих и дал им спокойно ответить. Как мы поняли, он не перебивал их, потому что не слушал. Все его мысли были заняты чем-то совершенно другим. Он довольно улыбался, как игрок, собравший все козыри, и даже руки потирал от предвкушения торжества.

Когда прозвенел звонок, Владимир Богданович объявил:

– Никому не расходиться! Вещи останутся на партах, а вы все выйдете в расширитель – там сейчас состоится линейка восьмых классов. Вопрос чрезвычайной важности. Ничего, это большая перемена, успеете и в столовую!

Дверь открылась – и мы увидели, что в «расширителе» уже стоят, выстроившись в три ряда, понурые ученики восьмого «А» и «В». Ирина Матвеевна и двое других учителей не скрывали досады – им тоже хотелось отдохнуть. Предчувствуя какую-то гадость со стороны директора, мы покорно выстроились вдоль стены. Запыхавшись, прибежала Вера Петровна и встала рядом с нами, как стражник с алебардой – возле приговоренных.

Владимир Богданович прошелся вдоль рядов, разминаясь. Он даже поиграл мускулами, будто борец перед схваткой.

Наконец, он прокашлялся и сурово заговорил:

– Я собрал вас, дорогие восьмиклассники, по очень важному поводу. Мы, учителя, не щадя сил и времени, воспитываем в вас, учениках, будущих строителей коммунизма – кристально честных, целеустремленных, идейно подкованных. Мы учим вас распознавать, что достойно делать настоящим комсомольцам, а что отвратительно. Сейчас

я хочу услышать ваше мнение о вопиющем надругательстве над святой святых – комсомольском значке, нацепленном на балаганный, шутовской костюм Коломбины. Комсомолка Перина, выйти вперед и стать перед собранием!

Леночка неосознанно шарахнулась назад. Щеки ее вспыхнули, из глаз брызнули слезы. Вера Петровна, злорадно ухмыляясь, взяла ее за руку и вытащила на середину круга.

– Полнобуйтесь! – возгласил Владимир Богданович. – Вот эта, с позволения сказать, финтифлюшка посмела надеть комсомольский значок на тряпку буржуазного фасона! Мало того, что она нарушила устав школы о школьной форме – она еще и подает дурной пример другим ученицам нашей школы! О чем должен думать будущий строитель коммунизма? Об учебе, о будущей профессии, о пользе, которую он сможет принести нашей великой Родине! Комсомолка Перина думает о другом – о тряпках, каблучках, накрашенных ресницах! Из таких вот «штучек» и вырастают элементы, чуждые нашей идеологии, – а то и предатели. Удачное замужество и деньги – вот предел мечтаний для таких, как она!

Леночка рыдала, закрыв лицо руками. А директор упивался видом ее унижения. Он оглядел наши ряды и простер руки, будто оперный певец – рукоплещущему залу:

– Комсомольцы! Я призываю вас осудить поведение комсомолки Периной! Кто желает высказаться?

Вперед шагнули сразу трое – все трое из восьмого «А», все девчонки, все комсомольские активистки.

– Предлагаю исключить Перину из комсомола! – заявила одна из активисток, толстуха Алла. – Она позорит нашу дружину!

– И вынести ей строгий выговор за нарушение устава! – добавила вторая, конопатая и косоглазая Муся.

– Я предлагаю, – сказала третья, отличница и «гордость школы» Зина, – устроить товарищеский суд над комсомолкой Периной! Надо, чтобы ее осудила вся школа!

Директор расцвел, как майская роза.

– Слышишь, Перина? – повернулся он к Леночке. – Все осуждают тебя! Нет, ты не прячь глаза! Имей мужество взглянуть на суровые лица товарищей! Опустите руки, тебе говорят!

В запальчивости Владимир Богданович забылся до того, что схватил свою жертву за руки и отнял их от лица. И тут...

Я хорошо помню, что у меня мурашки поползли по телу и, наверное, волосы встали дыбом. Так же почувствовали себя все остальные. Ибо то, что последовало, было неслыханно, невероятно.

Держа комсомолку Перину за руки, директор грузно повалился перед ней на колени и стал покрывать эти руки страстными поцелуями,

приговаривая:

– Чаровница, ах, куколка! Ух, пусенька моя! Озолочу! Куда ж ты?

Леночка взвизгнула, дернулась изо всех сил, вырвалась и убежала. А грузная фигура в сером костюме поползла за нею вслед на коленях...

Я не успел подхватить его. Эфенди упал ничком и сильно расшиб лицо.

Происшедшее было настолько чудовищно, что обсуждать это оказалось невозможным – ни детям, ни учителям. На нашем этаже стояла мертвая тишина. «Скорая» увезла Церуна, а нас отпустили с остальных уроков.

Я помню, как мы расходились по домам в полном молчании, пряча глаза друг от друга. Мы будто стыдились того, что увидели чужую постыдную тайну – так чувствуют себя младшие подростки, заглянув в окошко женской бани...

Директор не появлялся в школе неделю, а следом нам сообщили, что он уволился по состоянию здоровья. Эфенди оказался прав: его «подопечные» все делали осознанно и все помнили.

Очередной обморок оказался короче первых двух, и восстановление прошло быстрее. «Привыкаю», – невесело пошутил Церун.

«Скорая помощь» забрала его из школы в больницу, где врачи принялись обследовать странного пациента. Каждый стремился щегольнуть ученостью, сыпал непонятными терминами, назначал физиопроцедуры и абсолютно бесполезные лекарства (которые Эфенди потихоньку выбрасывал). В конце концов выяснилось, что нет худа без добра: поставив мальчику мудреный диагноз, его освободили от службы в армии.

– Зачем ты заставил директора молоть такую чушь? – спросил я друга спустя несколько дней, когда происшедшее немного улеглось в голове. – Он выглядел, как фанфарон из водевиля...

Мы гуляли в больничном саду. Эфенди невесело усмехнулся и сказал:

– Можешь не верить – это не моя затея. Я приказал ему упасть на колени и просить прощения. Хотел, чтобы он сам испытал унижение, которому подвергал Лену. А молоть он стал то, что на самом деле было у него в голове – как я понимаю, грязных мыслей там больше, чем соображений о моральном облике комсомольцев...

Мы помолчали, меряя шагами посыпанную гравием дорожку.

– Послушай, Церун, – сказал я совершенно серьезно, – давай-ка ты будешь тренироваться на мне! Ведь отчего твои обмороки? От ярости, негодования, ненависти ко всяким гадам! А со мной тебе такие переживания ни к чему. Если ты попробуешь меня заставить... ну, к примеру...

– Выучить наизусть таблицу логарифмов? – засмеялся Эфенди. – Или поцеловать вон ту каменную девушку с веслом?

– Да я же не шучу! – возмутился я. – Я хочу, чтобы ты попробовал

заставить меня сделать что-то простое. Надо же посмотреть, как ты тогда будешь себя чувствовать!

Он остановился и посмотрел мне в глаза.

– Я сразу скажу тебе, как буду себя чувствовать. Точнее, не как, а кем. Последним подонком! Никто не смеет заставлять человека делать что-то против его воли. И будь я проклят, если когда-нибудь до этого опущусь!

Спустя неделю Эфенди вернулся в школу. Узнав, что директор уволился, вернулась и Пери. «Учебный процесс» возобновился, нам назначили нового директора – на сей раз женщину, и постепенно все забылось. Приближались летние каникулы.

Как-то раз мы с Эфенди возвращались из школы домой. Шли не торопясь, выбирая путь подлиннее, чтобы подольше поболтать.

Внезапно у нас за спиной раздались торопливые шаги. Оглянувшись, мы не поверили своим глазам: сама Пери, небесное создание, нагоняла нас.

Недоуменно переглянувшись, мы остановились и подождали ее.

Леночка была или чем-то озабочена, или просто сердита. Она хмурилась и поджимала губки, что очень ее портит.

– Мишка, – командирским тоном обратилась она ко мне, – иди вперед один. Мне надо поговорить с ним, – и она пренебрежительно кивнула в сторону Церуна.

Меня возмутило такое обращение, особенно безличное упоминание моего друга. Пери явно собиралась устроить ему сцену, неведомо по какому поводу.

– Еще чего? Не пойду, – дерзко ответил я. – Разве что Церун захочет, чтобы я ушел.

– Останься, Миша, – мягко сказал Эфенди. – Ты мне нужен.

Леночка прищурила злые глаза и совсем подурнела.

– Ах так? Ну ладно, слушайте оба, – заявила она. – Я хочу сказать, что все знаю! Это ты заставил директора ползать передо мной на коленях.

Гром с ясного неба! Мы с Церуном замерли, онемели, окаменели.

– Что, угадала? – торжествующе выпалила Пери. – Можешь не отпираться – не поверю.

– Отпираться не буду, – сказал Эфенди. – Но чем ты недовольна? Что, надо было позволить ему и дальше издеваться над тобой?

– Да нет же! Не в этом дело, – раздраженно произнесла Леночка. – Дело в том, что теперь я понимаю, кто внушает мне дурацкие мысли. И не думай, что это тебе даром пройдет!

Открытые рты и две пары выпученных глаз, очевидно, поколебали ее уверенность в собственной правоте. Но не сдаваться же так легко!

– Скажи мне: почему я все время чувствую твое приближение? –

продолжала Пери. – Я заранее знаю, когда ты в школу придешь, а когда – нет. Знаю, когда из-за угла выйдешь. Причем не только в школе! Мы недавно с папой ехали в машине, и я почувствовала: сейчас появится Церун. А дело было за городом, уже в сумерках! Вдруг смотрю – стоишь ты, и бабушка твоя, на обочине дороги...

– Вот оно что! – улыбнулся Эфенди. – Да, я тоже почувствовал, что ты там, в этой машине. Мы с бабушкой навещали родственников в станице, и прозевали последний автобус. Пришлось голосовать...

– Почему же вы нас не остановили?

– Такие машины, как у твоего папы, не останавливаются. Мы ждали грузовик – там водители безотказные, всегда подбирают попутчиков.

Пери фыркнула, и мы поняли, что ее папа – не исключение из правил. Она помолчала немного и выпалила:

– Прекрати мне внушать, чтобы я о тебе все время думала! Это гадко, грязно, нечестно. Ты пользуешься моей беззащитностью!

Церун покраснел – как я думаю, от негодования, но Леночка поняла иначе: попался, злоумышленник!

– Если не прекратишь, я перейду в другую школу! – заявила она.

– Не перейдешь, – сказал Эфенди обреченно. – Ты только говоришь, что моя любовь тебя раздражает. На самом деле она тебе льстит. Ну, а теперь ты и вовсе от меня не отстанешь.

Леночка разозлилась не на шутку и закричала:

– Ах, ах! Какие слова! Как в романе! Пустобрех несчастный! Лучше прикажи мне о себе не думать.

– Нет, не выйдет, – ответил Эфенди и вздохнул. – Я никогда не смогу тебе ничего приказать...

VIII

Мысль о том, что в ее власти оказался человек с такими способностями, не давала покоя Пери. Будучи особой весьма практичной, она стала усердно искать применение для этих способностей.

Теперь мы частенько выходили из школы втроем. Одноклассники с изумлением наблюдали за нами – прежде Леночка не снисходила до внимания к сильному полу.

Без лишних слов она вручала мне свой портфель (я не возражал), и мы неспешно отправлялись провожать даму домой. Жила она недалеко от школы, но в другую сторону от нашей слободки, поэтому крюк получался изрядный.

Дама шла рядом, но, чтобы мы не зазнавались, немного впереди нас, иногда оглядываясь вполоборота, будто вожатая – на подшефных октябрат.

– Прикажи Вере Петровне поставить мне примерное поведение за четверть! – фантазировала она. – А то я, видите ли, недостойна – на

воскресник не пришла... Или нет! Хочу «пятерку» по физике, а у меня одни «четверки»! Не понимаю, за что Раиса меня не любит...

Эфенди молчал, отрешенно слушая ее бредни.

– Вообще-то это все ерунда, – соглашалась сама с собой Леночка. – Мне и так неплохо. Надо думать обо всем классе... Вот что: прикажи Варвароссе не задавать нам сочинений на дом! Каждую неделю сочинение, надоело уже! Ну, что ты все молчишь?

– Ленка, перестань чепуху молоть! – не выдержал я. – По-твоему, Церун целыми днями только и должен делать, что твои капризы исполнять?

– А почему бы и нет? – синие глазки сердито уставились на меня. – Если бы у меня была волшебная палочка, я бы всех вокруг сделала счастливыми!

Эфенди остановился. Посмотрел на нее сурово, тяжело.

– С волшебной палочкой проще, – ответил он. – Захотел сундук золота – из воздуха сделал! Никого не обидел, всех одарил. А мне, чтобы сделать добро одному, надо наказать другого.

– Так подделом же! Так им и надо! – Пери даже ногой притопнула.

– Не понять тебе этого, – сказал Эфенди. – Это же сколько надо знать о человеке, прежде чем его наказывать! Чтобы не ошибиться! А я... Не дорос я еще до судьи.

Мы помолчали. Леночка, кажется, впервые задумалась над тем, что не все так просто, как ей казалось. На ее лице отразилась досада.

– Чтобы не возникало у тебя впредь глупых фантазий, я раскрою тебе секрет, – сказал Эфенди. – На самом деле я могу приказывать только тем, кого ненавижу. Или тем, кого не знаю, но чье поведение меня возмутило.

Пери надула губки от разочарования. Мы даже подумали, что наши совместные прогулки теперь прекратятся, но, удивительным образом, красотка сжалась над нами – и мы провожали ее и впредь.

– Это правда – то, что ты сказал Ленке? – спросил я Эфенди, когда мы возвращались домой одни. – Ну, насчет ненависти?

– Не знаю, – ответил он. – И знать не желаю. Я тебе уже говорил: это низко, подло – принуждать людей к чему угодно помимо их воли!

– Да, но бывает же, что это для их блага нужно! – возразил я.

– Например?

– Ну, не знаю уж, – замялся я. – Самоубийцу остановить, например. Или алкоголика...

– Миша, – сказал Церун очень серьезно, – я не хочу пользоваться этим часто. Если я стану повсюду искать себе применения, то дойду до мании величия. Вообразу себя вершителем судеб... Хватит и того, что таковым меня хочет сделать Лена.

Проверить теорию ненависти Эфенди пришлось довольно скоро, летом

после восьмого класса.

Целый месяц мы с Церуном и Сережка с Ванечкой строили на речке плот. Подобно героям «Приключений Гекльберри Финна», мы хотели проплыть вниз по течению хотя бы до впадения речки в Кубань.

Все у нас получилось: и плот с надежной увязкой, и хижина на нем, и даже железный ящик для костра раздобыл для нас Сережкин дядя-полковник.

Двенадцатилетний Ванечка напрасно лил слезы: он плохо плавал и часто болел, и родители его с нами непустили.

Арминэ Гургеновна и наши с Сережкой мамы взяли с нас слово, что через три дня мы оставим плот у берега и вернемся домой автобусом. Еды нам, однако, дали на целую неделю.

Путешествие вышло замечательным, но не о путешествии речь.

На второй день поутру мы увидели на левом, пологом берегу камышовые плавни. Нас несло посередине течения, довольно медленно: за сутки речка стала чуть ли не вдвое шире и замедлила бег.

Внезапно в камышовых зарослях открылась песчаная отмель, служившая, по всей видимости, пляжем для местных жителей.

На желтом песке возилась стайка малышей из детского сада. Разноцветные панамки и трусики напоминали рассыпанное по желтой скатерти монпансье. Две воспитательши, молодая дылда и пожилая толстуха, загорали, лежа на половиках, прикрыв лица шляпами и раскинув руки. Время от времени они лениво переговаривались между собой.

Предоставленные сами себе, малыши развлекались, как могли. Кто строил дом, кто «пек куличики», кто бегал вокруг и швырял песком в товарищей.

А у одного мальчишки был синий мячик, и вокруг него топтались несколько завистников. Хозяин подбрасывал свое сокровище и ловил, а зрители подпрыгивали и вскидывали руки одновременно с ним, двигаясь синхронно, как рыбки в стае.

Мы как раз поравнялись с пляжем, когда случилось нечто страшное. Мячик, подброшенный слишком высоко, упал за спинами детей и покатился по песчаному откосу в воду. Миг – и синий шарик пляшет на мелких волнах, быстро удаляясь от берега.

Знаете, что такое азарт? Вся компания дожидаться не могла, когда хозяин уронит мячик и можно будет завладеть им. Вперед!

С отчаянным визгом ватага ринулась вниз, к воде... и вдруг остановилась. Чинно, неторопливо дети взялись за руки, взошли на склон и уселись на песок, хлопая глазами и озираясь. О мячике они внезапно позабыли.

Я сразу понял, что к чему, и в панике повернулся к Церуну: где же здесь, посреди реки, вдали от жилья, мы возьмем ему «Скорую помощь»?

Но меня ожидал сюрприз: Эфенди сидел на бревне и тихо смеялся от удовольствия. Он и не думал падать в обморок.

– Это ты остановил их? – выдохнул я, переведя дух.

– А что же было делать? Ждать, пока эти каракатицы поднимут телеса с ковров и сообразят, в чем дело?

Он был прав. Даже если бы воспитательши спохватились сразу же – они не успели бы выловить из воды всех детишек сразу. Судя по буйку, плясавшему в каком-то десятке метров от берега, вода в том месте была глубока. Это «даже если бы». На самом же деле...

Ни сами малыши, ни их родители никогда не узнали, кому они обязаны жизнью – безусловно жизнью, ибо воспитательницы продолжали загорать, как ни в чем не бывало. Лишь наши вопли и дикий звон сковородкой о костровый ящик заставили их приподняться с половиков и оглядеться. Надеюсь, дальше они вели себя не столь безответственно.

Сережке, как близкому другу, мы все рассказали. Число людей, осведомленных о способностях Эфенди, росло.

Этот случай, а потом – еще несколько подобных, показали, что Церун так же легко может повелевать целой группой людей, как одним или двумя.

Тогда же у меня зародилось сомнение в том, что было причиной внезапных обмороков друга. До того врачи, многозначительно качая головами, сходились в одном: чрезмерное усилие неведомой природы. Один ученый доктор, осмотрев Церуна, даже сказал: «Такое впечатление, что мозг мальчика изнемогает от страшной нагрузки».

В тот день, глядя на счастливое лицо Эфенди там, на плоту, я подумал, что врачи ошибаются и причина вовсе не в перенапряжении. Но прошло еще много лет, прежде чем я понял, в чем дело.

Как всякий человек, обладающий тончайшей психикой, Эфенди был легко уязвим. Собственные усилия не причиняли ему никакого вреда. Просто удар, нанесенный его железной волей какому-нибудь подонку, вышибал из того сгусток темной энергии, и она в ответ поражала Церуна. Грубо говоря, Эфенди метким выстрелом взрывал мину, а от осколков уклониться не успевал... Именно ненависть и злоба, выплеснутые на него, и губили моего друга. Одному Богу ведомо, насколько это было опасно.

Я изложил свою теорию Эфенди, но он не стал меня слушать: он продолжал считать своих врагов безоружными.

Однажды случилось так, что Эфенди выступил против всех соучеников, встав на защиту учительницы. Случилось это в начале девятого класса, когда мы уже всю включились в борьбу за хорошие аттестаты.

Из оставшихся в старшей школе восьмиклассников получилось два класса по тридцать шесть человек. Восьмой «В», как самый малочисленный, расформировали – и у нас оказалось семеро «новеньких», из них только две девочки. Мальчишки-«взэшники» поначалу держались

особняком и не дружили с нами.

К тому времени Раиса Ильинична преподавала нам физику уже третий год. Она была не хорошей и не плохой, не умной и не глупой, не доброй и не злой. Свой предмет она знала. Отличал ее от прочих преподавателей недопустимый для школьной работы изъян – катастрофически плохое зрение.

Ученики – практичный народ. Никто из нас не лез вон из кожи, изучая физику на уроках. Никто не «сдирал домашку» на переменках, никто не дрожал перед контрольными. Еще в седьмом классе мы поняли, что с Раисой Ильиничной все пойдет как по маслу – по той причине, что она старается скрыть от начальства, насколько плохо видит.

Мужа у Раисы не было. Ее сын, пятиклассник Коля, приводил ее в школу и провожал домой. Он же, насколько понимаю, стирал белье, ходил в магазин и готовил еду. Своей недетской серьезностью Коля напоминал маленького Церуна. У нас этот парнишка вызывал искреннее уважение: он спокойно, невозмутимо нес бремя ответственности за семью. Никто не слышал, чтобы Коля жаловался или просил у кого-либо помощи.

На уроки Раиса Ильинична приходила с сумкой, в которой лежала мощная лупа. Глядя сквозь толстенные стекла очков в линзу, она умудрялась прочесть наши фамилии и поставить оценки. Трудно представить, скольких трудов ей стоило проверить тетради хотя бы одного класса! Но страх остаться без работы держал ее в школе, заставлял притворяться уверенной и беззаботной, делать вид, что легкая близорукость – не помеха учителю...

Подспудно, постепенно, мы совсем перестали считаться с «физичкой». На контрольных списывали не втихомолку, из-под парты, а открыто положив учебник перед собой. Нарочно мелким, неразборчивым почерком писали ответы. А иногда переписывали одну и ту же задачу дважды.

И все же это были мелкие, почти безобидные шалости – до появления «вэшников». Новенькие оказались изобретательней нас.

Их предводитель, Витюха-Семафор, прозванный так за длинные руки и фамилию Семашко, решил завоевать благосклонность Пери и заодно заявить права на предводительство в классе. Средство он выбрал соответственно своим понятиям об авторитетности: начал издеваться над учительницей по-настоящему.

– Раиса Ильинична! – заявил он как-то, едва та появилась в дверях класса. – А Петушков на доске неприличное слово написал! Вон, можете сами убедиться!

Славка Петушков, другой «вэшник», явно подыгрывал ему: он вяло запротестовал и захихикал, а бедная учительница покраснела и беспомощно повернулась к доске. И тут раздался спокойный голос Эфенди:

– Раиса Ильинична! Дежурные чисто вытерли доску перед уроком. Никаких слов там нет и не было. Виктору Семашко просто померещилось.

Раиса Ильинична не стала ничего выяснять. Она поспешно начала урок, а Семафор искоса глянул на Эфенди и ухмыльнулся: мол, погоди мне...

В другой раз Витюха, выйдя к доске решать задачу, вместо формул принялся рисовать картинку. Мы уже знали, что способности у него имелись, и незаурядные. Рисунок получился замечательным, лучше, чем в детских журналах: паровоз тащил вагончик, из открытых окошек выглядывали веселые зайчики, и ветер полоскал их длинные ушки.

Весь класс поддался на провокацию. Забыв о физике, мы с горящими глазами и нетерпеливым хмыканьем следили за возникновением шедевра. А Раиса Ильинична спокойно внимала энергичному стуку мела по доске...

– Там ошибка! Я исправлю! – внезапно воскликнул Эфенди, вскочил с места, подбежал к доске и, прежде чем Семафор опомнился, широкими взмахами тряпки стер рисунок.

– Ты чё? – возмутился маэстро и толкнул его кулаком. – Я старался...

– Ты допустил ошибку, – ответил Эфенди, не обратив внимания на толчок. – Еще в самом начале. И не только ты, а весь класс. Поэтому мне пришлось стереть все. Раиса Ильинична, вы позволите мне попробовать решить эту задачу?

– Да-да, конечно, Церун, – поспешно согласилась учительница, заподозрившая неладное. – Конечно, попробуй. А ты, Витя, садись.

Прежде чем повернуться к доске, Эфенди обвел класс глазами. Я не выдержал его взгляда, и уверен: другие тоже. Мне даже сейчас стыдно вспоминать, как мы хихикали, поддерживая откровенное издевательство над полуслепой женщиной.

Но самое плохое началось, когда в третьей четверти старостой был выбран Найман Зарипов – наш одноклассник, еще с младшей школы друживший с «вэшниками». Старосты носили классный журнал из кабинета в кабинет и отвечали за его сохранность. Найман был человеком хорошим, но слишком мягким. Иногда он поддавался искушению угодить друзьям, что не всегда оборачивалось добром.

Неведомо, кому первому пришла в голову мысль подставлять в журнал лишние оценки по физике, но исполнителем стал тот же Витюха. Подобрал авторучку с подходящими по цвету чернилами, наловчился дрожащей рукой копировать почерк Раисы Ильиничны – и приступил к делу.

На большой перемене Найман с Семафором и еще двумя-тремя «вэшниками» находили укромный уголок – в раздевалке, на лестнице или в актовом зале, назначали часового и подставляли в журнал «пятерки» своим приятелям и тем, кого хотели задобрить.

Расчет оказался верен: даже если Раиса Ильинична и заметила мошенничество, она не решилась устроить дознание. Она вообще из всех сил старалась избегать каких-либо выяснений, зная, что ее заработок висит на волоске...

Получив оценки по физике за третью четверть, мы ахнули: кто от восторга, кто от недоумения. Гадать долго не пришлось: самодовольные улыбки «вэшников» выдали простую правду.

Физика была последним уроком в тот день. Когда прозвенел звонок и дверь за Раисой Ильиничной закрылась, Эфенди вышел к доске и, перекрывая шум, крикнул:

– Не расходитесь, пожалуйста! Нам надо поговорить.

«Вэшники» прекрасно поняли, о чем будет разговор. Нагло улыбаясь, ватага двинулась к двери.

– Впрочем, трусы могут идти, – продолжал Эфенди уже в тишине. – Но должен предупредить: ваше отсутствие не спасет вас от ответственности за мошенничество.

– А чё мы сделали-то? – воровато огрызнулся Семафор, останавливая свою команду. – Какое там мошенничество? Спасибо сказали бы!

Вместо ответа Эфенди повернулся к Зарипову и сказал:

– Найман, как ты мог так поступить?

Надо было слышать его голос! Не судья произнес эти слова, а человек, которому больно за то, что его товарищ так низко пал. Не осуждение, а разделенный стыд – и оттого вдвое горше.

Найман вспыхнул до корней волос и отвернулся к окну.

– Мы с вами, дорогие мои одноклассники, стали соучастниками преступления, – продолжал Эфенди. – Воровство само по себе подло, а ограбить человека, пользуясь его немощностью, просто преступно.

В классе поднялся шум. Кто соглашался, кто возмущался, кто просто нес околесицу, поскольку мнения не имел.

– Но самое плохое не это, – возвысил голос Церун. – Хуже всего то, что вы совсем не против иметь ворованные оценки. Вы соглашаетесь со мной, чтобы я замолчал поскорее, и мы разошлись.

– Раиса всегда жадничает, – сказала «недо-отличница» Лида Краюха. – Что плохого в том, чтобы помочь друзьям исправить оценку?

– В самом деле! – зашумели все. – Нечего трагедию изображать! Подумаешь, помогли товарищам!

– И учителю, между прочим, хорошо – для отчета об успеваемости, – ввернул Витюха, почуяв поддержку.

Эфенди ожег его взглядом и сказал:

– Как может быть хорошо человеку, которого подвергают такому унижению? Думаете, Раиса Ильинична не заметила? Да она чуть не плакала, когда оценки объявляла! Это все равно, что ударить калеку.

Настала тишина. Даже «вэшники» замолчали.

– Мы должны извиниться, – сказал Эфенди. – А после доказать свои незаслуженно хорошие оценки. Ведь никто из нас по-настоящему физики не учит. Не пора ли начать?

– Да у тебя самого-то «пятерка» как вышла? – ехидно осведомился Славка Петушков.

– У меня тоже оценка «липовая», как у большинства, – ответил Эфенди.

– Уж не знаю, чем я заслужил благосклонность вашей компании...

А может, вы мне рот хотели заткнуть «взяткой».

– Это я просил за тебя, – еле слышно сказал Найман.

– Плохой подарок ты мне сделал, – отозвался Церун. – Я будто в грязи вывалился. Неужели за пять с лишним лет ты меня еще не узнал?

Каждый раз, когда Эфенди преподавал нам урок порядочности, мы диву давались: ведь то, что он говорил, было так просто и понятно. Почему же мы сами не додумались? Отчего юность так глупа? Не оттого ли, что быть умным обременительно?

Хмурые, расстроенные, мы все-таки отправились провожать Пери в тот день, после собрания. Шли молча, глядя под ноги. Леночка, как всегда, вышагивала впереди. Но на середине пути она остановилась.

– Что ты о себе мнишь? – с внезапной злобой сказала она Церуну. – Какой ты правильный! Истинный комсомолец, да?

– С каких пор быть честным стыдно? – спросил Эфенди устало. – Тебя больше устроила бы незаслуженная оценка?

– Да! – закричала Пери столь яростно, что даже ногами затопала. – Я не собираюсь сдавать физику в институт! И учить ее не хочу! Но аттестат мне нужен хороший, как и всем в классе. Витя и Найман сделали доброе дело для нас, а ты их за это смешал с грязью!

– А Раисе Ильиничне они тоже доброе дело сделали?

– Так ей и надо! Чего она всех обманывает, притворяется нормальной? Эфенди посмотрел ей в глаза и сказал с горечью:

– Это очень тяжело – притворяться таким, как все... А признаться в своей «ненормальности» и вовсе невыносимо. Неужели тебе ее не жалко?

– Мне жалко себя! – откровенно призналась Пери. – Теперь придется зубрить эту паршивую физику!

– Ты ведь хочешь получить золотую медаль, – сказал Эфенди. – В десятом классе придется сдавать экзамены, в том числе и по физике. Что ж ты тогда, за три дня ее выучишь?

– Ой, какой ты занудный! – скривилась Леночка и пошла вперед. – Прямо «ум, честь и совесть» нашего класса...

А ведь верно сказала, подумал я.

Слово свое Эфенди сдержал: стал усиленно учить физику и «подгонять» всех нас. Леночку и еще двух-трех отстающих он оставлял после уроков и терпеливо пояснял им то, чего неохота и лень не давали им понять и выучить самостоятельно.

В четвертой четверти почти все «липовые» оценки стали подлинными. Раиса Ильинична недоумевала и боялась верить своему счастью. Точно она

знала одно: больше ни одна отметка в журнале не появилась помимо ее воли.

Что касается Церуна, то он так вошел во вкус учения, что выбрал физику своей будущей специальностью.

IX

Тогда, на реке, мы впервые увидели, как легко Эфенди мог повелевать не одним человеком, а сразу несколькими.

Все же он до такой степени неохотно пользовался своим даром, что, даже будучи в опасности, тянул до последнего, рискуя попасть в беду.

Помню, как однажды в сумерках – дело было осенью, темно рано – мы с Церуном возвращались домой и у магазина столкнулись со стайкой местной малолетней шпаны. Большинство мальчишек из ватаги жили по соседству и учились в нашей школе, но двоих мы видели впервые. Постарше, понаглее, пришлые явно искали случая, чтобы показаться во всей красе и провозгласить себя повелителями сопляков. А сопляки даже рты поразевали, ожидая обещанного представления.

– Слышь, ты, дохляк! – коренастый рыжий пацан заступил нам дорогу и ткнул Церуна кулаком в плечо. – Дай двадцать копеек! Детки леденчиков просят.

«Детки» подобострастно захихикали, а рыжий ослабился, показав знак доблести – выбитый зуб. Эфенди молчал, нахмурившись. Я недоумевал: чего он ждет? Ведь и так ясно, что по-хорошему они не отстанут!

– Шо, сдрейфил? В штаны наклал? Мамочку вспомнил? – продолжал изгаляться рыжий.

Его приятель тем временем подошел сбоку и попытался вырвать из моей руки портфель. Я отпихнул его, но тут же получил кулаком в ухо.

– Ай, какие вы жадные! – протянул рыжий. – Ща перевоспитаем...

И он замахнулся на Церуна, а его приятель – на меня. Оба удара попали в цель и разбили два носа, но не наши. Выпучив глаза от недоумения, хулиганы продолжали нещадно молотить друг друга, пока проходившие мимо мужчины не расцепили дерущихся... А «детки» взирали на представление с откровенным ужасом.

Я поторопился схватить Церуна под руку и отвести к магазину, где усадил на скамейку. Нет, в тот раз он не потерял сознания, хотя, конечно, даром напряжение тоже не прошло – мой друг с трудом доплелся до дома и на следующий день не явился в школу.

Эта история получила неожиданное продолжение. Будь на месте Церуна другой мальчишка, он бы, наверное, даже возгордился.

Малолетние шпанята, свидетели позора пришлых «шефов», ничего из случившегося не поняли, но невольно заподозрили, что «дохляк» оказался вовсе не так безобиден, как они думали. Ни рыжего, ни его дружка больше в нашем квартале не видели, а неприкаянной мелюзге очень хотелось

иметь жожака. И они стали взирать на Эфенди, как смотрели бы на рыжего, если бы его «акт самоутверждения» состоялся.

Сначала они просто ходили следом за Церуном – а поскольку мы чаще всего бывали на улице вдвоем, то за нами обоими. Потом стали робко приближаться и даже осмелились обратиться раз-другой – наши имена они знали давно, соседи как-никак. Лица их при этом цвели самыми заискивающими улыбками.

– По-моему, тебя собираются выбрать жожаком, – сказал я в шутку.

– Это не смешно, Миша, – вздохнул Церун. – Каждый из этих детей чем-то обделен. В основном родительской заботой, конечно. Но есть и еще – одно, другое, третье... Беда в том, что я им ничем не могу помочь – я сам такой же, как они, только старше.

– Да им, может быть, и не надо ничего особенного? Дать совет много времени не займет, – сказал я.

– Этим у нас занимаются учителя, – горько усмехнувшись, ответил Церун. – В подобных делах советы – лишь видимость заботы. Обижают ребенка в классе, например. А учительница ему: будь мужчиной, не обращай внимания! Или: начни учиться лучше всех, трогать не будут! А обидчикам – ни слова... В том-то и дело, что помочь таким малышам может только тот, кто способен ради них забыть обо всем. Я не готов к этому, а прикидываться добреньким и играть в благородство не хочу.

Через два дня настал «азербайджанский месяц», Церун переселился к Рафиге Джаваншировне и перестал появляться на нашей улице. Мальчишки раз-другой проводили его от школы до моста – и понуро отстали.

Но до конца этой истории было еще не близко.

Из всей ватаги особенно выделялся улыбчивый Колька по прозвищу Швабра – длинный, тощий и шустрый. Он выглядел смысленнее остальных и, когда доходило до шалостей, всегда оказывался заводилой. Но почему-то нам с Церуном не верилось, что Швабра способен на настоящую пакость.

Как-то раз я, простившись с Церуном у моста, шел к своему дому. Начинало смеркаться, и моросил противный мелкий дождь.

Внезапно с другой стороны улицы мне наперерез кинулись два малыша-второклассника, крича:

– Мишка, Мишка, погоди! А где Церун?

Я остановился – сразу понял, что случилось что-то плохое.

– Зачем вам Церун?

– Швабру батяня прибил, – сказал вихрастый Вадик и шмыгнул носом.

– Он там лежит и не дышит, – добавил его приятель Гошка и мотнул головой туда, откуда они прибежали.

Ох, как не хотелось мне связываться со шпаной! Но отказать малышам в помощи я не мог. Скрепя сердце, я пошел за ними.

Колька лежал у забора, скрючившись калачиком, спиной вверх, подвернув под себя согнутые в коленках ноги и голову, и тихо стонал. Боком он вжимался в доски так, будто хотел продавить их и проползти внутрь двора.

Я нагнулся и, приподняв его, посадил спиной к забору. И обмер.

Мне приходилось видеть много синяков и ссадин, но такого – никогда. Колькин левый глаз полностью скрылся за багрово-синим отеком, таким большим, что туго натянутая кожа на виске блестела, как целлофан.

– Кто его так? – в ужасе спросил я, забыв, что уже слышал, кто.

– Батька, – терпеливо повторили малыши.

– За что?

– А кто его знает! Идем, слышим – Швабра орет, а отец матюкается. Пьяный, он всегда матюкается. Ну, мы сюда, а Швабра вон какой...

Я стал лихорадочно соображать, что делать. Обычно пострадавшего на улице или отводят домой, или вызывают «Скорую». Дома отец по горячим следам может ему еще добавить, а «Скорая» опять же обязана сообщить родителям. Можно было бы позвать участкового милиционера, чтобы наказать отца, но поди знай, чем это закончится для мальчишки – родитель потом отыграется за унижение...

– Не надо домой, – еле различимо простонал Колька.

– Вот что, ребята, – сказал я. – Ждите здесь, я – мигом!

До моего дома оставалось пол-квартала. Я пролетел их за несколько секунд, ворвался и с порога выпалил все маме.

Мама умела действовать быстро. Она оделась и побежала со мной, но прежде позвала соседей. Мужчины отнесли Кольку к нам домой, а женщины, не раздумывая, вызвали «Скорую» – уж слишком страшно выглядел отек.

То, чего я опасался, все-таки случилось: Кольку забрали в больницу, а наш добрый участковый отправился беседовать с отцом-садистом.

Церун узнал обо всем от меня, на следующий день. Долго молчал, потом сказал:

– Не утаиться мне от них, значит. Гора пришла к Магомету... Пойдем, разыщем вчерашних заступников.

Второклашки учились на первом этаже. Вадик и Гошка увидали нас еще тогда, когда мы спускались по лестнице, и очень обрадовались. Подбежали, ухватили нас за руки, будто младшие братишки, и начали наперебой рассказывать о том, о чем Церун и так уже знал.

– Давайте начистоту, – сказал Эфенди. – За что отец избил Колю?

Вадик открыл было рот, но Гошка дернул его за рукав и торопливо ответил:

– Батька ему деньги дал и в магазин послал. А Швабра трешку-то и посеял...

– Потерял, или отобрали? – строго спросил Церун.

Мальши переглянулись. Вадик покраснел и сказал:

– Да не, он сам... Вот ей-Богу, сам.

– Значит, сам отдал? Кому?

– Да мы не знаем, – испуганно хлопая глазами, ответили оба.

Спасительный звонок прервал дружеский допрос, и мальши умчались в класс. Поднимаясь по лестнице, Эфенди сказал мне:

– Врут оба. Но не просто так врут, а от страха. Вот увидишь, теперь меня избегать будут.

Так и вышло, как он сказал. Вадик и Гошка стали обходить нас десятой дорогой, а если сталкивались в коридоре или на улице – натянуто улыбались и спешили убежать.

На третий день после происшествия мы навестили Кольку в больнице. Выглядел он кошмарно – хотя отек немного спал, пол-лица были иссиня-черными. Возле его кровати сидела мать – грузная баба в штопаной шерстяной кофте и юбке, перешитой из солдатских брюк. От нее пахло потом и перегаром.

– Коль, это тебе моя мама передала, – сказал я и вручил больному кулек с пирожками.

– А ну-ка! – баба проворно цапнула кулек, запустила туда руку и стала жадно жевать, откусывая сразу по пол-пирожка. – У-у, с ливером! То, шо надо...

– Это Коле! – возмутился я.

– Та ён не йисть, хочь суп, хочь кашу, – как ни в чем не бывало, ответила мать. – Дохтур кажеть – апатиту нема.

Санитарка, мывшая полы под соседними койками, подняла голос:

– Зато у тебя, мамаша, аппетит хоть куда! Целыми днями тут сидишь, все, что сыну приносят, жрешь сама!

Не раздумывая больше, я вырвал пакет с оставшимися пирожками у бабы из рук, а Церун, бледный от гнева, сказал ей:

– Вон отсюда!

Слова его прозвучали тихо, но убедительно. Баба хмыкнула, утерла рот пятерней и вышла из палаты, грузно переваливаясь на толстых ногах.

Колька молча смотрел ей вслед. В уголке его здорового глаза, словно капля росы в чашечке цветка, стояла слеза.

Мы немного посидели, приходя в себя. Наконец, Эфенди сказал:

– У меня нет ни мамы, ни папы. Но тебе, наверное, хуже.

– У меня есть Тата, – тихо сказал Колька. – Сестренка. И бабуля...

– Вот о них и думай, – ответил Церун. – И в обиду не давай. А мы тебя в обиду не дадим.

Сколько раз в жизни приходилось мне слышать эту фразу! Каждый, кто ее произносил, собирался сдержать обещание – и старался это сделать,

по мере возможностей. Но очень у немногих это означало: «Твои обиды станут моими». Церун слов на ветер не бросал.

Для начала мы навестили главного врача отделения и объяснили, почему за Колькой нужно присматривать во время кормежки. Седовласая докторша была потрясена до такой степени, что сама пошла расспрашивать санитарок и нянечек. Сидя в ее кабинете, мы слышали, как она распекала подчиненных за то, что ей доложили об этом не они, а посторонние люди.

– Вот уж судьба у мальчонки! – сказала она, вернувшись к нам. – Отец – изверг, мать – хуже мачехи. Случай для Комиссии по делам несовершеннолетних. Может, в интернате ему будет лучше?

– Не пойдет он в интернат, – ответил Церун. – У него сестренка маленькая и бабушка – на кого их оставить?

– Значит, на милицию вся надежда, – сказала докторша и сокрушенно вздохнула. – Хотя что они поделают? На что давить-то, если совесть люди пропили? За подлость в тюрьму не сажают...

В тот день, когда Кольку выписали, мы пошли не в школу, а в больницу. Забирала его бабушка – сухонькая, тихая старушка в платочке. Но по тому, как ласково она разговаривала с внуком, мы поняли, что хоть одна родная душа у мальчишки есть.

Всю дорогу до их дома и Колька, и бабушка беспокойно оглядывались – ждали, когда же мы отстанем. Наконец, перед самой калиткой старушка спросила:

– А вы, хлопчики, чего до школы-то не бегите?

– Да вот, хотим в гости к вам зайти, – сказал Эфенди.

– Ой, не надоть! – ахнула бабушка. – У Колюни батька шибко злой. Да еще и с похмелки! На работу даже не пошел. С Валентиной, дочкой моей, с утра лается...

Колька молча смотрел на нас. В здоровом, широко открытом его глазу застыл испуг и в то же время – ожидание, робкая надежда, которой он не смел поверить.

– А мы с ними как раз познакомиться и пришли, – сказал Церун и, толкнув калитку, вошел первым.

То, что мы увидели в доме, я до сих пор вспоминаю с содроганием. В нашем квартале, да и в соседних тоже, богатых людей не было. Были бедные, очень бедные и нищие. Но каждый из перечисленных все-таки старался по мере возможности справиться с нуждой: сажал овощи в огороде, собирал и сдавал пустые бутылки и макулатуру, подрабатывал в соседнем совхозе.

В Колькиной семье, если бы не пьянство обоих родителей, деньги бы водились – мать работала на складе, а отец – на станции техобслуживания. Но скотство, до которого они дошли, поддается описанию с трудом.

Весь дом внутри представлял собой вонючую свалку. Гниющие объедки, немытая посуда, месяцами не стиранная одежда, перья от выпотрошенной перины, клочья рваных газет – и толстый слой жирной грязи на полу. Мухи, крысы и тараканы чувствовали себя там, как дома – в отличие от детей.

Глава семейства сидел на низкой, заваленной тряпьем кушетке и орал матом на жену, пытавшуюся найти недопитую с вечера бутылку.

Эфенди в дверях обернулся и быстро спросил бабуку:

– А где девочка?

– У меня, в пристроечке, – шепотом ответила та. – Разве ж можно с йим, злыднем, дитё-то оставить?

– Идите к ней, и Колю с собой заберите, – сказал Церун. – Дайте мне с ними потолковать.

– Ой, хлопчик, прибьет он тебя, – испуганно зашептала старушка.

– Не бойтесь, не прибьет.

«Понимаешь, в чем была загвоздка? – рассказывал мне Эфенди потом, когда стало возможным говорить о происшедшем спокойно. – Я с самого начала знал, что уговорами там ничего не добьешься. Единственный способ воздействовать на подобные мозги – внушение, причем, как говорится, чем примитивнее, тем эффективнее. НО ЧТО ВНУШАТЬ? До сих пор я всех своих «пациентов» заставлял что-то сделать, и только. Простое однократное действие. Я не старался изменить их мировоззрение, характер, тем паче физиологию. Думаю, если бы я попытался заставить Колиных родителей бросить пить, я потерпел бы поражение. Да и поди знай, во что бы вылилась злоба, не приглушенная выпивкой? Поэтому я остановился на обыкновенном запугивании: внушил обоим, что отныне, если они хоть пальцем дотронутся до детей и бабушки, то будут иметь дело со мной. А себя представил великим и ужасным, вроде Гудвина».

Изложенное на бумаге, все выглядит просто. Но на деле это было тяжело для Церуна и невыносимо омерзительно для меня, зрителя. Сначала полупьяный бугай полез в драку, и Эфенди заставил его упасть на пол и не двигаться. Баба начала визжать и запустила в нас пустой бутылкой, но попала в собственного мужа, разбив ему лоб. Следом... я не помню, что говорил и делал Церун, но кончилось тем, что оба его «пациента» ползали на четвереньках и норовили поцеловать ботинки Великого и Ужасного. Я чувствовал, что, промедли мы еще минуту, меня стошнит. Но не это, а боязнь за рассудок друга заставила меня буквально утащить его из тамошней клоаки.

И вовремя! Только нечеловеческим усилием воли Эфенди продержался на ногах, пока я нашел вход в пристройку и втолкнул его туда. Вдвоем с бабушкой мы уложили его на допотопный диван – единственный предмет мебели в нетопленной клетушке. Дети – Коля и бледная, запуганная девочка

лет пяти – обнявшись, сидели в углу на каких-то ящиках.

– Прибил, злыдень? – ахнула старушка и залилась слезами. – Хлопчик ты мой, я ж казала!

– Не бойтесь, – поспешил успокоить ее я. – С ним все в порядке. Сейчас пройдет.

Действительно, обморок в тот раз длился не больше пяти минут. «Я заставил себя очнуться скорее, – рассказывал потом Эфенди. – Не хотел их пугать. Может, со временем научусь управлять собой и избавлюсь от этой помехи».

...Нет, не удалось Церуну до конца избавиться от «помехи». С возрастом и опытом он научился оттягивать обмороки до более или менее безопасной минуты. Но, если испытание продолжалось слишком долго, сознание покидало его неожиданно. Так случилось и в ту роковую ночь...

Среди способностей Эфенди числилось умение находить простейший выход, до которого почему-то никто, кроме него, не мог додуматься.

Как только мы оказались на улице, мой друг сказал:

– Ты видел этот сарай? Ни печки, ни лампочки, в стенах сквозные дыры. А ведь зима на носу.

– Что же делать? – спросил я с отчаянием. – У нас папа совсем болен, ему тишина нужна, да и места нет. Был бы один Колька – еще куда ни шло, но трое!

– А я и не говорю о вашем или нашем доме. Но мне кажется, есть неподалеку человек, который гостям обрадуется. Давай-ка навестим Кондратьевну!

Я ахнул: до чего же просто! Та самая старушка-почтальонша, которая уже больше трех лет пребывала в убеждении, что у закоренелых воров может внезапно проснуться совесть, после памятного происшествия работать перестала и с тех пор невыносимо тяготилась одиночеством. Жила она на мизерную пенсию и на то, что удавалось вырастить в огороде, но силы убывали, зрение слабело, а помочь было некому. Обузой для нее теперь стал и просторный дом с двумя печками.

Эфенди оказался прав. Кондратьевна плакала от радости, что с нею поселятся двое детей с «молодухой» – Колина бабушка была лет на двадцать младше нее. Мы привели гостей и помогли им устроиться, и все, казалось, утряслось. Но мы прекрасно понимали, насколько шатко и ненадежно положение наших подопечных.

Преодолев отвращение к бюрократии, мы решили обратиться в горисполком. Мама пошла с нами, и очень кстати, поскольку пришлось просить и даже умолять – то, чего ни Церун, ни я делать не умели.

Пришлось ходить еще и еще, писать заявления и жалобы, но со временем решился и этот вопрос. Бабушку Коли официально назначили опекуницей детей, родителей обязали выплачивать алименты. А Кондратьевна, по

собственному почину, отписала в завещании свой дом постояльцам.

Но это произошло спустя несколько месяцев, а тогда, осенью, пока мы занимались Колиной бедой, история с пропавшей «трешкой» получила продолжение.

Первоклассник Ленька, из многодетной, но благополучной семьи, тихоня и отличник, украл пять рублей из учительской сумки. При этом он не особенно и таился – то ли по простодушию, свойственному малышам, а может, от недостатка хитрости, совершил преступление на глазах у доброй половины класса. Потрясенная учительница поставила ему «неуд» по поведению, но трезвонить на всю школу не стала.

Еще через несколько дней мама рассказала мне: соседский Пашка Махоткин заявил родителям, что староста велела принести по три рубля на «нужды класса». Возмущенный неслыханной суммой отец отправился в школу – и поймал сына на лжи. Выпоротый Пашка убежал из дому, но был пойман в тот же день и посажен под домашний арест.

Выяснилось, что все мальчишки из печально известной нам ватаги разом перестали ходить в кино, хотя деньги на билет у родителей кланчили. Перестали также покупать булочки в школьной столовой, леденцы в киоске, пить воду с сиропом из автомата. Каждая копейка сберегалась – для чего?

Эфенди сразу догадался, для чего.

– Кто-то им «назначил оброк», – сказал он, – и припугнул хорошенько. Коля был первой жертвой – а может, и не первой. Ведь второклашки сразу поняли, куда подевалась трешка – помнишь, как они юлили?

Разгадка нехитрой тайны наступила буквально на следующий день. Было воскресенье, погода стояла превосходная, и мы с Церуном долго гуляли, разговаривая. Возвращались в ранних сумерках тем самым узким переулком, где грабитель когда-то напал на Кондратьевну.

Мы уже почти вышли на улицу, как вдруг заметили впереди знакомую фигурку, прильнувшую к столбу у забора. Гошка-второклашник потихоньку выглядывал из укрытия, высматривая что-то или кого-то у магазина.

Я хотел было его окликнуть, но Церун удержал меня.

– Подождем, – прошептал он. – Эта скрытность неспроста. Он чего-то страшно боится, просто скручивает беднягу от страха. Но нам не признается, ты же знаешь. Давай наблюдать.

Минуту спустя конспиратор вышел из-за столба и медленно направился к магазину, озираясь по сторонам. Просто удивительно, как он не заметил нас – скорее всего, озираясь лишь от растерянности.

– Он просто в панике, – сказал Эфенди. – На грани обморока. Господи, да что же с парнем творится?

Тем временем Гошка приблизился к трем женщинам, стоявшим у витрины и громко обсуждавшим новости. Одна из них размахивала руками, доказывая что-то товаркам, а сумку держала закинутой через плечо.

Гошка подошел сзади и запустил туда руку. Задача оказалась несложной – увлеченные разговором, женщины не заметили, как кошелек поменял хозяина.

Нервы у мальчишки сдали, и он пустился наутек. Но далеко убежать не успел – мы с Церуном схватили его.

– Отдай, – тихо сказал Эфенди, взял кошелек и, подойдя сзади к женщинам, громко спросил:

– Простите, это не вы обронули?

Разговор прервался. Женщины с недоумением посмотрели на Церуна, на кошелек – и стали обсуждать, каким образом он мог из сумки вывалиться...

Гошка рыдал, уткнувшись мне в живот. Он плакал долго, давая выход напряжению, а мы не прерывали его. Уже совсем стемнело, стало холодно, и прохожие спешили по домам – никто не обратил на нас внимания.

Мы усадили несостоявшегося преступника на скамейку под ракитой, вытерли ему нос и велели рассказывать, отчего он вдруг решил стать вором.

Потрясение оказалось слишком тяжелым – Гошка не стал отпираться.

– Мне завтра надо четыре рубля Юрке Рыбаку отдать, – шмыгая носом, еле слышно ответил он. – Не отдам – буду должен уже пять рублей...

– За что это отдать? – спросил Церун.

– За то, что он нас от заречных защищает.

– От шпаны заречной, что ли?

– Да не только от пацанов... Говорит, там и взрослые воры есть. С финками, с кашкетами...

– А если платить не будете – заречные вас побьют и порежут, так?

– Ну да...

– А вы задумывались о том, как заречные узнают, что вы Юрке не платите? Не оттого ли, что сам защитничек им об этом сообщит?

Гошка заморгал, вытер нос рукавом и сказал:

– Не... Он добрый. Он нам на велике покататься давал.

– Неужели все платят?

– Да пока не все... Деньги копят. А долг растет! Венке-Бублику уже шесть рублей платить придется...

– Где ж он их возьмет?

– Коньки продать хочет. А отцу скажет, потерял. Ох, выпорот его отец-то... А что делать?

Эфенди прошелся взад-вперед, раздумывая. Потом спросил:

– А почему вы не рассказали про Юрку родителям?

Недоумение, отразившееся на Гошкиной физиономии, могло бы показаться забавным в другое время. У него чуть глаза на лоб не вылезли:

– Как – родителям? О таком?! Да ты что? Разве бы они поняли?

– Действительно! Надо было подождать, пока им сообщат в милиции, что сын стал вором – тогда бы сразу поняли.

Гошка стал снова хлюпать носом, а я смущенно подумал, что такие мамы, как у меня, есть далеко не у каждого.

– Перестань ныть! – неожиданно рассердился Эфенди. – А ну-ка, думай! У кого из вас, должников, самый уважаемый отец?

– Как это – уважаемый? Ударник труда, что ли?

– Нет. Справедливый, смелый, рассудительный! Настоящий мужчина, понимаешь?

Гошка открыл было рот, но подумал и закрыл. «Хотел сказать «мой», понял я. Но не хватило чего-то...

– Да это... пожалуй... у Вадика, – наконец ответил малыш. – У него батяка военный, не пьет совсем. И матом не ругается.

Вот чего не хватило. Бедный Гошка...

– Веди нас к Вадику, – голос Эфенди звучал, как приказ. – И не хнычь! Из этой истории можно выйти двумя путями – плохим и ужасным. Почему-то вам ужасный кажется милее...

Тот вечер был очень долгим. Нам повезло: Виктор Андреевич, отставной офицер и отец Вадика, оказался человеком умным и порядочным. Он внимательно выслушал нас, позвал и расспросил сына и Гошку, а затем пошел вместе с нами обходить дома всех «оброчных».

Мы начинали с того, что просили родителей не наказывать детей. Но увы! Эти мальчишки не зря водились со шпаной – заботливых родителей почти ни у кого из них не было. Наверняка кое-кому досталось «на орехи» – Церун недаром говорил про «плохой выход». Но все же не «ужасный»! Синяки пройдут, а вот мелкое воровство и вранье в таком возрасте чреваты последствиями необратимыми...

Оставалось разобраться с Юркой Рыбаком. Мы его хорошо знали – да и кто в городе не знал чемпиона всего края по вольной борьбе среди юношей! В свои шестнадцать лет Рыбак был кандидатом в сборную республики.

Учился Юрка не в нашей школе, но жил неподалеку. Все «оброчные» попались на его удочку, придя в бесплатную секцию вольной борьбы, которую Юрка с двумя приятелями открыл в Доме культуры – в качестве «шефской помощи юному поколению», гласило объявление на дверях. Такие же объявления были развешаны на столбах и заборах по всему городу.

Для «мелюзги» Юрка Рыбак был полубогом. Посудите сами: как могли обделенные вниманием мальчишки усомниться в словах доброго, чуткого, «своего в доску» весельчака-чемпиона? Кумир сказал: «Платите мне, чтобы жить спокойно» – значит, надо платить. А еще предупредил: «Расскажешь родителям – я тебя уважать перестану!» Да какое же

наказание может быть страшнее? Пусть хоть десять раз отец выпорот, пусть забирают в милицию, но только не это!

«Разбираться» с Юркой ходили Виктор Андреевич и еще несколько отцов. «Кумир» сначала заявил, что это клевета, а потом представил дело так, что дети сами предложили ему платить. Денег он не вернул и раскаиваться не собирался. А заявление в милицию у родителей не приняли, сказали – показания малолетних доказательством вины считаться не могут. Кроме того, начались звонки от «неравнодушных к спортивной чести страны людей», и клеветникам пригрозили неприятностями...

Тем не менее, история закончилась благополучно – для доверчивых мальчишек, но не для нас с Церуном. Каким образом Юрка узнал, что это мы вывели его на чистую воду, представить себе не могу – хотя, скорее всего, кто-то из наших подопечных мальцов проболтался по старой дружбе. Но, так или иначе, униженный и оскорбленный чемпион решил сквитаться с нами.

Арминэ Гургеновна очень кстати заболела, и Церун переселился к ней раньше положенного времени. Стоял промозглый, ветреный, бесснежный декабрь, и каждый день мы возвращались из школы в кромешной тьме.

Как-то раз к нам на перемене подошел Васька Чуйков и сказал:

– Давайте-ка с вами вместе домой ходить: вы, я и Вовка – ведь на одной улице живем.

Эфенди посмотрел на него внимательно и ответил:

– Ты уж говори, как есть. Что мы, барышни пугливые, что ли?

– Ну, если честно... Заречные о тебе спрашивали. У меня один пацан знакомый с ними водится, он и предупредил. Вызнали оба твоих адреса, расписание уроков – когда домой ходишь, с кем дружишь... Серьезная подготовка. Насолил ты им, что ли?

– Насолил не им, но получается, что их приятелю. А я думал, он для красного словца про заречных сболтнул.

– Шпана там драчливая, и много их, – прибавил Васька. – А самое мерзкое – пьют и анашу курят. Не в себе бывают...

– А взрослые с ними есть?

– Этого не знаю, но вполне возможно. В общем, чур не уходить без нас! Веселее будет.

Как же нам повезло с одноклассниками! Очевидно, Васька пустил словечко по классу, и провожать нас собрались не двое, а сразу шестеро – к телохранителям присоединились Отар, Толик, Славка и Аркаша, жившие не на нашей улице, но неподалеку.

Первый вечер прошел спокойно. Но на второй мы столкнулись с четырьмя рослыми парнями, стоявшими под деревом напротив калитки Арминэ Гургеновны. Мы остановились и молча посмотрели на них, а они точно так же смотрели на нас.

– Это наша улица! – заносчиво сказал Васька.

– А у нас все равны, забыл? – ответил один из пришлых. – А еще в школе учишься.

– Уходите! – одновременно сказали Отар и я.

– Да нужны вы нам! – отозвался другой. – Детки из садика, за ручку ходят – как бы кто не обидел...

И они, повернувшись к нам спиной, ушли. Мы долго стояли и смотрели им вслед, а потом Вовка Мирошниченко сказал:

– Завтра всей шайкой придут...

Он оказался прав. Нас перехватили по дороге, на широком перекрестке, внезапно выскочив со всех сторон и отрезав пути отступления. Их было много, очень много. Вперед вышел коренастый мужик с бритой головой на боксерской шее и сказал:

– Деткам спать по домам! Нам нужен только вон тот, носатый. Считаю до трех! Кто не убежит – пеняй на себя. Раз... два...

Внезапно в угловом дворе хлопнула калитка, и мужской голос окликнул:

– Эй, пацаны! Вы что там делаете?

Из соседнего двора появились двое парней, из дома напротив – мужчина и женщина, а вскоре калитки вокруг захлопали не переставая, выпуская на улицу жителей квартала.

– Сюда, сюда! – закричали мы. – Это банда заречных, на нас напали!

Кое-кто из шпаны успел удрать, но остальных местные проучили как следует, приговаривая: «Появишься на нашей улице еще раз – шкуру спустим!»

Нашим телохранителям невдомек было, почему после несостоявшейся стычки Эфенди еле дотащился до своего дома. Никто не заподозрил его в трусости, конечно. Решили, наверное, что нервы сдали...

«Посуди сам, – рассказывал мне Церун спустя несколько дней, – мне ничего не стоило заставить этот сброд ползать на коленях и молить о прощении. Но что бы подумали ребята? Ведь эта помощь, защита – они предложили мне ее от всей души! Самый драгоценный подарок, что я получал в жизни. А тут вдруг выяснилось бы, что я и сам прекрасно мог бы управиться с бандой! Я не мог так обидеть друзей. Пришлось призвать на помощь окрестных жителей...»

Никто из «заречных» больше не трогал Эфенди. Подозреваю: кое-кто пытался – однако сам не понял, что с ним произошло. Но друг мне об этом не рассказывал.

Х

Так уж получилось: я обязан Эфенди почти всем, что имею.

Дружба с ним, так неожиданно возникшая летом 1957 года, быстро заполнила в моей душе место, предназначенное для брата – для старшего брата, ибо я с радостью признавал превосходство друга надо мной. Помню,

как до встречи с Церуном я горевал, что у меня нет брата, и по глупости причинял немало боли родителям, упрекая их, что родили меня одного.

Но с тех пор, как у меня появился друг, я не вспомнил о своих сожалениях ни разу. Как бывает в семьях, где дети дружат между собой, Церун стал мне ближе всех на свете, гораздо ближе родителей.

Столь безоглядная привязанность зачастую приводит к беде: добровольное подчинение чьей-то воле оканчивается потерей воли собственной. И каким же чутьем и тактом надо было обладать, чтобы постоянно, изо дня в день, поддерживать и направлять мою – слабую, глупую, готовую плыть по течению, а то и потонуть безо всякого сопротивления, – бесхребетную сущность! Лишь один Церун был способен на это.

Семь лет детства и юности, проведенных вместе, мой друг мягко, терпеливо воспитывал во мне мужской характер. Только ему я обязан тем, что пережил три кошмарных года в армии – в Богом проклятом таджикском ауле на границе с Афганистаном, в батальоне, где лютовала «дедовщина», поощряемая начальством. Я выжил там, откуда ежегодно пять-шесть новобранцев отправлялись домой в багажном вагоне. «Несчастный случай на стрельбище», гласило врачебное заключение. Гробы открывать запрещалось...

В армию я попал по глупости, не послушав Эфенди. Вообразив, что «пятерки» по физике и математике – это путевка в жизнь, я отправился в

Москву, поступать в Бауманское училище. Конкурс был неописуемо велик, даже среди золотых медалистов многих «отсеяли». Получив «четверку» по первому экзамену, дальше можно было не пытаться. Я получил «тройку» – и вернулся домой, как побитая собака.

Глядя в вагонное окно, я всю дорогу представлял себе, как встретит меня Эфенди. Наверное, посмотрит укоризненно и скажет: «Ну, что я тебе говорил?» А говорил он (между прочим, с несвойственной ему настойчивостью), что не надо метить слишком высоко. Такие заведения, как Бауманка, только для исключительных талантов, говорил он. Почему бы не подать документы в Кубанский политехнический? (Где я в конце концов и оказался, хотя и после армии). Но тогда я уже закусил удила...

Возвращаясь домой, я прекрасно знал, что Церун никогда не скажет мне ничего обидного – напротив, встретит весело, постарается отвлечь от неприятностей. Но мысль о том, что друг оказался прав, настраивала меня против него.

Напрасно меня терзала обида – дома я Эфенди не застал. Неделей раньше он уехал туда, откуда приехал я – в Москву. Уехал вслед за своей любовью, оставив меня с моей.

Любовью, как и всем на свете, я тоже обязан ему.

Помните, я говорил, что в тот день, когда Церун Шах-Задэ появился у нас в третьем «Б», над его смешной фамилией и внешностью смеялись все?

Это неточность: один человек не смеялся. Каринэ Оганесян смотрела на него огромными черными глазами и чуть не плакала. И вовсе не потому, что он был наполовину армянин, а оттого, что почувствовала родную душу.

Каринэ, как и Церун, родилась полукровкой, но, в отличие от него, говорила без акцента. Мать ее, кубанская казачка Полина, долгое время не решалась выйти замуж за нерусского парня, но в конце концов любовь Арама покорила сердце красавицы, а его щедрость умилила ее родителей.

Женившись на Полине, отец Каринэ рассчитывал сделаться главой семьи, но быстро понял, что так ему счастья не обрести – уж слишком властный характер был у молодой жены. Немного поспроотивлявшись для сохранения достоинства, он подчинился судьбе и стал «пресмирненным мужем». Впрочем, все, кто знал семейство Оганесян, считали их союз чуть ли не идеальным: тирания Полины походила на заботу хорошего командира о своем подразделении.

Подразделение быстро множилось: вслед за Каринэ один за другим появились на свет четверо мальчиков. Денег на такую ораву отчаянно не хватало, но Полина умудрялась накормить (как и моя мама, в основном со своего огорода) и одеть всех. Великая мастерица шить и вязать, она из старого тряпья выкраивала такие рубашки и платья, что соседи и знакомые диву давались!

Каринэ была любимицей в семье. Братья быстро переросли ее и стали водить всюду и оберегать, будто не они, а их сестренка была младшей.

Невысокого роста, тоненькая, грациозная, хрупкая, с роскошными черными волосами и глазами пугливой лани, эта девочка вызывала у нас, мальчишек-одноклассников, одно и то же чувство: ее хотелось защищать. Так легко было представить, как ты заслоняешь это милое создание грудью и сражаешься с врагом, а она за твоей могучей спиной падает в обморок от страха!

Каждый из нас, одноклассников, тщательно скрывал это чувство – чтоб другие не засмеяли. Наше обожание выражалось иначе: Каринэ никто никогда не дразнил и вообще не задевал. Она была тихоней, училась посредственно, сидела за первой партой у окна рядом с Аркашей Либманом, и принадлежала всему классу так же, как своим братьям: ее лелеяли, будто нежный цветок.

Каринэ была избалована нашим вниманием, но совсем не так, как Пери. Леночке мы поклонялись, словно прекрасной даме, а в Каринэ каждый видел младшую сестру. Мысль о том, что в нее можно влюбиться, не приходила нам в голову очень долго.

Церун, знакомый со многими армянскими детьми, до появления в нашем классе не знал Каринэ: Оганесяны жили в дальней станице и к местной общине не принадлежали. Только женившись на Полине, Арам переехал в город.

Робость не позволила Каринэ подойти к новенькому в тот злополучный первый день. Но через неделю она улыбнулась ему и сказала: «Барев». Для бедного, затравленного Церуна ее «Привет» был, как глоток воды в пустыне.

Впоследствии они много раз говорили между собой по-армянски и, судя по улыбкам и жестам, никогда не спорили.

Их дружба, легкая и ненавязчивая, носила добрососедский характер. Но как же при этом они были близки друг другу!

Церун пользовался непререкаемым авторитетом у Каринэ. Что бы он ни сказал – пусть хоть сотня умудренных годами и сединами ученых стали бы опровергать его слова, она лишь посмотрела бы на них с презрением: жалкие, они не знают, где искать истину!

Чувство Церуна к Каринэ определить сложно. Я думаю, что он ее нежно любил – но не любовью мальчика к девочке. Он любил ее, как любят все, что вызывает улыбку и согревает душу: солнце, радугу, весенний лес, птичий щебет, теплый ветерок, тихий закат у реки, запах жасмина...

Если бы не Пери! Какая бы из них получилась пара!

Но проклятие настигло моего друга слишком рано и внезапно. Только однажды, спустя годы, он позволил себе высказать даже не жалобу, а просто горькую мысль об этом. Помнится, я спросил его, почему он продолжает любить Леночку, столько раз убедившись в ее непорядочности.

– Я, будто медведь, попавший в капкан, таскаю его за собой много лет, – сказал Эфенди. – Теперь, даже если капкан снять, лапа все равно будет болеть, и всю жизнь я буду хромать. Мне ли ее забыть!

Вот так. А женись он на Каринэ – он бегал бы, прыгал, танцевал. Да что там – летать научился бы!

Есть такое понятие о красоте человеческой: она бывает Божественной и дьявольской. Первая возвышает, вторая – губит.

Думаю, что, когда Церун родился на свет, за его душу началась страшная битва между светлыми и темными силами. Уж слишком лакомый был кусочек, с его-то способностями! И, когда светлые силы взяли верх и одержали столь сокрушительную победу, что и надежды на реванш не оставили врагу – вот тогда-то на его пути и поставили капкан по имени Лена. Чтобы погубить. И он попался...

Я не знаю, как и когда вручил мне Церун это сокровище, дорогую мою Каринэ. Даже если он и внушал нам обоим мысли о влюбленности – чего, я думаю, он все-таки не делал, – то мы не чувствовали никакого принуждения.

Разве что ласковый, едва ощутимый толчок в спину: мол, чего же ты ждешь?

Но так или иначе мы знали, что это он соединил нас.

Постепенно, изо дня в день, год за годом, мои глаза все чаще

задерживались на хрупкой фигурке с длинной черной косой, за первой партой у окна. Ощувив мой взгляд, Каринэ оборачивалась, слегка улыбалась, но тут же, покраснев, отворачивалась.

Мучительная для большинства подростков, наша влюбленность не приносила ничего, кроме радости. Нам было так легко вместе! И неважно, что я ходил с Церуном провожать Леночку – Каринэ не ревновала. Она знала: я принадлежу ей всей душой.

Она не отговаривала меня ехать в Москву и не укоряла, когда я вернулся с позором. Тихо плакала, провожая в армию, и ждала меня три года, посылая письма через день. Я получал их раз в месяц – пачками, и Боже мой, насколько они помогли мне выжить в том аду, где я оказался!

Мы поженились через неделю после моего возвращения из армии, и с тех пор не расставались.

У нее был ангельский характер. За всю нашу долгую семейную жизнь Каринэ упрекнула меня лишь однажды – когда мы потеряли Эфенди. Упрекнула, вместо того, чтобы ударить, обозвать подлецом, хлопнуть дверью и уйти... Но она знала, что никто не накажет меня хуже, чем я же сам.

И пожалела подлеца.

В отличие от всех одноклассников, выбиравших для себя ВУЗы, Эфенди просто подождал, куда поедет Леночка, и отправился вслед за нею.

Собственная красота так вскружила голову Пери, что она захотела всенародной славы. На актерское отделение разрешалось подавать документы сразу в несколько театральных училищ, но Леночка, уверенная в своей исключительности, направилась напрямик во ВГИК.

Родители отпустили дочь спокойно – в Москве жила ее бабушка. О том, что с ней поехал телохранитель, они, разумеется, не догадывались.

Об отношениях Пери и Эфенди я знаю достаточно. Кое-что рассказал мне Церун, а еще больше, чем он – сама Леночка в ту проклятую ночь, когда мы с ней сидели в машине на летном поле, ожидая приказа убираться подбру-поздорову. Несколько часов оцепенелого молчания оказались невыносимы для женских нервов, и Пери начала говорить. Она не обращалась ко мне, просто рассуждала вслух, рассказывала все подряд, не стесняясь выглядеть жестокой, злой, лживой, корыстной. Исповедь, подумаете вы? Нет: оголтелое бесстыдство. В своих поступках она не видела ничего зазорного...

Красоты оказалось недовольно: экзаменаторы заставили Леночку читать стихи, что она делала плохо, и разыгрывать сценки, чего она вовсе делать не умела. Ошеломленная, Пери выслушала отказ, вышла в коридор и прислонилась к стенке. Вот тут-то и приблизился к ней человек, чье лицо было ей знакомо по кинофильмам. Средних лет, ухоженный, смазливый – герой-любовник второго плана.

Актер снисходительно посочувствовал ей и взялся «уладить дело»:

организовать повторное прослушивание. Только, сказал он, придется порепетировать у него дома. Леночка с готовностью согласилась.

Почти неделю Эфенди не мог поговорить с нею. Репетиции происходили днем, а вечером она приезжала к бабушке на такси, притворялась, будто не замечает ожидавшего ее у подъезда Церуна, впархивала в дверь – и исчезала.

Но через несколько дней разразилась гроза: герой-любовник исчез. Пышногрудая брюнетка, открывшая дверь пришедшей с утра Леночке, сказала, что она – хозяйка квартиры, а «мужчина с усиками» снимал у нее эту квартиру ровно на неделю, и где он теперь – она не знает и знать не хочет. По красным пятнам на ее щеках, по дрожащему от ярости голосу можно было предположить, что дама сама рассчитывала на репетиции, но, увы, – напрасно.

В тот же день появились списки поступивших во ВГИК, и фамилии «Перина» там не было. Никто в приемной комиссии и слыхом не слыхал о повторном прослушивании – «Да помилуйте, не бывает у нас такого!»

Рыдая, Леночка выбежала на улицу – и столкнулась с Эфенди. Не нужно было даже его способностей, чтобы догадаться, что произошло.

Я беру на себя вольность воспроизвести разговор, которого не слышал – впрочем, думаю, что неточностей тут мало.

– Почему ты не предупредил меня, чтобы я не связывалась с этим подонком? – завизжала Пери.

– Меня там не было, – сдержанно ответил Церун. – Да если бы и был – ты что, послушалась бы меня?

Леночка внезапно перестала плакать. Глаза ее зажглись жадной мести.

– Ты должен его наказать! – прошипела она. – Как директора! Хочу, чтобы он ползал передо мной на коленях! Чтобы ноги мне целовал, клялся в любви! О, с какой радостью я на него плюну!

– Я не стану его наказывать, – ответил Эфенди. – Не могу я его возненавидеть. Ты знала, что он тебя обманет – но тебе польстило внимание кинозвезды.

От негодования Пери остолбенела на несколько секунд, но быстро пришла в себя и закричала:

– Не можешь возненавидеть? Так знай же, что он меня изнасиловал!

– Если он тебя так обидел, почему ты ходила к нему снова и снова? – горько усмехнувшись, ответил Церун. – Это сейчас ты возмущена, потому что не получила обещанного в награду. Но я думаю, ты возмущена не потому, что он не сдержал слова, а потому, что посмел бросить тебя. Ты-то была уверена, что свела его с ума, не так ли?

Леночка не выносила правды о себе. Всю силу обиды, негодования, ярости вложила она в свою руку – и дала пощечину дерзкому телохранителю...

XI

Я забыл упомянуть, что по окончании школы Эфенди получил золотую медаль. Даже козни Веры Петровны не оказали никакого действия. Никто лучше Шах-Задэ не отвечал на экзаменах, его победы на Олимпиадах по физике и математике трудно было сосчитать, а сочинения несколько лет подряд выигрывали на всех конкурсах – от школьных до областных (для республиканских у автора не хватало пафосного патриотизма).

Покуда Леночка «репетировала», Эфенди подал документы в Физико-Технический институт и, сдав один экзамен, поступил, однако Пери говорить об этом не стал, не зная, останется она в Москве или вернется на Кубань. Если бы она вернулась, он бросил бы институт и поехал за нею.

Но Леночка не вернулась. Рассудив, что в Москве больше возможностей, а к тому же не желая объяснять знакомым и одноклассникам причину провала, Пери осталась в столице. Поступила на подготовительные курсы в ГИТИС и устроилась на полставки секретаршей в издательство.

Их отношения с Эфенди многие назвали бы странными. Свое слово, данное в третьем классе, Церун сдержал: он никогда не добивался ее взаимности. Следуя за ней повсюду, он вовсе не ухаживал за Пери. Не писал ей стихов, не дарил цветы, не вздыхал и не жаловался. Ни разу не пригласил ее в кино, в парк или на выставку. Если эти двое и назначали друг другу встречи, то лишь для того, чтобы поговорить.

В свою очередь, Леночка была привязана к Церуну гораздо больше, чем думала сама. Стоило Эфенди не появиться или не позвонить два-три дня – и она начинала нервничать, злиться, обещать себе, что прогонит невежу. Но тот приходил – и она успокаивалась. Разговаривала с ним сухо, пренебрежительно – и все же не надменно.

Сейчас, с высоты своего возраста и жизненного опыта, я думаю, что, имея Леночка хоть каплю живой крови – она бы Церуна полюбила. Хотя справедливости ради надо сказать: любовь такой женщины, как Пери – истинное проклятье, и, полюби она его, мой друг стал бы гораздо несчастнее, чем был на самом деле. Думаю, в свое время Леночка обдумывала возможность выйти за него замуж (конечно же, не прежде, чем Эфенди начнет хорошо зарабатывать), но отказалась от этой затеи: поняла, что рабом не сделает Церуна даже она.

Эфенди почти никогда не говорил Леночке о своей любви. Он вообще вел себя, как ее старший брат – оберегал, охранял, выручал из беды, отчитывал за глупость, за эгоизм.

– Как ты можешь говорить, что любишь меня, если я такая плохая? – возмущалась Леночка.

– Я не могу судить тебя, – отвечал Эфенди. – Не имею права. Но говорю тебе все это, чтобы ты сама попыталась исправиться.

Увы! «Исправиться» в Леночкины планы не входило. Напротив: она с каждым днем становилась хуже прежнего.

Выросши в достатке, провинциальная красотка и не подозревала, что ее родители – просто нищие по сравнению со столичной зажиточной публикой. Зависть проснулась, выросла, как на дрожжах, и превратилась в алчность. А при своем самомнении Леночка хорошо знала, что делать.

Сначала она «подцепила» в издательстве известного поэта – настолько известного, что он остерегался появляться с любовницей в людных местах. С ним Пери встречалась, как и с актером, на съемной квартире, дважды в неделю. Однако на сей раз Леночка своего не упустила – пожилой недотепа совсем потерял голову и осыпал ее деньгами и подарками. Столько шуб и драгоценностей, как за один год сожительства с Пери, поэт не покупал никогда в своей жизни – при том, что женат был трижды и имел двух дочерей.

Леночке, однако, тайного обожания было мало: ей не доставало явного поклонения. Поэтому в дни, свободные от свиданий с поэтом, она спала с режиссером-преподавателем актерского мастерства на курсах, а кроме того, с самым многообещающим его студентом: красивым отпрыском богатой семьи, сыном таинственного «папы со связями», о котором Леонид – так звали студента – подозрительно мало рассказывал.

От кого она сделала аборт, Леночка и сама не знала. Но пошла на этот шаг, не задумываясь: в том, чего она хотела, дети могли только помешать. Со временем выяснилось, что детей у нее больше не будет.

Через год, стараниями режиссера, Пери легко поступила в ГИТИС и вышла замуж за Леонида. Впрочем, и театр, и мужа она вскоре бросила: театр – как только получила свою любимую роль «светской дамы» не на подмостках, а в жизни, а мужа – из-за его ничтожности по сравнению с отцом-дипломатом. Глазом не моргнув, Пери развела родителей бывшего мужа и вышла замуж за его отца.

Одно время, пока еще не выветрилось у нее понятие о совести, Леночка избегала встреч с Церуном. Но потом стесняться перестала. Зачем же терять единственного человека, который готов умереть за нее?

В то время у всех на слуху было имя Вольфа Мессинга. Вполне понятен интерес, который испытывал к нему Эфенди.

Еще будучи школьниками, мы не раз обсуждали, в какой степени способности Церуна соотносятся с тем, что показывал на сеансах известный гипнотизер и телепат.

Оказавшись в Москве, Эфенди долго не решался познакомиться с Вольфом Мессингом. Но однажды собрался с духом и купил билет на его выступление.

Впрочем, в зрительный зал Церун не попал. А о том, что произошло в вестибюле, я знаю с его собственных слов. Как вы понимаете, причин не

верить другу у меня нет.

Весь тот день Эфенди провел, подавляя вполне понятный трепет. Войдя в здание филармонии в урочный час, он разделся, сдал пальто гардеробщице и подошел к зеркалу, чтобы причесаться.

Внезапно его будто огнем обожгло. Церун вздрогнул и замер: позади стояла женщина и смотрела в упор – рикошетом сквозь зеркало. Ее глаза жгли, словно горящие угли.

Оправившись от неожиданности, Эфенди обернулся и встретился взглядом с незнакомкой. Женщина была немолода и одета в черное. Пронзительные, узко посаженные черные глаза глядели с ее лица, как дула двустволки.

– Идите за мной, – сказала женщина. («А может, и не сказала, – признался Церун, – но я все равно услышал и пошел»).

Углубившись в коридор, незнакомка свернула раз, другой – и, постучав в какую-то дверь, вошла и пропустила гостя вперед.

Им навстречу встал невысокий, щуплый человек в очках и в сером костюме. На мгновение у Церуна екнуло сердце. Но тут же, приглядевшись внимательнее, он понял, что перед ним – не тот, кого он ожидал увидеть.

– Вижу... Вы – один из нас, – негромко сказал незнакомец. – Не знаю, насколько вы сильны, ибо вы еще очень молоды, но чувствую, что дарование ваше незаурядно. Имени вашего не спрашиваю, и своего не назову – это не имеет значения. Скажу лишь одно: я – двойник Мессинга, его друг и защитник.

– Двойник? – удивился Эфенди. – Но ведь вы...

– Не похож на Вольфа, хотите сказать? Это заметно лишь немногим – таким, как вы. Остальные находят сходство разительным.

Женщина, стоявшая позади, обошла Церуна и повернулась к нему лицом. Глаза ее потеплели, стали не такими жгучими.

– Не взывайте, – сказала она, – но сейчас вы должны уйти. В силу возраста вы вряд ли сможете сдержаться, не вмешаться в ход сеанса, и ваше присутствие в зале подвергнет Вольфа опасности. Каждый сеанс для него – огромное напряжение, с которым он привык справляться и справляется, если нет чего-то, требующего усилий чрезвычайных. Поймите, мы любим нашего друга, а он уже немолод.

Застигнутый врасплох, Эфенди молчал. Впервые в жизни он говорил с теми, кто видел его насквозь. Сотни вопросов сложились в его голове, но Церун медлил, подыскивая самый важный – ибо до начала сеанса оставалось каких-то десять минут...

– Вы – первый из вашего поколения, кого мы встречаем, – сказал, опережая вопрос, мужчина. – Из нашего знаем почти всех в радиусе тысячи километров. Я имею в виду – таких, как мы сами, со средними способностями. Настоящих повелителей мало. Единицы во всем мире.

– Но вы встречали хотя бы одного? – затаив дыхание, спросил Эфенди. Незнакомцы переглянулись.

– Ни один из настоящих, – сказала женщина, – не позволит кому-либо запомнить свое лицо. От встреч с таковыми остается лишь черточка в памяти, отзвук услышанного голоса, смутная тревога. Сон, который, проснувшись, не можешь вспомнить...

– А разве Мессинг не из настоящих? – спросил Эфенди.

– Вольф очень силен, особенно в предсказаниях. И все же... армию он не остановит.

– Что, бывают такие, кто остановит?

– Да. Если захотят. Но, как правило, избранные не вмешиваются в политику и не вершат историю. Они познают иные, высшие тайны.

– Откуда вы знаете о них, если не встречали ни одного?

– Молва об избранных витает в воздухе, неосязаемо передается из поколения в поколение. И в каждом из нас живет подспудная уверенность, что повелители есть.

– Зачем же им – настоящим, я имею в виду – прятать свое лицо, если они ничего плохого не делают и не собираются делать?

– Вы наивны, юноша, – без тени улыбки сказал мужчина. – Наш мир очень страшен. Любого, кто, обладая властью, не хочет ею пользоваться, сомнет и погубит власть чужая. Помните, что люди сделали с самим Спасителем? Что же говорить о простых смертных?

Эфенди содрогнулся. Помолчал, затем тихо спросил:

– Что же им остается – жить изгоями? Ходить среди людей незаметно, как тень? Обречь себя на одиночество?

– Для тех, кто не желает повелевать, но хочет остаться на свободе, другого выбора нет, – сказал двойник Мессинга. – Близкий друг, семья, любимые у них могут быть, – если повезет, – но лишь ненадолго. Как правило, избранные одиноки.

– Почему же?

– Оттого, что душа и мозг каждого из настоящих повелителей неостановимо и мощно развиваются всю жизнь. Чем выше восходят повелители, тем глубже разверзается пропасть между ними и обычными людьми. Очень скоро становится не о чем говорить с близкими. К тому же, с возрастом растет чувство обреченности. Никто из смертных не ведает такой скорби, как избранные...

Незнакомец замолчал, не договорив, и внимательно посмотрел на Эфенди. Женщина сделала то же самое, и подошла ближе.

– Если вам суждено, как вы подозреваете, стать одним из настоящих повелителей, – продолжил мужчина, – учитесь прятаться! Пока не поздно...

Но что я слышу? Вы считаете умение защищаться постыдным для себя?

– Не постыдным, нет! – горячо ответил Эфенди. – Просто нечестным. Как это объяснить? Мне приходилось пользоваться своей силой незаметно для окружающих. Те, кого я наказывал, не знали, откуда на них свалилась кара, и мне бывало стыдно оттого, что они не могли мне ответить. Поединок должен быть равным!

Оба незнакомца замерли, пораженные. В вестибюле раздался звонок, в дверь постучали.

– Бедный мальчик, – опомнившись, сказала женщина и вышла.

– Не стану переубеждать вас, – произнес мужчина. – Всё поймете сами, со временем. Прощайте! Не могу сказать: «Будьте счастливы» – это для вас невозможно. Поэтому говорю: будьте осторожны! Иначе пропадете ни за грош.

Телохранители Мессинга не сказали Эфенди почти ничего нового. К тому времени он и сам уже понял, что его удел – одиночество.

Узнать родителей ему не довелось, хотя во сне Церун видел иногда обоих и даже говорил с ними. Ни одна, ни другая бабушки так и не стали для него близкими. Долгие годы обеих связывала с внуком только привычка, и Церун относился к обеим с вежливым почтением, далеким от любви.

Кого из родственников он любил – так это тетю Лейлу. Но травма, нанесенная ребенку еще в раннем детстве тетиным отъездом, не прошла даром – их отношения были отравлены вежливой, неловкой осторожностью. Приехав учиться в Москву, Церун поначалу остановился у Лейлы (после развода с «важным» мужем тетушка жила одна), но вскоре стал тяготиться ее заботой и переехал в общежитие.

Блиzkих друзей, кроме меня, у Эфенди не было. Могла стать его подругой Каринэ, да Церун сам провел черту между нею и собой: считая себя проклятым, хотел оградить ее от несчастья.

Долгое время я действительно считал себя его лучшим другом, пока не случилось того, чего настоящие друзья не делают. Думаю, Церун всегда знал, что врожденная трусость рано или поздно понудит меня бросить его в беде... А если знал – то и со мной вдвоем оставался одинок.

В институте Эфенди также не нашел друзей. Еще в начале учебы, ошибочно приняв его независимость за высокомерие, в группе стали сторониться «кавказца». Следом выяснилось, что он не пьет, не курит, не танцует, не ходит в кино и не прогуливает занятий. Ярко выделяясь умом среди других студентов, посвящая все свободное время учебе, Церун сам обрек себя на уединение. Впрочем, и однокашники, и преподаватели его безмерно уважали – так же, как и в школе.

Про его любимую девушку что ни скажи – будет мало. В жизни своей не встречал я существа более эгоистичного и неблагодарного.

Меняя мужей чуть ли не каждые два года, Леночка, однако, не желала

терять Церуна. Каждый новый супруг, моргая от недоумения, узнавал перед свадьбой, что у избранницы есть друг и телохранитель.

– Его зовут Церун, – сообщала им невеста, – и его работа – выручать меня из беды. Вот его адрес и телефон, и прежде чем ты наденешь мне кольцо на палец, ты должен выучить их наизусть!

Церун действительно выручал ее не раз, да всё не так, как ей хотелось.

Еще не окончив институт, он начал работать – талантливого студента поспешили заполучить сразу несколько научно-исследовательских учреждений. Много ему поначалу не платили, но Эфенди жил настолько скромно, довольствуясь ничтожно малым, что свободные деньги у него оставались.

Будучи замужем за дипломатом, Леночка влезла в долги, заказывая себе наряды из Парижа. По той или иной причине, Пери не хотела, чтобы супруг узнал об этом – и прибежала к Церуну.

– Заставь курьера признаться, что украл мои деньги! – требовала она. – Или нет, еще лучше: заставь мужа заплатить долг – и тут же забыть обо всем!

Эфенди содрогнулся от омерзения. Выгреб все свои деньги и отдал ей, но этого не хватило, – пришлось попросить на работе кредит и отрабатывать полученное чуть ли не полгода.

Дальше – хуже. Бросив дипломата, Леночка вышла замуж за адвоката, который оказался картежником. Жизнь с ним напоминала то водевиль, то драму-фарс: неделю-другую муж приносил домой целые чемоданы банкнот, дарил жене индийский фарфор и бриллианты, осыпал ее цветами и возил на ЗИМе в ресторан. Потом внезапно, в одночасье, из дома исчезали все деньги, драгоценности, а случалось – даже одежда и посуда. Пьяный адвокат катался по полу, клочьями выдирая себе волосы и требовал, чтобы жена вышла на панель и заработала столько же, сколько он проиграл.

Леночка не собиралась приносить себя в жертву. Дождавшись очередного водевиля, она помогла мужу допиться до полного беспамятства, вызвала такси – и, в драматическом духе очистив дом, сбежала. У Пери имелась собственная квартира, отсуженная у дипломата – и неизвестная мужу-адвокату.

Взбешенный супруг, хорошо помнивший адрес телохранителя жены, явился к нему. Церун жил один, в ведомственной квартире с телефоном, и Леночка уже успела ему позвонить, наврава с три короба – о том, как муж-тиран ограбил ее, а теперь разыскивает, чтобы удавить.

Хорошо зная цену ее словам, Эфенди усадил адвоката в кресло, внимательно выслушал его и задумался.

– Скажите честно, что вам важнее: жена, работа или карты? – спросил Церун.

– Работа, – не задумываясь, ответил тот. – Жену теперь ненавижу! Воровка. А карты – пагуба! Проклятье всей жизни!

– Если я вас избавлю от этого пристрастия, вы простите жену?

– Да где уж вам! – горько усмехнулся адвокат. – Меня вся столичная профессура пользовала, и целители, и знахари, – а все одно. Самое большее полгода продержусь, потом тянет в игорный, на братву посмотреть – как там карта идет, какие ставки... Гляжу: что за дуралеи, кто ж так играет! Вот смотрите, как надо... И все. Провал в памяти.

– Ну, не выйдет – так не выйдет, – сказал Эфенди. – Что вы теряете?

Адвокат был первым, кому Церун приказал забыть о нем. Исцеление было слишком успешным, чтобы пациент не проболтался – хотя бы из сострадания к друзьям по несчастью.

Жену, как и договаривались, адвокат простил. Пери развелась с ним, оставив себе все украденное, и целых полгода жила одна.

Потом появился кинорежиссер, который жениться не спешил. Она спала с ним ровно два месяца – пока он морочил ей голову, что выбросит из снимающегося фильма «эту бездарь» Людмилу Гурченко и заменит ее гениальной Еленой Периной. Как только обман раскрылся, режиссер удрал, прихватив на память о великой актрисе ее золотые часики. Впрочем, Пери убедила себя в том, что сама выгнала его.

Став излишне самоуверенной, красotka решила, будто все мужчины одинаковы. Каждый раз, разговаривая с новым знакомым, Леночка снисходительно улыбалась, не особенно скрывая презрения ко всей породе. Она заметила, что именно такое обращение превращает мужчин в раболепных скотов.

Возмездие, настигшее ее, досталось Пери по заслугам. Но увы! Оно сыграло роковую роль в судьбе Эфенди.

Однажды в гостях Леночка бросила небрежный взгляд на видного темноволосого мужчину средних лет – смуглого, хорошо одетого и державшегося особняком. Поглядела, прищурилась, манерно закинула голову и отвернулась. Она успела заметить, как зажглись глаза незнакомца, и поняла, что еще один никуда от нее не денется.

Мужчина оказался решительным – тут же подошел к Леночке и завел разговор. Пожирая глазами прекрасную незнакомку, он представился Валерием Анатольевичем и принялся ухаживать за нею, но не униженно-предупредительно, как другие ее кавалеры, а напористо, по-хозяйски, будто Пери уже принадлежала ему.

Сначала подобное обращение понравилось Леночке. «Сразу видно, властный мужчина, с характером, – подумала она. – Такого даже интересно поставить на колени». Но уже к концу вечеринки стала опасаться, что на коленях придется стоять не брюнету, а ей самой.

Пери заметила, что гости вежливо, осторожно избегали общества

Валерия Анатольевича, а если не выходило, начинали лебезить и заискивать. Его явно боялись.

Улучив минутку, она потихоньку спросила хозяйку квартиры о своем новом знакомом.

– Резников? О, это великий человек, – шепотом ответила дама. – Он на самом деле всемогущ. Связи невероятные, деньги без счета. И заметьте: никогда не хвалится своим достатком, в отличие от других моих гостей. Просто герой романа!

– А где он работает? – задала наивный вопрос Леночка. И получила снисходительный ответ-намек:

– Да какая вам разница? Пользуйтесь случаем. В накладе не останетесь!

После вечеринки Валерий Анатольевич посадил новую пассию в серый «Москвич» и, не спрашивая адреса, отвез ее домой.

– Как вы узнали, где я живу? – испуганно спросила Леночка, выходя из машины.

– А я мысли читать умею, – ответил Резников, выходя следом за ней и запирая машину. – Ну, идемте.

– Куда, ко мне? Я вас не приглашала! – попыталась кокетничать Пери, хотя у самой мурашки по спине поползли.

– Я же сказал: мысли читать умею, – кавалер решительно взял ее за локоть и повел к подъезду.

– Откуда вы знаете – может, я замужем? – срывающимся голосом пискнула Леночка.

Резников не ответил, только хмыкнул и, прищурившись, посмотрел на нее. Впервые в жизни Пери оробела и покорно подчинилась чужой воле.

XII

Резникову Леночка ничего не сказала про Церуна: ее новый хозяин был явно не из тех, кому представляют «друзей детства».

Эфенди не видел ее около месяца, потом почувствовал что-то и забеспокоился. Он позвонил Леночке днем, когда она была одна.

– Церун, это ты? – обрадовалась она. – У меня все хорошо. Может, я скоро опять выйду замуж.

– Что с твоим голосом? – спросил Эфенди. – Я его не узнаю.

– Как что? Что ты выдумываешь? Не понимаю!

– Ты разговариваешь как-то неуверенно. Я бы даже сказал, что ты чего-то опасешься.

Леночка помолчала, потом ответила:

– Да нет, Церун, все в порядке. Просто мой новый жених немножко слишком темпераментный. Он меня очень любит... и иногда ревнует.

– Лена! Он обижает тебя? – в голосе Эфенди прозвучала угроза.

– Никто меня не обижает, – с внезапным раздражением ответила Пери.
– И вообще: не выдумывай!

Леночка поспешно бросила трубку. По тону ее голоса Церун понял больше, чем она сама. Теперь, как бы красotka ни уверяла себя, что ее «очень любят», ей пришлось кое в чем себе признаться.

Пери привыкла подчинять и командовать. Повиноваться она раньше не умела – никогда в жизни не приходилось. Единственным мужчиной, не глядевшим на нее с вожделением, был Эфенди – тот самый, в чьей любви она столько раз убеждалась.

И вдруг появился некто, считавший ее своею собственностью и именно так с нею общавшийся. Никаких нежностей между ними не было. Представить себе, как Резников признается женщине в любви? Скорее услышишь лекцию по истории искусств от тюремного охранника.

Заботой и вниманием Валерий Леночку не обидел. Впрочем, о заботе у него имелись свои представления. Как всякий повелитель, он заказывал и покупал для новой наложницы наряды и украшения – точно так же, как заказывал новые чехлы на сиденья в машине или менял раму для картины. Ни разу он даже не спросил, нравится ли ей новое платье, да и не глядел, к лицу ли ей обновка.

Они ходили вместе в рестораны, театры и концерты, причем Пери узнавала об этом за час-полтора до выхода.

– Одевайся, мы идем в Большой, – бросал ей Валерий походя, не ожидая ответа. Но если Леночка все же отвечала – например, спрашивала, что они будут смотреть – морщился, как от зубной боли, и сквозь зубы цедил:

– Какая тебе разница? Все оплачено, сиди и смотри.

Что будет, если она откажется идти, Пери проверить не решалась.

В квартире появилась домработница, неразговорчивая и остроглазая Таисия. Леночке теперь не позволялось убирать, стирать, готовить, даже мыть посуду. Продовольствие покупать не приходилось: все, от картошки до деликатесов, доставлялось на дом в картонных коробках, одним и тем же курьером, раз в три дня. Любые пожелания учитывались.

Вскоре Пери стала тяготиться безделием. Ароматические ванны, маникюр-педикюр, массажистка и косметолог на дому, портниха, телевизор и телефонные разговоры наскучили ей через два месяца. Читать Леночка не любила, да и не приходило ей это в голову, даже от избытка времени. Подруги, правда, имелись – такие же, как она сама, завистливые и эгоистичные – и, как назло, все с детьми. Изо дня в день слушать, как умны и красивы их отпрыски? Нет уж, спасибо.

Но больше всего досаждала красотке совершенная неопределенность ее положения. Леночка ровным счетом ничего не знала о человеке, который ее содержал. Придя в ее квартиру непрошеным гостем в тот, первый вечер, наутро Валерий проснулся хозяином. С тех пор он являлся каждый день –

в разное время, иногда дважды. Чаще оставался на ночь, но бывало, что забегал всего на час.

Дверь он открывал своим ключом, – которого от Леночки не получал. Держал в ее шкафу три костюма и дюжину рубашек с галстуками. Кожаный портфель, который он носил с собой, всегда был заперт на замок.

Новый хозяин всюду совал нос, наводил собственный порядок. Так, он потребовал установить на окнах жалюзи, а балкон застеклить и завесить изнутри плотными шторами. Изорвал в клочья и выкинул фотографии Леночкиных кумиров-артистов. А однажды вылил в унитаз флакон ее любимых рижских духов, приговаривая:

– Дешевка! Мерзость! Такими шлюхи душатся!

В тот же день курьер доставил три флакона французских духов, ни одни из которых Леночке не понравились. Впрочем, Резникову было наплевать на мнение любовницы – он и не спрашивал.

Бунт зрел в ней долго, почти полгода. Но все-таки созрел.

Случилось так, что Валерий куда-то исчез на три дня. Сначала Леночка недоумевала, потом – встревожилась. Весь третий день она простояла у окна, глотая слезы. Спать легла в гостиной, не раздеваясь.

Резников приехал ночью. Хлопнул дверью, бросил на стул пальто и пошел на кухню. Достал из холодильника бутылку немецкого пива, кусок окорока и сел за стол ужинать.

Леночка вскочила и, всхлипывая от счастья, кинулась ему на шею, но внезапно услышала:

– Только без трагедий, ладно? Дай поесть, я устал.

И вот тут-то ее прорвало. Давая выход накопившейся тревоге, забыв о страхе, который Валерий внушал ей, Пери стала кричать – о том, как ей одиноко, как она не знает, чего ждать каждый день, как скучно ей живется.

Резников внимательно слушал, прихлебывая пиво. Когда поток упреков иссяк, он спокойно спросил:

– Чего тебе не хватает?

– Я хочу замуж, – ответила Леночка. – Хочу иметь семью! Хочу быть за мужем, как за каменной стеной!

Валерий засмеялся – тихо, зловеще. Потом сказал:

– За каменной стеной, говоришь? Хорошо. Будешь ты у меня за каменной стеной. Круговой, с воротами, решеткой и подъемным мостом. За рвом с водой и минным полем. Только не говори потом, что ты не этого хотела.

Запоздало опомнившись, Леночка испугалась. Но тут же решила: мало ли что говорят мужчины в запальчивости? Даже такие «всесильные», как ее хозяин. Ночь проспит – забудет...

Но она ошиблась: он не забыл. Через два дня Валерий молча посадил ее в машину и повез в ЗАГС. Очередь и пикнуть не посмела. Без канители

и поздравлений, без речей и цветов им дали расписаться в журнале регистраций и поставили штамп в паспорта.

Все так же молча они сели в его машину и приехали в ее квартиру. Прислуги в тот день не было. Кусая губы от обиды, Леночка разогрела вчерашний борщ и котлеты. А после обеда Валерий ушел на работу.

И тогда она позвонила Эфенди. Захлебываясь слезами, рассказала ему приправленную жалостью к себе историю. Но, то ли оттого, что слезы мешали ей ясно мыслить, то ли не было у нее времени придумать что-то поинтереснее – история ее получилась непривычно правдивой.

– Говоришь, просила его взять тебя замуж? – спросил Эфенди.

– Да! Но не так... равнодушно. Будто в кино сходили! – всхлипывала Леночка. – Хоть бы цветы подарил!

– Скажи мне: он раньше был не таким?

– Таким, таким! Но все равно...

– Ты хочешь, чтобы он оставил тебя?

Леночка враз онемела. Вспомнила те три дня, что с ума сходила. Представила, что больше не увидит Валерия...

– Ну, вот видишь, – услышала она голос Эфенди. – Просто твой новый муж не похож на прежних. Может быть, он и не так уж плох...

Утешая Леночку, Церун утешал и себя, подозревая, что на сей раз она влипла в не очень приятную историю. Но тогда он еще не видал ее мужа.

Заблуждение длилось недолго: случилось так, что он узнал Валерия в тот же день.

Муж вернулся к вечеру. Расстегнул пиджак, снял галстук. Походил по комнате взад-вперед, держа руки в карманах.

– Кому ты звонила, когда я ушел? – не глядя на Леночку, спросил он.

– Подруге, – машинально ответила она.

– Как зовут подругу? – в голосе Валерия щелкнул предохранитель.

– Какая тебе разница? – пытаясь скрыть испуг, ответила Пери. – Разве тебя интересует моя жизнь?

– Теперь интересуется, – Резников остановился и посмотрел на нее черными от злобы глазами. – Я знал, что ты позвонишь ближайшему другу, чтобы пожаловаться. И не ошибся. Кто он?

Леночка сама выдала себя: она внезапно стала краснеть. Краснеть так, как никогда в жизни не приходилось – «заливаться краской», когда не только лицо, но и уши, и шея покрываются красными пятнами. У нее даже слезы выступили на глазах. Сознание того, что признаваться не в чем, усугубляло замешательство Пери и делало его еще хуже.

Валерий шагнул к ней, схватил за руку, вывернул и поставил жену на колени. Леночка тихо всхлипывала от страха.

– Молчишь? Я и так уже все знаю, – хлестал ее словами муж. – Церун Маликович Шах-Задэ – имечко как в сказках Шехерезады! Молодой

ученый с именем, перспективный. За то, что морочила мне голову, ты дорого заплатишь.

– Валерий, это не то, что ты думаешь! – закричала Пери. – Это просто друг! Он никогда меня не добивался! Он меня любит, как сестру!

– Ах, это братик? Утешитель, говоришь?

Внезапно он отпустил ее руку и сказал:

– Одевайся, и едем. Три минуты на сборы.

– Куда едем? – похолодев от ужаса, спросила Пери.

– К твоему братику. Хочу посмотреть на него. Это же каким надо быть уродом, чтобы не добиваться тебя?!

Эфенди в тот вечер был не один: проведать его пришла Лейла. Она и описала мне потом эту сцену.

Церун говорил по телефону, когда в дверь позвонили. Лейла, со времени своего замужества отвыкшая опасаться визитов, открыла дверь.

Рослый мужчина молча шагнул вперед, умело оттеснил женщину к стене и пошел дальше, в комнату. За собой он тащил рыдающую Лену Перину – Лейла узнала ее.

Эфенди, увидав их, извинился перед собеседником и положил трубку.

Встал и спокойно посмотрел на вошедших.

С минуту мужчины разглядывали друг друга. Думаю, что Валерий решил испытать на противнике особый «взгляд следователя», выдержать который могут лишь немногие.

Если бы не Леночка, он дождался бы сюрприза. Но Пери все испортила.

– Нет, Церун! – кидаясь к нему, завизжала она. – Не трогай его! Он не обижал меня, клянусь! Не надо!

Пери оставалась собой, даже не сознавая этого. Недолго думая, она выбрала из двоих того, кто ей был нужнее. И тут же предала другого.

Резников с трудом оторвал взгляд от Эфенди и обратил его к жене.

– Ну-ка, ну-ка, – сказал он. – Позволь ему тронуть меня! Я посмотрю, как далеко этот сморчок полетит.

– Нет, Валерий! – Леночка театрально бросилась к мужу и заслонила его от злодея-Эфенди. – Ты ничего не знаешь! Церун умеет управлять людьми. Он гипнотизер!

Все замерли. Резников отодвинул Пери и принялся с интересом разглядывать злодея.

– Это правда? – спросил он.

– Да, – просто ответил Церун.

– Что, фокусник вроде Мессинга?

– Да нет... где уж мне до Мессинга.

– Ну-ка, о чем я сейчас думаю?

– О том, что я слизняк, – с усмешкой сказал Эфенди.

Резников расхохотался и, подойдя ближе к Церуну, смерил его недобрым взглядом.

– Слушай, ты, гипнотизер, – сказал он, чеканя каждое слово. – Я, конечно, не Мессинг, но внушать тоже умею. Телефон моей жены ты сейчас же забудешь. И адрес ее тоже. А если она сама тебе позвонит, скажешь ей, что ошиблась номером. Объясняю один раз – здесь. Если не понял, объясню еще в другом месте.

– Умоляю тебя, Церун, послушайся его! – поддала театрального жару Леночка. – Не мешай нашему счастью!

– Ну, если для счастья тебе нужны страх и унижение, мешать не буду, – ответил Эфенди, по-прежнему глядя на Валерия. – Посмотрим, как долго ты сможешь обманывать себя.

– А это уже не твое дело, братик, – сказал Резников, схватил Леночку за руку и вышел, хлопнув дверью.

Пери загадала Эфенди загадку похлеще, чем Турандот: верить ли ее собственным словам?

С одной стороны, Церун видел, что она лицемерила, когда умоляла его не вмешиваться в ее семейную жизнь. С другой – понимал, что она могла так говорить из страха перед мужем.

И все-таки тешил себя надеждой, что Леночка не принадлежит к тем ничтожествам, кто любит только своих мучителей. Но чем дольше он вспоминал ее слова, жесты, выражение лица во время той короткой сцены, тем больше понимал, что правда здесь лежит на поверхности: Леночка на самом деле нашла того, кого искала. И на самом деле ее следовало оставить в покое.

Неискушенный во лжи, Эфенди не знал, что женщины так же часто обманывают себя, как и других. Ему не давал покоя неряшливый, растерзанный вид Пери, темные круги под синими глазами и непривычный, неуверенный, с истеричными нотками, голос. Конечно, семейные ссоры никому не добавляют здоровья и красоты, но Леночкин вид наводил на мысль, что она уже была несчастна задолго до упомянутой ссоры. То, что она выболтала в телефонном разговоре, подтверждало догадку.

Так почему же «оставить в покое», если счастья нет? Эфенди думал, думал и решил спросить Лейлу.

– Насколько я понимаю, Лена из тех, кто любит только себя, – сказала ему тетя. – Ты сам рассказывал мне о ее прежних мужьях: те ее обожали и просили любви в ответ. Ничего, кроме раздражения, подобное отношение у нее не вызывало. А этот ее купил, точно красивую вещь, и не притворяется, будто любит. Купил, можно сказать, в рассрочку: продолжает осыпать деньгами и окружать роскошью. Честная торговая сделка: ты – мне, я – тебе. Лену это устраивает! Понимаешь, ей скоро тридцать, детей нет, и подозреваю, уже не будет. Она хочет достатка и праздности – с

этим мужем она их получит.

– Да, но ведь он – чудовище! Она не может этого не видеть!

– Думаю, Лена рассчитывает со временем его обуздать. А может, просто не хочет искушать судьбу: ее муж не из тех, кто прощает измены и даже простое непослушание. Так что... забудь о ней, мой мальчик.

Лейла помолчала, вздохнула и добавила:

– Хотела бы я, чтобы ее муж забыл о тебе.

Конечно, Резников ничего не забыл.

Через неделю он знал про Церуна все. Точнее, все, что могли рассказать о нем люди – и то, что писали врачи в медицинских документах.

Валерий готовил доклад о своем открытии, но все медлил. Не давало ему покоя одно обстоятельство, о котором рассказала жена.

– Церуну, чтобы применить свою силу, нужна ненависть, – выболтала Пери, стремясь подольститься к мужу. – Он много раз пробовал на обычных людях – ничего не получается.

Резников жаждал выдвижения по службе. Но, как любой карьерист, боялся попасть впросак, оказаться посмешищем. Что это за гипнотизер, думал он, который сначала должен возненавидеть человека, чтобы на него воздействовать? И тут же хлопнуться в обморок, точно кисейная барышня?

Разглядывая фотографию Церуна, Валерий с трудом мог себе представить, как эти мечтательные глаза пылают гневом, а тонкие, аристократические черты искажает ненависть. В свои двадцать девять лет Эфенди выглядел, как подросток: худой, слегка сутулый, с пышной шевелюрой и застенчивой улыбкой.

Последний аргумент против доклада Резникову опять же дала Леночка: он вспомнил ее слова о том, что Церун, обладая даром внушения, никогда не добивался любимой девушки. Для Валерия это было непостижимо.

«Слабак» – написал он на папке с фамилией Шах-Задэ. И, по многолетней привычке ничего не выбрасывать, запер папку в сейф.

Забыть «слабака», тем не менее, у Резникова не получилось: почему-то каждый раз, когда Валерий глядел на жену, он вспоминал ее друга детства – и тихо бесился от ревности.

Если бы Эфенди повезло, папка могла бы пролежать под спудом много лет и не понадобиться никому. Ибо там не было доклада двух людей, оказавшихся порядочными на свой страх и риск: женщины с пронзительными глазами и мужчины, сказавшего Церуну: «Будьте осторожны, иначе пропадете ни за грош».

Если бы повезло... Но судьба распорядилась иначе: ему не повезло.

XIII

После моей женитьбы мы редко виделись с Эфенди.

Вся его жизнь, не особенно привязанная к родному городку, переместилась в Москву. На Кубань он приезжал раз в году, в отпуск,

навестить нас с Каринэ и бабушек, пока те были живы.

Рафига Джаваншировна умерла, когда внуку было двадцать два, и ее не очень-то скорбивший вдовец поспешил жениться снова. Невдомек ему было, что Церун и не помышлял отнимать у него «жилплощадь».

Вторая бабушка, Арминэ Гургеновна, оставшись одна, вскоре переехала к родичам в станицу: она страдала болезнью костей и с трудом передвигалась. Дом продали, и на вырученные деньги она жила в старости. Церун не взял у нее ни копейки, напротив – присылал ей часть своего жалованья.

После армии я поступил в тот самый Кубанский политехнический, которым пренебрег, окончив школу. Но вскоре пришлось перейти на заочное отделение: Каринэ забеременела, и я пошел работать. Счастливые трудности молодой семьи закружили нас, и мы на время забыли Эфенди.

Впрочем, несмотря на разобщенность, Церун все равно оставался очень близок нам. Ни разу не почувствовали мы неловкости при встрече с ним. Правда, говорили больше о мелочах – об одноклассниках, о работе, о новостях научных, о прочитанных книгах...

Лишь два откровенных разговора могу я припомнить за те годы.

Однажды, когда Эфенди приехал к нам погостить, у Саши, нашего первенца, резались зубки, ребенок капризничал, и Каринэ попросила нас переночевать на раскладушках во дворе.

Стояла чудная летняя ночь, мы разложили в саду костер и проговорили до рассвета. Вот тогда-то Церун и рассказал мне о Леночке, о ее мужьях и о телохранителях Мессинга.

Последнее страшно заинтересовало меня. Снова и снова расспрашивал я его о том происшествии, а потом сказал:

– Тебе не кажется, что ты их встретил не зря, этих людей?

– Не зря, – согласился Эфенди. – Но, видишь ли, даже самому мудрому совету надо следовать, лишь хорошо подумав. Они на самом деле желают мне добра. Но я еще не готов сделаться тенью. А людей люблю: иной раз чувствую близость к человеку, которого впервые вижу... Хотя бывает, что человек заговаривает со мной – и чувство исчезает.

Мы помолчали. Я подумал, что все добро, которое он делает для других, так или иначе совершается тайно: почти никто этого не замечает. Церун внезапно посмотрел на меня и, усмехнувшись, покачал головой.

– Скажи мне, – застигнутый врасплох, спросил я, – ты можешь читать мысли?

– Конечно, могу, – просто ответил Церун. – Особенно если мысль выражена ясно и заслоняет в сознании человека все остальное. Кстати, это неверно говорится: читать мысли. Отдельных слов я не слышу. Слышу импульс, пучок радиоволн, если так тебе понятней. Я уже сам облакаю их в слова – как радист расшифровывает радиogramму.

– А какая разница – слышишь слова или нет? Ведь ты же все равно знаешь, о чем человек думает!

– А вот какая: я могу понять, что думает человек на языке, которого я не знаю. Или если мысли его – не слова, а образ. А бывает, что человек и сам не сознает, что он думает о чем-то – но я и это улавливаю.

Я молчал, потрясенный. Хотя Эфенди, бывало, отвечал мне на произнесенные вопросы, я неизменно думал: это лишь оттого, что мы очень близки и понимаем друг друга без слов.

– Касаемо того, о чем ты подумал сейчас, – продолжал Церун, – ты и прав, и неправ. Покуда я знаю, что если захочу – спрячусь, но не делаю этого, – я не одинок: у меня есть друзья, коллеги, знакомые, да и просто люди вокруг, что совсем немало. Есть и с кем поговорить, и у кого попросить помощи... А если начну прятаться – переступлю черту, и обратной дороги не будет: я стану тенью, чужим среди людей.

– Помилуй: почему ты не можешь прятаться только от врагов, а с друзьями общаться по-прежнему?

Эфенди вздохнул и покачал головой.

– Как? Если ты станешь... тенью, неужели и мы тебя не увидим? – в недоумении воскликнул я.

– Увидеть – увидите, – ответил Церун, глядя в огонь. – Но тут же забудете. Я не знаю точно, но чувствую: тень – это раз и навсегда.

– И что тогда?

– Тогда – сто лет одиночества... Если не повезет мне встретить другую тень, такую же, как я, – сказал Эфенди и посмотрел во тьму.

– Думаешь, они есть?

– Есть, – ответил он, помедлив секунду-другую. – Должны быть.

Внезапно меня осенило.

– Может, избранные, а не известные нам люди, и вершат историю на самом деле? – спросил я. – Ты же посмотри, сколько непостижимого в прошлом! Необъяснимые поступки государей и других знаменитых людей, роковые совпадения, стечения обстоятельств – да мало ли что еще!

– Ты не знаешь главного, – сказал Эфенди. – Тенью становятся от избытка ума, а в историю вмешиваются от его недостатка. Прежде, чем сделать решающий шаг, избранные осознают: жизнь в людском обществе – тщета, суета сует, и только.

– Тогда тебе это не грозит – сам же сказал, что любишь людей!

– Как сказать... – Церун вздохнул и, прежде чем ответить, помолчал.

– Я начинаю уставать от этой любви. Но, так или иначе, на подобный шаг решусь, только если меня к нему вынудят.

Второй откровенный разговор состоялся несколько лет спустя, за год до катастрофы.

Наши дети подросли: Саше исполнилось шесть, Маринке – четыре.

Бабушки, моя мама и Полина, поочередно брали внуков к себе – на выходные, а зачастую и в будни, – давая нам с Каринэ возможность заняться чем-то помимо заботы о малышах.

Однажды, получив телеграмму о приезде Церуна, мы приготовили ему сюрприз. Был конец лета, и погода стояла превосходная: в меру жаркая, безветренная. Я взял у знакомых напрокат моторную лодку, палатку и спальные мешки, а Каринэ приготовила уйму вкусной снеди. Прямо с поезда, забросив привезенные вещи в дом, мы усадили Эфенди в лодку и поплыли вниз по течению речки, повторяя памятный маршрут нашего детского плота.

С первого взгляда – еще там, на вокзале, – мне показалось: друг постарел. Не внешне постарел, а как будто устал от жизни. Потом я присмотрелся и понял, в чем дело: с молодого лица смотрели суровые, мудрые глаза человека, успевшего повидать виды.

Общий любимец, пес Мухтар, увязался за нами. Забавно было наблюдать его отношения с Церуном: озорник, непоседа, громогласный пустолой Мухтар при появлении Эфенди превращался в робкую овечку. Вывалив язык, с глупейшей улыбкой на морде, собака садилась перед человеком и не спускала с него глаз. Она созерцала божество.

– Церун, прекрати гипнотизировать Мухтара! – сердилась Каринэ.

– Не мешай, – шутливо отвечал Церун. – Мы разговариваем.

И правда, в этом трудно было усомниться: оба вращали глазами, двигали бровями, что-то бормотали, причмокивали и повизгивали. Внезапно человек начинал хохотать, а пес подпрыгивал, норовя лизнуть его в нос. Во все время путешествия они были неразлучны.

А я не мог отделаться от мысли, что Эфенди приехал побывать в гостях у счастья. Грустные глаза, устало поникшая голова, отрешенный взгляд в сторону (особенно любил он глядеть на проплывающий мимо берег) лучше всяких слов говорили о том, насколько Церун подавлен.

И в то же время, стоило ему заметить, как мы с Каринэ держимся за руки – и лицо его расцветало счастливой улыбкой. Ни капли зависти, жалости к себе, обиды на судьбу не было в этом взгляде. Вот вам сравнение: видали вы, как дети из бедных, Богом забытых деревень машут руками пассажирам проходящих мимо поездов? А ведь знают, что им самим этой радости – путешествия в поезде – никогда не испытать...

Случилось так, что мы остановились на ночлег в том самом месте, где много лет назад беспечные воспитательши чуть не утопили нескольких детей. Каринэ о тогдашнем происшествии не знала, и я обо всем рассказал ей, покуда мы раскладывали костер и готовили еду.

Конечно, моя жена была одной из посвященных в тайну. В отличие от Леночки, она всегда умоляла Эфенди забыть о его способностях и не подвергать себя опасности.

– Скажи, пожалуйста, – спросила она Церуна: – за все эти годы, что ты живешь в Москве, ты еще кого-нибудь гипнотизировал?

Мы сидели в сумерках у костра. Ни ветерка не было вокруг, камыш не шелестел, стояла зловещая тишина. Вода в реке казалась черной.

– Каринэ, а ты бы не вмешалась, если бы у тебя на глазах подростки били собаку? – сказал Эфенди и грустно улыбнулся. – Или карманник вытаскивал кошелек у старика? Или если пьяная мать велела двум малышам идти домой самим, через три автомобильных дороги – скажешь, ты бы спокойно смотрела? Глупые мальчишки нашли гранату на стройке, в котловане, и решили бросить ее в костер – что было бы тогда?.. Конечно, приходилось вмешиваться. Даже целую толпу однажды остановил – две уличных шайки шли драться «стенка на стенку»... Я много чего прочел за эти годы. Собственно, все, что написано о телепатии и гипнозе – иными словами, о воздействии на мозг человека на расстоянии. Только вот беда – ученые утверждают, что такого не бывает.

– Но хотя бы способности Вольфа Мессинга они признают?

– Нет! А сейчас, после его смерти – особенно. Вменяют ему простейший гипноз, а что касается чтения мыслей – утверждают, что Мессинг просто анализировал выражение лица испытуемого и догадывался, о чем тот думает, – усмехнулся Церун. – Да и сам Мессинг им иногда поддакивал – так безопаснее... Наукой заправляют скептики: ведь скептицизм – оплот невежества. «Не понимаю – значит, не существует». Помните?

– «Бегущая по волнам», – одновременно ответили мы с Каринэ и засмеялись. – Грин точно знал, что существует и что – нет.

– Я далек от того, чтобы предоставлять ученым материал для исследования, – сказал Эфенди. – Не хочу развлекать дураков. Я сам себя исследую. Тренируюсь, учусь защищаться.

– Ну и как? Получается? – спросила Каринэ.

– Когда как, – ответил Эфенди задумчиво. – Чем слабее духом и примитивнее разумом противник, тем легче мне защищаться. Во всяком случае, Петруха-Бугай и почтовый налетчик послали меня в нокаут по молодости лет и неопытности. Сейчас я с ними справился бы, не моргнув глазом. Директор был посильней – во всяком случае, сознание собственной важности его укрепляло. К тому же образование, какое-никакое, позволяет усложниться мышлению... Но даже при всем этом, столкнувшись с ним, нынче я обошелся бы простым недомоганием.

– Хочешь сказать, ты научился избегать обмороков?

– Не вполне... С каждым разом силы мои растут, и выносливость укрепляется. Но все равно, бывают люди, с которыми справиться нелегко, и безусловно, я упаду после схватки с ними. Но я научился оттягивать обморок усилием воли. Как бы это объяснить? М-м-м... выключая

сознание, мой мозг защищается от опасности – срабатывает предохранитель. Так вот, я научился снимать предохранитель.

– Боже тебя упаси! – вскричала Каринэ. – Подставишь себя под удар безо всякой защиты!

Эфенди улыбнулся и сказал:

– Ну, будем надеяться, до этого не дойдет. Пока что я встречал не так уж много людей, с которыми трудно совладать – да и поводов сталкиваться с ними у меня пока не находилось. Вот и не бойтесь, ничто мне не грозит.

Он отнюдь не убедил меня. Не обладая способностями Церуна, я с детства умел различать оттенки его настроения. И теперь подумал, что на самом деле опасность никогда не была так близко от него.

Эфенди быстро взглянул на меня, вздохнул и кивнул головой: признал мою правоту. А потом вдруг грустно улыбнулся, словно извиняясь за неудавшуюся ложь.

Костер прогорел, последние угольки вспыхивали зловещими багровыми сполохами и гасли один за другим. Мухтар подошел и, положив голову на колени Церуну, посмотрел на него снизу вверх тоскливым взглядом, полным любви. Умный пес понимал, что друг его скоро покинет.

Знали это и мы. Но не думали, что так скоро.

В следующем, 1976 году нам с Каринэ и Церуну исполнилось по тридцать лет, а Саше предстояло пойти в первый класс. Мы решили отметить все эти знаменательные события летней поездкой в Москву.

Каринэ никогда не бывала в столице, а Саша, который накануне прочел книгу о Москве, бредил Царь-пушкой и эскалаторами в метро. Маринку, несмотря на громкий рев, мы оставили на попечение бабушек по причине чисто бытовой: остановиться нам предстояло у Лейлы, в маленькой двухкомнатной квартире, где просто не было места для двух сорванцов.

Эфенди встретил нас на вокзале. Выглядел он так, будто не спал неделю, но тем не менее, был, как всегда, чисто выбрит и опрятно одет. Он отвез нас к Лейле на такси и поспешно ушел, сославшись на занятость.

Через неделю блуждания по Москве, когда восторги немного поутихли, мы стали проводить больше времени с нашей гостеприимной хозяйкой.

Однажды я отправился с Лейлой на рынок и помог донести сумки до дому. Вот там-то, в отсутствие Каринэ и Саши, она и пожаловалась на Эфенди:

– Не знаю, что происходит с Церуном, – сказала Лейла озабоченно. – Целых пять лет писал диссертацию. Собирал материал по крупнякам, одних экспериментов сделал больше трехсот... А теперь, когда все, можно сказать, готово, вдруг забросил ее! Заявил, что защищаться не будет – и отстаньте от него с этой ерундой! Поговори с ним, Миша: может, хоть тебя послушается?

Дело было в субботу. Накануне вечером Эфенди позвонил и пообещал

отвести нас на ВДНХ, поэтому разговор я решил отложить «на попозже».

Обещания Церун сдерживал всегда. Целый день мы провели вместе, бродя по павильонам, катаясь на каруселях и обедаясь сладостями. Может, оттого, что с нами был ребенок, восторженно радовавшийся каждой мелочи, нами овладело беззаботное веселье. Мы буквально забыли обо всем на свете, хохотали, пели и плескались в фонтанах.

Это был последний счастливый день в моей жизни. Все хорошее, что досталось мне после, было уже иным: бледным, тусклым, потерявшим вкус и запах, звучащим фальшиво и мозолящим глаза. Больная совесть – пресловутая ложка дегтя...

Вечером Лейла накормила нас роскошными пельменями. Усталый ребенок уснул сразу же, Каринэ осталась мыть посуду, а я пошел проводить Эфенди до ближайшей станции метро.

Мы неторопливо шли вдоль бульвара. Синеватые сумерки, легкий ветерок, почти безлюдная аллея. Так хорошо, покойно было на душе! И так не хотелось говорить о чем-то тревожном. Но ведь я дал слово Лейле...

– О чем это ты не решаешься завести со мной разговор? – спросил мой друг, взглянув искоса.

– О диссертации, – ответил я без обиняков.

– С Лейлой мне трудно, – сказал Эфенди. – Она так боится услышать что-нибудь плохое, и в то же время хочет, чтобы я ничего не скрывал от нее. Тут уж только два выхода: либо лгать, либо молчать. Второй мне нравится больше.

– А мне объяснить можешь?

Мы как раз вышли из-под деревьев к фонтану – туда, где угасающий вечерний свет еще позволял видеть лицо собеседника. Церун остановился и повернулся ко мне. Что-то в его лице заставило меня содрогнуться. Сердце гулко забилося, и в памяти всплыл вечер, проведенный в маленькой комнатке Арминэ Гургеновны – когда Эфенди впервые признался, что умеет повелевать людьми. Как стало страшно в тот вечер нам обоим!

– Ты не зря вспомнил тот детский разговор, – сказал мой друг. – Тогда я впервые ощутил, какая это тяжесть... Диссертации не будет. Ничего уже не будет. Завтра мой враг придет за мной, и я не знаю, что будет потом. Я не чувствую ничего дальше завтрашней ночи. Мозг дает лишь один ответ: в то, что произойдет завтра, вовлечено слишком много людей. Каждый из них имеет волю, характер, нервы. Никто из них не знает, что будет делать в минуту опасности. Предугадать, чем обернутся их поступки, невозможно.

Я молчал, словно громом пораженный. Мир, улыбавшийся мне еще две минуты назад, рухнул и лежал в обломках. «Не может быть, не может быть... Ничего не случится», – повторял я свое детское заклинание, которым спасался от ужаса, когда болела мама и позже, когда умирал отец.

– Мне не хочется подвергать вас опасности, – продолжал Эфенди. – Мы простимся сейчас. Завтра я должен быть дома: за мной придут туда. Не говори ничего женщинам... пока не придется сказать.

– Враг... Какой враг? Откуда? – спросил я, начиная приходить в себя.

И тогда Церун рассказал мне о Резникове. Рассказал все, начиная с того вечера, когда Леночка выдала его тайну, чтобы купить себе прощение – и кончив тем, что уже больше года ощущает на себе пристальное, очень недоброе внимание.

– Думаю, Резников собирается меня использовать в своей грязной игре, – сказал Эфенди напоследок. – Не знаю, как именно... Скорее всего, он и сам еще не знает. Но мысль обо мне не дает ему покоя.

– Почему, ну почему ты раскрылся перед ним? – воскликнул я в отчаянии. – Ведь ты же мог...

– Не мог. Не простил бы себе трусости.

Эфенди поднял голову и посмотрел в ночное небо. Порыв теплого ветра дохнул ему в лицо, взъерошил волосы, и Церун улыбнулся. «Будто мать поцеловала ребенка», подумал я невольно. И тут же сжалось сердце от жуткого предчувствия: должно быть, я вижу его в последний раз.

Предчувствие поторопилось на один день...

– Не бойся за меня, – сказал Церун, повернувшись ко мне снова. – Мой враг силен. Он сам не лишен способностей, и не поддается гипнозу. Но я сильнее. Поймешь ли? Он слаб тем, что знает свою силу, а я силен тем, что сознаю свою ничтожность. Каждый, кто хочет власти, слаб: страх не удержать ее делает человека уязвимым. Я же не хочу и не боюсь – ничего... кроме того, в чем не признаюсь даже себе. Но уж он-то об этом не догадывается. Иди, иначе Каринэ будет волноваться.

В каждой женщине живет экстрасенс. По части интуиции мы, сыны Адама, отстаем от них на пол-экватора.

Когда, проводив Эфенди, я вернулся, Лейла и Каринэ сидели на кухне и разговаривали. Я собрал в кулак все свое самообладание, стараясь казаться невозмутимым, но тщетно: дамы насторожились немедля.

– Что случилось? – спросила Каринэ.

– Что-то с Церуном? – ахнула Лейла.

И что же было делать? С изрядной долей облегчения я изложил им все. Утешало одно: Эфенди не взял с меня обещания молчать, а слова «пока не придется сказать» оставляли право толковать их по-своему.

Лейла и Каринэ долго пытались осознать услышанное. Наконец, Каринэ спросила:

– Ошибки быть не может? Неужели опасность так велика?

– Вы можете припомнить хоть один раз, когда Церун лгал – или просто преувеличивал что-либо? – ответила Лейла с горечью. – Я видела этого Резникова, больше года назад. Страшный человек! Из него так и прет

злая сила. Но именно поэтому прятаться от него Церун не станет.

– Мы не должны оставлять его одного, – решительно сказала Каринэ.
– Во всяком случае, мы с тобой, Миша. Ой... я забыла про Сашу.

– Вот именно, – ответил я. – Думаю, Церун так или иначе отправит вас назад, а слезы и уговоры «береги себя» ему сейчас не нужны. Я поеду к нему утром и постараюсь помочь, чем сумею. А вы оставайтесь дома и ждите.

– Хорошо, – сказала Лейла и смахнула невольную слезу. – Будем ждать. Что же нам еще остается?

– Не покидай его ни на минуту! – наказала мне жена. – Буквально не отходи от него. Ты же знаешь, как он уязвим.

XIV

Эфенди не удивился: знал, что я приеду. Думаю, даже обрадовался, хотя и не показал этого. Целый день мы просидели в его квартире, почти не разговаривая, от нечего делать перебирая и перекладывая книги с полки на полку.

Я поймал себя на мысли, что обращаюсь с другом, как с калекой или тяжелобольным – не знаю, о чем говорить. Как утешать человека, если надежды почти не осталось?

– Чушь, – отозвался Церун. – Надежда остается всегда. И чудеса бывают. Я же сказал: не бойся за меня! И вообще, придержи и язык и мысли. Не мешай мне слушать.

Приближался вечер. Я пошел на кухню, согрел чайник и сделал бутерброды. В полном молчании мы выпили чаю и поели.

Около десяти часов, когда я уже стал надеяться, что мой друг ошибся и ничего плохого не произойдет, Эфенди вдруг заговорил.

– Все. Это случилось, – сказал он бесстрастно. – За мной скоро приедут.

Мы сидели в креслах возле открытого балкона, в поздних июльских сумерках, и опять, как в детстве, из темных углов на нас ощерился страх. Я хотел было включить свет, но Церун остановил меня.

– Послушай, Миша, – сказал он. – Мне нужна твоя помощь. Этот человек, Резников, впутал в дело свою жену. Сейчас опасности для нее я не чувствую, но опасность может возникнуть позже. Я хочу, чтобы ты взял Лену под свою защиту.

Должно быть, он очень точно уловил все мысли, промелькнувшие в моей голове, ибо горячо воскликнул:

– Что тебе важнее: выговор от жены и тети Лейлы – или мое спокойствие? От моего спокойствия, между прочим, зависит исход всей этой заварухи. Поэтому будь добр, окажи мне помощь, которая действительно нужна, вместо того, чтобы таскаться за мной бесполезным телохранителем.

Внезапное красноречие обуяло Эфенди. Он принялся рассказывать мне о блестящих военных операциях, загубленных неразумными проявлениями ложного благородства. И не успокоился, пока окончательно не подавил мою волю, и не заставил дать слово, что я стану верным рабом его ненаглядной Леночке.

Приехали за ним вскоре после полуночи. Еще прежде, чем остановился лифт, Эфенди открыл дверь и стал на пороге.

Молодой сержант внутренних войск вышел из лифта и с удивлением взглянул на хозяина квартиры, в дверь которой он еще не успел позвонить.

– Давайте записку, – сказал Эфенди.

Сержант молча повиновался, даже не спросив имени получателя. Эфенди взял листок и прошел в комнату. Включил свет, кивком пригласил меня взглянуть.

Две строчки, набросанные шариковой ручкой. Кривой, торопливый, неряшливый почерк. Грязное пятно, неровно оторванный край бумаги.

«Приезжайте с посыльным. Лена в руках террористов. Резников».

– Ложь, – прошептал Эфенди. – Она вне опасности.

– Церун! – взмолился я. – Если ложь, значит, это ловушка! Не ездите!

– Нет, – отозвался он. – Ехать надо. Там происходит что-то непонятное. Я чувствую обман в его почерке, и одновременно растерянность – даже страх. Почему? Надо разобраться.

Он позвал молодого сержанта в комнату и спросил:

– Скажите: почему листок оборван посередине? Там было еще что-нибудь?

– Да, первый вариант записки. Человек, ее написавший, уже собирался отдать мне листок, и вдруг передумал, написал новую, а старую оторвал и положил в карман.

– А что он при этом сказал?

Сержант подумал несколько секунд – и вспомнил:

– Он сказал... то-есть пробормотал: «Нет, так не приедет».

– А почему за мной послали именно вас? Я имею в виду: почему военного? Резников у вас не служит.

– Я – сержант Кротких, личный шофер генерала Луговского, который руководит операцией. Мой командир меня и послал, а этот Резников был там с самого начала, еще до нашего приезда.

– Где самолет? – спросил Эфенди как бы невзначай.

– В аэропорту Лыково, – ответил посыльный спокойно. Я понял, что он, честный человек, не читал записки и потому не удивился – думал: там все изложено.

– Оцеплен?

– Да.

– Сколько человек на борту?

- Шестьдесят четыре.
- С экипажем и террористами?
- Да.
- Что за самолет?
- Ил-18, рейс Лыково – Симферополь.
- Сколько террористов?
- Неизвестно. Мы видели троих.

Отвечая, сержант украдкой взглянул на часы.

- Почему мы должны быть там до часу ночи? – насторожился Эфенди.

Личный шофер генерала Луговского слегка оторопел, но ответил:

- В час они обещали убить еще одного заложника... третьего по счету.

Водителем сержант Кротких оказался хоть куда. Гонки, которые он устроил на хлипком «газике» с брезентовым верхом, сделали бы честь победителю Ралли Монте-Карло. К нашему счастью, на ночных улицах и окружной дороге было не много машин, а ГАИ не останавливала военных.

Уже подъезжая к аэропорту, Эфенди спросил водителя:

- Чего требуют террористы?

– Хотят улететь в Стокгольм, но прежде требуют выдать им важного государственного преступника.

- Кого именно?

Сержант укоризненно покосился на Эфенди: мол, имей совесть, штатский, я ж тебе и так уже сколько выболтал! Но мысленно он, конечно, фамилию произнес, и Эфенди кивнул головой: понятно.

Я сидел в машине позади водителя, будто зритель в кинотеатре: участником происходящего назвать меня было бы затруднительно. И, словно в кино, я знал, что скоро станет страшно по-настоящему.

Самолеты в СССР угоняли не часто. В основном угонялись небольшие, маломощные, такие, как Ан-2 или Як-12 – одним или двумя отчаявшимися «отказниками», которые и не помышляли убивать кого-либо, или даже запугивать. Но в начале семидесятых прогремели несколько дерзких захватов крупных самолетов, с экипажами и множеством пассажиров. Там все было, как в фильмах-боевиках: перестрелки, раненые, убитые, паника в салоне, геройский отпор террористам, нечаянные взрывы и даже одно полное крушение – Ту-104 под Читой. Далеко не все сообщалось в прессе, но молва доносила новости ничуть не хуже, правда, в изрядно искаженном виде.

В моем тогдашнем представлении, с угонщиками самолета должны были иметь дело милиция и охрана. В международных аэропортах – еще пограничники и таможня. Но то, что мы увидели в аэропорту, подавляло размахом: не менее, чем батальон внутренних войск, с бронетехникой и зенитными орудиями, был развернут на летном поле и всех подъездах к нему.

Даже на повороте с шоссе, за несколько километров до цели, нас остановил патруль. Далее шли улочки с частными домами. Нигде ни души. Насколько мы поняли, жителей предупредили: никто и носа из дому не высовывай!

Одну за другой мы миновали три линии оцепления. «Газик» проехал через небольшую толпу пассажиров отмененных рейсов и обычных зевак. Сердитый человек в штатском, потрясая кулаками, кричал на лейтенанта и двух солдат в полевой форме:

– Чего вы с ними церемонитесь? Отставить вежливость! Только приказы! Вам ясно сказано: всех посторонних – за оцепление! Увижу газетчика или фотографа – стреляю без предупреждения! Так и говорите!

Перед самым аэропортом нам велели выйти из машины, проверили паспорта и обыскали.

– Почему двое штатских? – строго осведомился начальник патруля. – Пропуск на одного – только на вас, товарищ Шах-Задэ.

– Это мой медиум, Михаил, – сказал Эфенди. – Я без него не работаю. Офицер внимательно посмотрел на меня и выписал пропуск.

– Проезжайте, – сказал он шоферу. – Фары погасите, здание вокзала огибайте слева, да осторожней там – сами понимаете.

– Где генерал? – спросил наш сержант.

– Возле командно-штабного фургона, со штатскими ругается, – ответил патрульный. – Подкрепление к чернявому прибыло...

«Газик» повернул в указанную сторону, обогнул новехонькое здание аэровокзала – и мы увидели самолет.

До него было метров сто, не больше. Огни на взлетной полосе были погашены, но огромные прожекторы с вышек и военных машин ярко освещали серебристое веретено Ил-18, повернутое к аэровокзалу левым боком, немного наискось – так, что хвост располагался ближе к зрителям, чем нос. Широкая темная полоса и надпись «Аэрофлот» на борту, лопасти пропеллеров на крыльях, темные иллюминаторы, металлическая лестнка у закрытой двери. И два бездыханных тела на асфальте, неподалеку от лесенки.

Лишь увидев расстрелянных заложников, я понял весь ужас происходившего. Захват самолета считался в СССР одним из тяжелейших преступлений. Зачинщиков и организаторов неминуемо приговаривали к смертной казни, хотя бывали и случаи помилования. Но террористы, пролившие человеческую кровь, на помилование рассчитывать уже не могли. Отступить им было некуда, оставалось лишь одно: расстреливать заложников одного за другим, пока выставленные требования не будут удовлетворены.

А если не будут? Судя по тому, что «штатские» ругаются с командующим операцией, с выполнением требований возникла загвоздка.

«Газик» подъехал к небольшой группе людей, стоявшей особняком от расставленных цепочкой автоматчиков и других военных, сновавших туда-сюда и перебрасывавшихся короткими, быстрыми фразами.

И командиры, и подчиненные были надежно защищены от глаз террористов: перед зданием аэровокзала, где не светилося ни одно окно, выстроилась колонна огромных военных машин с прожекторами на крышах. Потоки слепящего света заливали самолет, и оттуда невозможно было увидеть людей в неосвещенном пространстве между машинами.

С обоих концов к осветительной колонне примыкала редкая шеренга БТРов, замыкавшая кольцо оцепления. Командир благоразумно приказал бойцам не высовываться наружу – до поры до времени.

Между колонной и зданием аэровокзала стояло еще несколько машин: военные фургоны, пожарная бригада, «Скорая помощь», милиция. Туда же подъехал и наш «газик».

Выходя из машины, Эфенди обеспокоенно осматривался по сторонам. Казалось, самолет интересует его меньше всего.

– Никак не пойму, в чем тут дело, – пробормотал он. – Тут, похоже, лжет не один Резников...

Увидев своего шофера, генерал оставил собеседников и пошел нам навстречу. Сержант Кротких доложил ему, что прибыл «экстрасенс». Генерал кивнул головой и обернулся к нам.

– Товарищ Шах-Задэ? Спасибо, что приехали, – сказал он, протягивая руку для пожатия. – Луговской, Геннадий Ильич. А вы, простите?

– Церун Маликович Шах-Задэ. А это мой друг и помощник Михаил, – ответил Эфенди.

– Хорошо. Давайте к делу, поскольку уже без четверти час, а мы не хотим новых жертв.

Генерал мне очень понравился. Он был довольно молод, не старше пятидесяти. Легкая седина оттеняла молодость его лица, пронизательные серые глаза смотрели сурово, и в то же время приветливо.

– В общих чертах происшествие таково, – заговорил он, быстро и внятно произнося каждое слово. – Террористы захватили пассажирский лайнер в девять сорок пять, как только отъехал трап и началась герметизация салона. Свои требования они передали по рации из самолета: беспрепятственный вылет в Швецию и выдача одного, очень важного, государственного преступника. Следом спустили аварийную лестницу и позволили стюардессе уйти. Она подтвердила, что террористы вооружены и их много, по меньшей мере пятеро.

– Вооружены чем? – спросил Эфенди.

– Автоматами, пистолетами и гранатами.

– Переговоры велись?

– Да. Товарищ Резников, тот, который и посоветовал пригласить вас,

подходил к самолету с белым флагом и предлагал им другие условия, но напрасно.

– Какие же условия им предлагались?

– Не знаю: у Резникова свое командование, – сказал генерал раздраженно и взглянул на часы. Мы с Эфенди поняли его недомолвку: там, где были замешаны государственные преступники, любой военный даже самого высокого звания, руководивший операцией, обязан был считаться с иными ведомствами.

– Это мелочи, давайте не терять времени, – продолжал он. – Сейчас откроется дверь, и террористы выведут еще одного заложника. Честно говоря, я не очень понял, зачем вы нужны Резникову, но от себя спрошу: можно ли вы воздействовать на преступников гипнозом, или как это у вас называется, и заставить их выйти из самолета?

– Попробую, – сказал Эфенди. – Скажите мне: откуда террористы получили оружие?

– Еще не выяснено. Очевидно, был плохо досмотрен багаж.

– Если верно то, что преступники захватили самолет сразу же, как отошел трап, у них просто не было времени взломать багажный отсек. На вашем месте я бы искал машину, подъезжавшую к трапу незадолго до разрешения на взлет.

Генерал подозвал сержанта и распорядился привести начальника охраны аэропорта.

– Скажите: пусть заодно захватит список пассажиров и экипажа, – добавил Эфенди.

Луговской слегка нахмурился: «экстрасенс» явно совался не в свое дело. Помощи в расследовании у него не просили. Но, подумав секунду-другую, генерал кивнул головой и отпустил шофера.

Договорить им не дали. Внезапно от группы наблюдателей отделились и подошли к нам двое штатских.

Я сразу узнал Резникова по описанию Лейлы: черные волосы, широкие плечи, испепеляющий взгляд. «Злая сила так и прет из него», вспомнилось мне. Второй был невзрачным, сухощавым мужчиной в возрасте «за шестьдесят», лысоватым и в очках. Но, судя по предупредительности, с которой обращался к нему Резников, представлял собой начальство. Впрочем, подумалось мне, не из самых что ни на есть высоких.

Эфенди не дал им времени заговорить.

– Зачем вы обманули меня? – спросил он Резникова.

– Обманул в чем? – презрительно хмыкнул тот.

– Лены нет в самолете. И не было. Она... – Эфенди быстро осмотрелся, – вон в той машине. Живая и невредимая.

Резников опешил. Как угли тлеющего костра, полыхнули глаза. Нет, он отнюдь не устыдился того, что его уличили во лжи – просто ему и впрямь

не понравилось, что «слизняк» так быстро понял: что, и где, и к чему.

– Я не собирался скрывать этого, Виктор Степанович, – ответил он, обращаясь к своему начальнику. – Моя жена, действительно, не в самолете. Просто нужна была уверенность, что Шах-Задэ приедет. Они с Леной давние приятели, одноклассники.

– Кто вообще придумал этот балаган? – недовольно спросил начальник. – Мессинг умер, так вы другого фокусника где-то откопали? Зачем он тут?

– Товарищ Резников хотел выдать меня за требуемого террористами преступника, – сказал Эфенди. – Знал от жены, что я умею внушать людям разные мысли. Потому и солгал, что Елена в руках террористов: думал, я с готовностью пойду прямо в самолет. А генералу расхвалил меня, как второго Мессинга – чтобы тот послал за мной своего шофера.

Виктор Степанович пристально посмотрел на «фокусника», затем перевел взгляд на Резникова. Тот внезапно покраснел, точно юная дева, и вполголоса произнес:

– Но помилуйте, что же делать? Ведь нельзя же выдать террористам сами знаете кого! Приходится искать пути...

Тут к нам подбежал один из наблюдателей.

– Товарищ генерал! – поспешно доложил он. – Дверь уже открывают!

– Идемте! – сказал Луговской и добавил, обращаясь к Эфенди: – Мы понимаем: обстановка нервная... Попробуйте сделать всё, что можете.

Промежуток между машинами был широк. Нам хватило места встать в одну шеренгу, и каждый видел происходящее, как на широкоформатном киноэкране.

Никогда в жизни не забыть мне того зрелища. Не могу сказать, что был напуган, – скорее, напрочь забыл о себе, растворился в событиях.

Дверь самолета внезапно, рывком, отворилась. Показался мужчина, одетый в черные брюки и «водолазку».

Мужчина замер на месте и вдруг покачнулся. Похоже было, у него подгибались ноги от страха. Затем, неуклюже присев, он ухватился за край двери и, спустив ногу, нащупал верхнюю перекладину лесенки. Следом другую, – и так он спускался шаг за шагом, очень медленно, пытаясь выгадать лишнюю минуту жизни.

– Генерал, да где же ваши снайперы? – возмущенно прошипел Виктор Степанович. – Дверь открыта, сейчас из нее начнут стрелять! И стрелок будет на виду хотя бы секунду-другую...

– Нельзя, – сурово ответил Луговской. – Отдельным пунктом террористы оговорили: за каждого убитого «своего» казнят пятерых заложников, включая женщин и детей.

Тем временем мужчина в «водолазке» достиг асфальта и остановился внизу, беспомощно опустив руки. Потом сделал шаг вперед... другой... и рухнул, сраженный автоматной очередью, рядом с двумя другими

убитыми.

Стрелявший появился на одно мгновение, и дверь тут же захлопнулась.

«Эх, не успел!» – с досадой подумал я и взглянул на Эфенди. Как же теперь будет ликовать Резников!

То, что я увидел, повергло меня в ужас: мой друг смеялся! Сначала потихоньку, хмыкая себе под нос, потом громче, – и, наконец, стал смеяться от души, будто над веселой шуткой.

Про только что убитого заложника сразу забыли. Все глаза оборотились к Эфенди. Оторопь, негодование, возмущение сквозили во взглядах.

– Кажется, наш факир спятил, – презрительно произнес Резников. – Зрелище не для нежных душ.

Эфенди не обратил на него внимания. Он вышел вперед и, оборотившись, стал перед всей группой.

– Геннадий Ильич, простите меня, – заговорил он, глядя на генерала, но обращаясь ко всем: – не смог сдержаться. Слишком уж велико облегчение.

Кромешное безмолвие было ему ответом. Все мы замерли, окаменели, не веря своим ушам. Да что ж он, и в самом деле помешался?

– Скажите мне: зачем заставляя осужденного долго карабкаться по лесенке, чтобы убить его внизу? Не проще ли застрелить в спину, прямо в дверях, и сбросить вниз?

– Это более или менее объяснимо, – сказал лейтенант Коваль, адъютант генерала. – Террористам надо запугать нас, устроить показательную казнь. Чем больше страданий для жертвы, тем скорее мы выполним их условия.

– Да, и при этом они несколько минут держат дверь открытой, рискуя дожидаться штурмового отряда из-под брюха самолета? Я уж не говорю о том, что заложнику ничего не стоило, спустившись, отпрыгнуть туда же, под брюхо – вместо того, чтобы картинно подставиться под пули...

– Тогда почему же? – спросили сразу несколько раздраженных голосов.

– Ответ прост и очевиден: падать с трехметровой высоты вредно для здоровья. Эти заложники – прекрасные актеры; их товарищи могут быть уверены, что никаких неприятностей, кроме долгого пребывания в одной и той же лежачей позе, с ними не приключится...

– Да что вы мелете? – внезапно обрушился на Эфенди генерал. – Что ж мы, здесь, по-вашему, в детский сад играем? В притворялочки?

– Вы-то, безусловно, не играете. Но вас водят за нос. В этом самолете вообще нет заложников, кроме двух пилотов, штурмана и бортинженера. Там все вместе, все заодно.

– Вы с ума сошли! На борту женщины и дети!

– Женщины и дети – члены их семейств. Самолет захвачен для побега за границу. Спектакль – остроумный, но совершенно вынужденный шаг.

Посудите сами: не могут же они пустить в расход драгоценный экипаж! А без расстрела заложников вы бы с ними так не считались, верно ведь?

Все молчали, потрясенные. Уж слишком ошеломительным было то, что мы услышали. Я смотрел на Эфенди, а он – на Луговского. Внезапно в моем мозгу четко прозвучали слова:

– Миша, ты уже знаешь, где Лена. Забери ее из машины; попроси нашего сержанта найти ей убежище в военном фургоне. И сам лучше оставайся с нею. Опасайся Резникова!

Я знал, что Эфенди умеет внушать мысли, но со мной он проделал подобное впервые. Не могу сказать, что услышал именно его голос – не помню даже, слышал ли отдельные слова? – но внушение было четким и ясным. Боюсь, на моем лице отразилось глупейшее недоумение, но никто не заметил этого: пауза окончилась, люди пришли в себя и стали яростно кричать, обвиняя моего друга в шарлатанстве. Никто ему не поверил.

Прежде чем отойти в сторону, я украдкой взглянул на Резникова. И содрогнулся: такую ненависть излучали его глаза, устремленные на Эфенди, что, казалось, можно было бы сжечь, испепелить человека на месте. Лицо Резникова искажала гримаса, кулаки сжимались и разжимались. А начальник, напротив, внимательно слушал «экстрасенса», скрестив руки и слегка подавшись вперед, и легкая полуулыбка играла на тонких начальнических губах. Иными словами: угроза явная и скрытая, – и ничего хорошего от этой милой парочки Эфенди ждать не приходилось.

Я потихоньку отошел в сторону, обогнул ближайшую машину и бегом бросился туда, где, по словам Церуна, скрывалась Леночка. Как всегда, он оказался прав: в сером «Москвиче» с зашторенными окнами сидела заплаканная, усталая Пери. Она обрадовалась мне, как родному.

Я торопливо, сбивчиво передал ей слова Эфенди.

– Очень даже верю, – сказала она в ответ. – Валерий сегодня прямо бешеный. Не удивлюсь, если явится сюда сорвать зло на мне. Идем!

Не без труда мы разыскали сержанта Кротких и объяснили ему, в чем дело. Потрясенный красотой незнакомки, шофер из кожи вон вылез, чтобы ей угодить: через пять минут он привел нас в хозяйственный фургон, где, помимо укрытия, дежурный ефрейтор Володя предложил нам обоим горячего чаю. Мы отказались: я торопился назад, к Эфенди, а Леночка слишком устала. В полном изнеможении она прилегла на скамью и закрыла глаза.

Убедившись, что Пери в безопасности, я пообещал ей скоро вернуться, а сам бросился назад – туда, где кипели страсти.

XV

Пока я бегал по поручению, собрание распалось на два небольших кружка. Оба стояли поодаль друг от друга; и там и тут люди разговаривали вполголоса.

Широкая спина Резникова виднелась в меньшей из групп. Я вздохнул с облегчением и направился к другой, где был Эфенди. Он едва взглянул на меня и кивнул головой.

Вполне предсказуемо, рядом с Церуном стояли генерал и его офицеры. Низенький толстяк в полувоенной форме – как я догадался, начальник охраны аэропорта Сорокин, – держа перед собой какую-то бумагу, докладывал:

– Перед самым вылетом к самолету подъезжали три автомобиля: техническая бригада проверила смазку шасси...

– Я думал, это делается до посадки пассажиров, – сухо отозвался генерал.

– В идеале – да, вы правы, но лучше поздно, чем никогда. С халатностью мы боремся. Вторая машина – хозяйственный УАЗик – подвез ящики с водой в бутылках и конфеты в пакетах.

– Что за конфеты?

– Леденцы, «Взлетные». Пакеты прозрачные, целлофановые.

– УАЗ ваш?

– Да, и работники наши, продовольствие с нашего же склада.

– Работники поднимались на борт?

– Да, но ненадолго.

Внезапно его перебил Эфенди:

– Вы боитесь, что мы узнаем о каких-то двух сумках. Лучше расскажите сразу.

Ужас, отразившийся на лице Сорокина, сделал бы честь любому «экстрасенсу». Но Эфенди только поморщился: драгоценные минуты утекали.

– Тут нет ничего преступного, – испуганно залопотал толстяк, – понимаете, мы иногда пользуемся... в разных городах разные дефициты... почему бы не заработать лишнюю копейку?

– Что было в сумках? – сурово спросил Луговской.

– Сыр, копченая колбаса, растворимый кофе в банках, – чуть не плача, признался Сорокин. – Еще импортный шампунь и дезодоранты.

– Кому вы сбывали это?

– Охрана любого аэропорта имеет связи в торговой сети. Все так делают, на всех линиях, поверьте!

Генерал взглянул на Эфенди, и тот кивнул головой: правда.

– Ладно, со спекуляцией милиция разберется, – сказал Луговской. – Что за третья машина?

– Да уж третья совсем ни при чем, – вытирая пот со лба, ответил Сорокин. – Товарищ Резников жену свою к самому самолету подвез на автомобиле. Опоздала она на посадку. Билет в порядке, паспорт тоже, все чин чинном. Надо же – знал бы, в какую передрагу женщина угодит, не

спешил бы! В последнюю минуту успели...

Гром среди ясного неба показался бы тише этих слов. Генерал нахмурился и спросил:

– Какая машина?

– Серый «Москвич», номер, если надо, уточню по журналу.

– Вы видели, как женщина вошла в самолет?

– Признаться, нет, – толстяк опасливо покосился на Эфенди. – Я остался на пункте пропуска. Но видел, как автомобиль тут же вернулся на стоянку.

– Дайте-ка список пассажиров, – потребовал Луговской. Пробежал глазами колонку фамилий и сказал: – Гражданки Резниковой в списке нет.

– Ну, ясное дело: она же опоздала, досмотра не проходила...

– В самолете ее тоже нет, – раздался голос Эфенди. – Все время осады она сидела в машине мужа, пока тот изображал беспокойство.

Сорокина чуть удар не хватил: он почуял статью «преступная халатность при исполнении служебных обязанностей», за три года до происшествия ужесточенную до предела.

– Товарищ генерал! – взвыл он. – Но как же я мог не подчиниться? Ведь удостоверение же...

– Вы обязаны были сопроводить Резникова и его жену на борт самолета и поинтересоваться содержимым их багажа, – строго сказал Луговской. – Неприятности я вам обещаю. Молите Бога, чтобы не было новых жертв. Сейчас можете идти.

– Постойте, – вмешался Эфенди. – Вы очень уверенно назвали фамилию Резникова. Он вам знаком?

– Не то чтобы близко знаком, а так: два... нет, три раза наведывался в аэропорт, интересовался. Да не один он приходил, с ним еще другой, тоже с удостоверением... как же фамилия? Чудная такая, не русская. На боксера похож, с бычьей шеей, бритый. Ну, я им рад был помочь... Сами понимаете, служебный долг.

– Чем интересовались?

– Безопасностью. Как организована охрана, порядок досмотра багажа, сигнализация, связь. Самолетами интересовались – какие самые большие. ВПП у нас коротковата, «Тушки» не принимаем.

– Зачем это им, объясняли?

– Нет. Да я и не спрашивал. Сами понимаете, таким людям мы помогать обязаны.

– Хорошо. Идите, – сказал генерал и повернулся к Эфенди: – Давайте найдем жену Резникова и расспросим ее.

– Только потеряем время, – ответил Церун. – Она ничего не знает, поверьте мне. Муж посадил ее в машину, подкатил к самолету, отнес на борт какие-то чемоданы, вернулся и отвел машину на стоянку. Там он оставил Елену на всю ночь, закрыв окна шторками и запретив ей выходить.

Вот и все.

– Но надо же выяснить этот вопрос!

– А вы спросите самого Резникова, – с усмешкой сказал Эфенди.

– Так он мне и признается! Вы ж его знаете.

– Признается! Он очень нервничает, чуёт свою вину. Может, не вслух признается – ну, так я вам помогу с переводом...

Луговской по привычке нахмурился, взглянул на Эфенди и вдруг рассмеялся:

– Ну, знаете! Вот такого переводчика у меня еще не бывало. С мыслей на слова, что ли?

– Вы сомневаетесь?

– Нет, – уже серьезно ответил генерал. – Я вам верю. Только не подведите!

Луговской отвлекся от общей беседы, чтобы принять доклады своих офицеров, а я рассказал Эфенди про Лену.

– Ну, позволь мне остаться с тобой! – взмолился я. – Там она в безопасности!

– Нет, нет и нет. Если ты думаешь, что ее трудно найти – ошибаешься. Не знаю, чего ждать от Резникова – сейчас он повинется только импульсам. Мысль сделать жену заложницей возникала у него в голове трижды за полчаса. А скоро ему терять и вовсе будет нечего! Он может просто пристрелить ее, чтобы хоть как-то отомстить мне. Поэтому, если Резников уйдет отсюда, беги к Лене и защищай, как сумеешь!

Не прошло и десяти минут, как обе группы объединились снова. Виктор Степанович довольно высокомерно обратился к Луговскому:

– Товарищ генерал, мы посовещались и пришли к выводу, что самолет придется выпустить. Скоро террористы расстреляют еще одного заложника, потом еще и еще. Чего мы ждем? Чтобы они принялись за женщин и детей?

– Как насчет вашего подопечного? Выдадите?

– Придется. Мы уже отправили запрос в Кремль, ждем ответа.

– Я по-прежнему настаиваю на штурме, – сказал Луговской. – Да, это риск, и будут новые жертвы, но все же не такой позор! Самолет большой, людей много, да еще и важный преступник – это ж на весь мир прогремит! Кстати, товарищ Резников, разрешите задать вам вопрос: зачем вы подъезжали к самолету, если ваша жена не собиралась никуда улетать?

На наших глазах Резников стал похож на кобру перед броском. Плечи его поднялись, туловище наклонилось вперед, все тело затрепетало от напряжения. Лицо залила малиновая краска, кулаки сжались.

– В последний момент жена отказалась лететь, – ответил он сквозь зубы. – Испугалась, попросилась назад.

– Как получилось, что билет у нее имеется, а фамилии нет в списке

пассажиров?

– Откуда я знаю? Бардак на этом аэродроме, вот что!

– Если жена отказалась лететь, зачем вы погрузили в самолет ее багаж?

Резников не ответил. Он шумно дышал, пожирая генерала глазами.

– Он боится, что его выдал некто Амбарцумов, – сказал Эфенди. – Вам знакома эта фамилия?

Виктор Степанович внезапно насторожился. Повернулся к Резникову и внимательно посмотрел ему в глаза.

– Я все объясню, Виктор Степанович, – наклонившись к «патрону», торопливо забормотал тот. – Давайте отойдем в сторонку...

Внезапно раздался голос Эфенди:

– Виктор Степанович! Вы говорите, что вам жалко заложников? Но ведь не далее как пять минут назад вы согласились с мыслью, что, если требуемый преступник будет выдан, останется только один выход: сбить самолет над Балтийским морем. Как насчет женщин и детей в таком случае?

Привычно прищуренные глаза за стеклами очков внезапно округлились. Виктор Степанович оторопело уставился на Эфенди, который не дал ему опомниться и добавил:

– Соблазнительная для некоторых высокопоставленных лиц, мысль эта просто спасительна для того, кто вам ее подал: ведь он замешан в угоне самолета. Как говорится, концы в воду...

– Ого! – только и сказал Виктор Степанович вслух. При этом он, видимо, много чего подумал. Он посмотрел на Эфенди, прищурив один глаз – как смотрят в прицел ружья.

Эфенди спокойно ответил:

– Не надо мне грозить. Я и сам понимаю, что далеко зашел, но остановиться уже не могу. Позвольте мне попытаться спасти женщин и детей в самолете, на самом деле спасти, а не на час-другой! Мне уже все ясно, а вот вы, простите, еще ничего не поняли.

Виктор Степанович шагнул вперед и, кажется, что-то произнес. Но я его слов не услышал. В моем мозгу взорвался крик:

– Миша! Беги! Иначе он убьет Лену!

Во мгновение ока Резников пропал, растаял в воздухе, словно его тут и не было. Лишь топот ног бегущего доносился из-за стоящей рядом машины.

Прежде чем кинуться вдогонку, я обернулся и взглянул на друга.

Эфенди стоял вполоборота ко мне. Яркий свет за спиной охватывал его фигуру, затеняя черты, но я хорошо различал глаза. В них металась тревога.

Я кивнул ему и бросился бежать.

Больше я его не видел. Никогда.

Я знал: первым делом Резников направится к своей машине. По счастью, фургон, где укрылась Пери, стоял в другой стороне, и уже через две-три минуты я был возле него.

– Девушка спит, – сказал ефрейтор, увидев меня. Лицо его светилось умилением: должно быть, пялился на нее все это время.

Я бесцеремонно растолкал спящую красавицу и сказал:

– Ленка, вставай! Резников ищет тебя. В ярости. Мы с Володей сейчас подумаем, как тебя получше спрятать.

Пери подхватила с места и, задыхаясь от страха, пролепетала:

– Мишенька, не выйдет прятаться. Надо бежать подальше.

– Почему не выйдет? Что за чушь?

– Он... Валерий... всегда знает, где я. Чувствует. Особенно когда злится – мгновенно находит.

«Он сам не без способностей», – вспомнились мне слова Эфенди. Внезапно стало очень страшно: если Резников найдет нас – убьет обоих.

– Вы не можете увезти ее отсюда на машине? – задал я самый бестактный вопрос, который можно задать военному.

Володя не ответил, только посмотрел на меня, как на глупого ребенка. Потом подумал и сказал:

– Сейчас бежать не получится: аэропорт оцеплен, вас не выпустят без специального разрешения. Но спрятаться получше можно. Идите в здание аэровокзала: всех пассажиров эвакуировали, работников отпустили. Там сейчас нет никого, только на крыше снайперы могут сидеть. Как-нибудь найдете укромное местечко.

– Если явится ее муж – вы нас не видели! – торопливо сказал я, и мы с Пери прыгнули на асфальт и побежали. Слава Богу, подумал я, она сегодня одета в джинсы, рубашку и мокасины, вместо своих любимых коротких платьев и туфель с высокими каблучками.

Серое двухэтажное здание аэровокзала возвышалось над нами. Фасад, состоявший из огромных окон, казался сплошной стеклянной стеной. Вход оказался совсем рядом, позади стоящих в ряд машин с военными номерами.

Тяжелая дверь отворилась с противным скрипом, и мы юркнули внутрь здания – в огромный зал, посередине поднимавшийся до самой крыши, а по бокам окруженный широкими балконами-галереями на уровне второго этажа. Лестница с двумя пролетами, ведущая к балконам, полого поднималась из середины зала.

Мы быстро огляделись. На первом этаже стояли рядами кресла для пассажиров. Вдоль одной стены, за стеклянными окошками, виднелись кассы и справочные бюро, вдоль другой располагалась внутренняя перегородка с надписями «Выходы на посадку» и «Камера хранения ручной

клади». Электрическое табло отлетов и прилетов, выключенное, как и все лампы в здании, выделялось на стене черным прямоугольником.

Но внутри зала вовсе не было темно: рассеянный свет прожекторов проникал туда сквозь огромные окна.

Обе двери, ведущие в отсек за перегородкой, оказались запертыми, кассы – и подавно.

– Надо идти наверх, – сказал я. – Здесь не спрячешься.

– Там тупик, – прошептала Лена.

– Какой тупик? Балконы образуют кольцо. Он в одну сторону, а мы – в другую!

– Выход только по этой лестнице, – обреченно сказала Пери. – Как на ладони будем. Идеальная мишень...

У меня мороз по коже пошел от ее слов. «Ленка-то откуда знает, что Резников убить ее собирается? Я ей этого не говорил» – пронеслась мысль. И тут же, сам собой, возник ответ: вот так она и живет, в постоянном страхе. Ей ли не знать, что Резников носит с собой пистолет!

Тем не менее, выбора не было. Мы быстро поднялись по лестнице и обошли по кругу второй этаж. Там располагались кафе, парикмахерская, аптека, туалеты, «комнаты матери и ребенка», магазины сувениров и автоматические камеры хранения.

Большинство дверей были заперты. Лишь кафе, столики которого стояли вдоль окон фасада, не запирались вообще, да ряды ячеек камеры хранения – вот и все. И впрямь тупик, подумал я. Не в туалете же прятаться! Там нас и младенец найдет.

Пока я раздумывал, наше время истекло. Подойдя к окну в кафе, Пери бросила взгляд наружу и отпрянула.

– Он! Валерий! У самого входа! – в панике она опустилась на четвереньки и быстро поползла прочь от окна. – Мишка, бежим!

Мы кинулись в одну сторону, потом в другую. В конце концов забились под стойку бара и сидели там, слушая гулкий набат собственных сердец.

Когда снизу раздался тот самый противный скрип двери, меня прошибло холодным потом, а у Лены явственно застучали зубы.

Резников и не думал таиться, к тому же спешил.

– Елена! – разнесся по всему зданию его голос, искаженный яростью. – Выходи сейчас же, я знаю, что ты здесь! Лучше выходи сама, слышишь?

Привычка повиноваться мужу крепко сидела в Лене: я видел, каких усилий стоило ей не отозваться на призыв. Она закусила губу и закрыла уши руками, но это не помогло: Резников приближался, и голос его становился все громче.

Лестница вела к балкону на противоположной стороне зала. Поднявшись наверх, Валерий медленно пошел вдоль перил, вглядываясь в стеклянные витрины и пробуя открыть двери. Наконец, дойдя до туалетов, он скрылся

внутри. До нас донеслись гулкие удары: преследователь открывал кабинки пинками.

– Ленка, здесь оставаться нельзя, – сказал я. – Первое, что он проверит, войдя в кафе – это барная стойка.

– Я никуда не пойду, – всхлипнула Пери. – Нет смысла...

– Елена! – раздался громовый голос в двадцати метрах от нашего убежища. – Если не выйдешь немедленно, убью!

Расчет был верным: она не выдержала. Похолодев от ужаса, я увидел, как Лена вскочила на ноги и бросилась бежать, истерически причитая:

– Валерик, не надо! Валерик, прости! Я не хотела!

Спускать курок Резников не стал, – а, мерзко ругаясь, побежал следом. Еще раньше я понял: из боязни привлечь внимание военных стрелять он будет лишь наверняка.

Искушение остаться на месте, затаиться, промелькнуло в моей голове – и стыдливо спряталось. Что я скажу Эфенди? Как бы ни пытался я оправдаться, он все равно прочтет правду в моих глазах.

Страх быть убитым оказался ничтожным перед страхом заслужить презрение друга. Я собрался с духом и встал из-за стойки.

Валерий не увидел меня: за секунду до того, как я вышел из убежища, он промчался мимо. Все внимание Резникова было приковано к жене, которая обезумела настолько, что, вместо того, чтобы бежать к лестнице, кинулась прямо в тупик, к камерам хранения.

Времени подумать не было. Я погнался за Резниковым и, нагнав, изо всех сил толкнул его вперед.

Я не рассчитывал на то, что последовало: мне просто повезло. Как раз перед моим броском Валерий собирался обогнуть аптечный киоск, прозрачным кубом выдававшийся в проход. Потеряв равновесие, он с разбегу врезался в стеклянную стенку, разбил ее вдребезги и свалился внутрь, увлекая за собой стеклянные стеллажи с пузырьками и банками.

Лена услышала грохот и обернулась. Я быстро нагнал ее, и дальше мы побежали вместе.

Путь к лестнице был отрезан. У нас оставался один-единственный уголок во всем огромном здании – камеры хранения, три ряда кабинок, чересчур маленьких, чтобы прятаться в них.

Немного утешало то, что в этом закоулке было гораздо темнее, чем во всем зале: один ряд ячеек примыкал к фасадной стене, и окна скрывались за ним.

Покуда окровавленный Резников, рыча и матерясь, выбирался из кучи битого стекла, мы получили две минуты, чтобы хоть как-то спрятаться.

Задача была не из легких: все три ряда ячеек располагались параллельно фасадной стене, и коридоры между ними прекрасно просматривались даже в полумраке. Перпендикулярно рядам, вдоль боковой стены здания,

виднелись еще несколько секций. Мы помчали туда.

Искорка надежды блеснула из угла на стыке двух стен: ряд ячеек, тянувшийся вдоль фасада, не примыкал торцом вплотную к боковой стене. Пространство шириною в четверть метра между металлической и каменной плитами выглядело хотя бы жалким подобием убежища. И там было совершенно темно.

– Полезай! – шепотом скомандовал я. – Боком, спиной к стене!

– А ты? – спросила Лена, протискиваясь в щель.

– Посмотрю. Может, поместимся вдвоем...

Из-за соседнего ряда ячеек раздались быстрые шаги: Резников восстал из осколков и бросился в погоню снова.

– Елена! – взревел он. – Выходи! Все равно достану – и тебя, и защитничка твоего! Убью гадов!

В панике я полез в щель следом за Пери. Пришлось выдохнуть и поджать живот, а ступни поставить боком – иначе было не поместиться.

Я думал, места на двоих не хватит, и заранее отчаялся спрятаться. Но проход неожиданно оказался длиннее, чем сами ячейки с торца.

Внезапно Лена схватила меня за руку и потянула за собой вбок, за металлическую стенку кабинок. Там оказалась ниша! Уже потом мы поняли, откуда: оконные проемы позади камеры хранения были заложены изнутри, но не во всю ширину, а «в пол-кирпича» (да здравствует советская бережливость!), и оставшееся пространство в ближайшем из них схоронило беглецов, как сказочная печка – сестрицу Аленушку и братца Иванушку.

Вот и не верь после этого в чудеса! Задыхаясь от счастья, мы пробрались как можно дальше и вжались в стенку, затаив дыхание...

И услышали пудовые шаги в трех метрах от себя. Зная, что Резников вот-вот начнет кричать и нервы у Лены могут снова не выдержать, я протянул в темноте руку и накрепко зажал ей рот.

Тяжелое дыхание хищника послышалось у входа в нашу пещеру.

– Елена! – взревел грозный муж. – Выходи!

Губы под моей ладонью задержались, и сама Лена слегка осела: судя по всему, подкашивались ноги. Я, как мог, поддержал ее.

Из нашего темного убежища проход казался светлым, но мы знали, что снаружи Резников не мог видеть дальше полуметра вглубь. Протиснуться туда он тоже не мог – телосложение не позволяло.

Внезапно в проходе что-то мелькнуло, и раздался звон разбитого стекла: это Резников проверял, нет ли между ним и задней стенкой чего-то или кого-то. Я постарался отогнать от себя догадку, зачем он подобрал и принес сюда осколок стекла.

Постояв и посопев немного, злодей пошел было обратно, и мы уже хотели перевести дух, как вдруг шаги раздались снова, на этот раз увереннее.

– Елена! – громовой вопль сотряс все здание. – Я знаю, что ты здесь! Выходи,!

Знакомое каждому мальчишке ругательство, приправленное лютой злобой, в его устах звучало гораздо гаже.

Стенка с кабинками содрогнулась, потом еще и еще: Резников стал толкать ее и дергать дверцы, пытаясь расшатать и своротить целую секцию. Лена обмякла у меня в руках: обморок, подумал я. Что ж, это и к лучшему: пускай не видит, как ее убивают.

Боялся я или нет – не помню. Помню, что весь превратился в ожидание чего-то спасительного. И совсем не удивился, когда сквозь лязг и грохот услышал сладостный звук, которому сначала побоялся поверить: скрип входной двери! Резников не обратил на него внимания и продолжал свое мерзкое дело, а я знал, что по лестнице сейчас кто-то всходит... идет сюда, на звук погрома... и сейчас должен заговорить.

– Товарищ Резников! – сказал пришедший возмущенно. – Вас повсюду ищут, а вы здесь чем занимаетесь? Что у вас с лицом?

Я узнал голос: лейтенант Коваль, адъютант генерала Луговского.

Удары прекратились. Раздалось утробное рычание, и лейтенанту, безусловно, не поздоровилось бы, если бы он не опередил нападение фразой:

– Террористы вышли на связь. Требуют вас на переговоры. Срочно.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Резников взял себя в руки. Умница Коваль молчал и ждал. Наконец, раздался шаг, другой, третий... И две пары ног поспешно понесли своих хозяев от места несостоявшегося преступления.

XVI

Наверное, у меня тоже случился обморок, или просто подкосились ноги: помню, что пришлось подниматься с пола. В тесном пространстве, полном пыли и мусора, это было нелегко. Я немного постоял, собираясь с духом и силами.

«Скорее отсюда! – молнией пронеслась мысль. – Резников может вернуться!»

Лена лежала, как мертвая, неловко подвернув под себя ноги и уткнувшись головой в металлическую стенку. Я приподнял ее, похлопал по щекам, подул в лицо – тщетно. Что делать? Протащить ее, бесчувственную, через узкую щель боком представлялось невозможным.

Осторожно ступая по осколкам стекла, я выбрался в коридор между рядами ячеек. Прислушался: в здании тихо, но снаружи явно что-то происходит: слышится шум, рокот моторов, раздаются отдельные приказания.

Я двинулся к лестнице – и по пути натолкнулся на разбитый аптечный

киоск. Эврика! Протиснувшись внутрь меж торчащих осколков, точно в пасть акулы между рядами зубов (и при этом изрядно порезав щеку), я стал лихорадочно перебирать флаконы. Было слишком темно, чтобы прочесть этикетки, поэтому пришлось откупоривать каждый и нюхать.

Мне повезло: через три минуты нашел то, что искал – нашатырный спирт. Скорее к Лене!

Я бежал по коридору к нашему убежищу, когда снаружи донеслась автоматная очередь. Одна, а следом еще две...

Там, где стреляли, был мой друг Эфенди. И Резников.

На мгновение я обмер, но тут же взял себя в руки. Кое-как протиснувшись в нишу, я трясущимися руками поднес пузырек к точеному носику Пери. Она очнулась и стала рыдать, по привычке жалея себя.

– Мишенька, я не могу идти, – всхлипывала она. – У меня, кажется, ноги парализованы...

Я прислушался: стрельба на аэродроме утихла. Резников может вернуться в любую минуту. Значит, единственная наша возможность остаться в живых – это выбраться из аэровокзала и искать помощи у военных. Теперь можно доказать, что Лене грозит опасность.

– Хорошо, – схитрил я. – Посиди здесь, а я схожу на разведку.

– Нет! Не оставляй меня! – Пери тут же забыла про паралич и неуклюже поднялась на ноги. – Ой! Как ватные...

Охая и причитая, она выбралась из закутка и, ковыляя на затекших ногах, пошла за мной к лестнице. Я опередил ее и забежал в кафе – взглянуть в окно.

То, что происходило на летном поле, заставило меня забыть и об опасности, и о самой Лене.

Из-за стоявших перед окнами машин виден был самолет и часть площади перед аэровокзалом. На площади, совсем недавно безлюдной, толпился народ. Еще несколько человек спускались по лесенке из самолета. Военные окружали людей плотным кольцом.

Внезапно раздались два выстрела, один за другим. У меня дрогнуло сердце: я почувствовал, в кого стреляли, но усилием воли отогнал эту мысль.

Тут же поднялась деловитая суматоха: завывли сирены, заурчали моторы машин, пробежали мимо крыльца автоматчики, «Скорая помощь» тронулась с места и направилась влево, туда, где остался Эфенди...

Лена догнала меня, выглянула в окно и пришла в неопиcуемый ужас.

– Бежим! Террористы сдались, Валерий сейчас будет здесь!

Красавица Пери умела думать только о себе. Впрочем, сейчас наши намерения совпадали: прочь из здания!

«Бежать» получилось медленно: Лена еле двигалась. По лестнице спускались битых пять минут, и все это время я скрежетал зубами.

Выйдя на воздух, мы остановились на пороге и с минуту оглядывались вокруг. Надо сказать, военная тревога вовсе не то же самое, что гражданская толчея: люди точно знали, что и как должны делать, двигались быстро, но не бестолково. Машины выезжали из колонны в строгой последовательности. Оттого, что все вокруг меняло установленный, хоть и на короткое время, порядок, нам сначала и показалось, что площадь охвачена паникой.

Моя душа изнывала от тревоги за Эфенди. Нужно было бежать к нему, но что делать с Леной? Не тащить же ее прямо в объятия любящего мужа!

Прежде всего нужно было уйти от входа в аэровокзал. Пери повисла на моей руке, и мы пошли вдоль автоколонны вправо, пытаясь отыскать убежище.

Сначала я хотел найти фургон, где ее, может быть, опять приютил бы ефрейтор Володя. Тщетно! Номера я не помнил, а ряд машин выглядел теперь иначе: одни отъехали, другие развернулись или поменялись местами.

Мы продолжали идти, надеясь на удачу. Вскоре я заметил, что на нас подозрительно косятся пробегающие мимо военные. Взглянув на Лену, я понял, отчего: хромая, растрепанная красавица в разорванной рубашке и с вымазанным грязью (слезы плюс пыль) лицом выглядела, как жертва погрома из американского боевика. Колорита добавляла и моя окровавленная щека.

Когда добрый человек – судя по погонам, старший лейтенант, – остановил нас, Лена опять была на грани обморока.

На строгий вопрос: кто мы, и что тут делаем! – я ответил опрометчиво:

– Мы спасаемся от Резникова. Это его жена, он только что пытался ее убить. Нам нужно убежище.

Уже выпалив это, я понял, что наделал: похоронил надежду скоро увидеть Эфенди. Глаза над погонами округлились, брови нахмурились.

Гражданский человек, услышав подобное заявление, шарахнулся бы прочь или вызвал «Скорую» из психбольницы. Военные скроены иначе: все, что слышат, они принимают к сведению и проверяют.

Неведомо откуда взявшийся конвой из двух солдат препроводил нас в пустой фургон с решетками на окнах, и там оставил. Выйдя вон, вояки заперли нас на ключ. Трогательная забота о жертвах погрома, подумал я.

Лена тут же легла на топчан в углу, поджала ноги и стала потихоньку скулить. А я начал отчаянно стучать в стены и в кабину водителя.

Никто не откликнулся на стук, и я уже серьезно подумывал, чем бы вышибить оконное стекло, как дверь отворилась, и вошли сразу четверо: давешний старший лейтенант, угрюмого вида подполковник, рядовой солдат с флягой воды и женщина в белом халате.

Докторша сразу направилась в угол к Лене, и оттуда слышались истерические рыдания: наконец-то появился человек, которому можно

было пожаловаться от души!

Подполковник попросил меня присесть к узенькому столу и рассказать все по порядку. Наверное, рассказ мой получился сбивчивым: я волновался из-за Эфенди. Внутри меня тикали часы и подгоняли: скорей, скорей, бежать, бежать, найти, найти...

Оба офицера внимательно слушали, не перебивая. Затем подполковник спросил:

– Кто может подтвердить ваши слова?

– Водитель генерала, сержант Кротких. Ефрейтор Володя из хозяйственного фургона. Адъютант генерала Коваль. Мой друг Церун Шах-Задэ, наконец.

Подполковник и лейтенант внезапно переглянулись, и у меня тоненько заныло сердце: почудилось, что неспроста. Но спросить я не решился.

– Осмотрите место происшествия в здании аэровокзала, – приказал подполковник младшему офицеру, – и тут же возвращайтесь. А вы, рядовой, найдите лейтенанта Ковалья и приведите сюда.

Офицер ушел, а рядовой помедлил, не решаясь спросить что-то, а потом вдруг выпалил:

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться!

Подполковник недовольно кивнул, и солдат продолжал:

– Лейтенант Коваль, должно быть, уехал со «Скорой». Я видел его в машине с генералом.

Что такое ярость начальства, я знал по своему военному опыту.

– Выполняйте приказание! – резко повернувшись к рядовому, страшным голосом гаркнул подполковник. – Мне лучше знать, кто и куда поехал. Бегом марш!

Посыльного словно ветром сдуло. Не успели затихнуть его шаги, как из угла донеслись истерические вопли моей подопечной:

– Нет, нет! Не верю! Валера! Валерочка! Не верю!

Лена вскочила и бросилась мне на грудь, причитая:

– Мишенька, этого не может быть! Мне говорят, что Валеру убили!

Ошеломление? Да, пожалуй, сначала я испытал именно ошеломление, но очень скоро оно сменилось вполне понятным и, смею надеяться, простительным облегчением, смешанным с уже совсем не христианским злорадством.

Лена продолжала убедительно рыдать. Но я хорошо знал свою одноклассницу: сама она испытывала то же, что и я. Оплакивала она, скорее всего, потерю роскошной жизни, – а заодно пыталась разжалобить подполковника: поди знай, не заподозрят ли ее теперь в супружеской неверности?

Докторша обняла страдальцу за плечи, увела в угол и усадила на топчан. Затем подошла ко мне, осмотрела царапину, промыла и смазала йодом.

– Может остаться выпуклый шрам, – сказала она. – Обратитесь в травмопункт в течение суток, там зашьют. Разрешите идти, товарищ подполковник?

– Нет, оставайтесь с женщиной. Дайте ей успокоительного, что ли...

Подполковник поморщился, и я понял, что его жена тоже знает, как разжалобить мужа.

Стукнула дверь: вернулся старший лейтенант.

– Все так, товарищ подполковник. Даже флакон с нашатырем нашел. И стенка с кабинками сдвинута, им не под силу, – он кивнул на меня. – И кровь на полу повсюду.

Подполковник повернулся ко мне:

– Вы говорите, друг попросил вас защитить Резникову, когда муж бросился ее искать. Я был там в это время, и ничего подобного не помню.

– Он передал мне это... мысленно. Без слов, – ответил я, смешавшись: боялся, что военные не поверят. И с удивлением увидел: поверили.

Немного погодя в фургон поднялся лейтенант Коваль. Он был бледен и не скрывал волнения.

– Новости? – спросил подполковник.

– Уже в Склифосовского, – ответил тот. – Готовят к операции.

Меня обдало холодным потом. Я вскочил и закричал:

– Ради Бога, скажите мне: что с Церуном? Это его будут оперировать?

Офицеры посмотрели на меня удивленно. Подполковник кашлянул, как мне показалось, в замешательстве, и сказал:

– Нет, не его. Ранен генерал Луговской. Что касается Шах-Задэ, он жив, хотя...

– Что с ним?

– Давайте сначала покончим с вашей историей, – решительно заявил подполковник. – Хоть Резникова уже нет в живых, обвинение слишком серьезно, чтобы его замолчать. Товарищ лейтенант, расскажите нам, как вы уговорили Резникова вернуться на летное поле.

– Я? – только и ответил Коваль. Невероятное изумление, недоумение и вместе с тем подспудное сомнение читались на его лице. – Я не делал ничего подобного.

Мне показалось, что машина зашаталась и сейчас рухнет вместе с нами в какую-то черную дыру... Я схватился за стол и впился глазами в лицо предателя.

– Как не делали? – возмутился подполковник. – Да вы же у всех на глазах удалились, а через десять минут привели его с собой!

– А я видел, как вы заходили в здание вокзала, – добавил старший лейтенант. – И вышли вместе с Резниковым.

С обвинением я поторопился – Коваль предателем не был. Он покраснел, нахмурился и силился вспомнить то, что напрочь забыл.

– Церун... родненький... и тут спас, – раздалось из угла, с тихим всхлипом.

Внезапно меня прорвало: не стесняясь суровых мужчин, я расплакался, как маленький. Военные деликатно отвели глаза, а я все всхлипывал, не в силах остановиться. Наконец, подполковник прокашлялся и сказал:

– Очевидно, лейтенант действовал под внушением. Спасительным для вас внушением... Мы очень обязаны вашему другу. Я бы хотел от души поблагодарить его: если бы не Церун Маликович, жертв сегодня могло быть гораздо больше.

– Где он? – выдавил я наконец.

– Мы не знаем, – смущенно ответил Коваль. – Резников выстрелил в него, но за секунду до выстрела ваш друг упал, и пуля попала в генерала. Один из наших офицеров тут же застрелил Резникова, поднялась суматоха... Простите, но про Шах-Задэ все забыли. Потом уже кто-то сказал мне, что он был просто в обмороке. Ведь это не опасно?

Обморок. Конечно, обморок. Мы все знали, что после такого адского напряжения, и после лютой злобы Резникова, выплеснутой на Церуна, это случится. Он лежал там, на асфальте, среди суетящихся вокруг раненого генерала людей, одинокий и беззащитный. А друга не оказалось рядом.

– Когда «Скорая» увезла генерала, мы вернулись на то же место, но Шах-Задэ там уже не было. Честно говоря, его никто не искал. Быть может, он еще где-то тут?

Никогда прежде мои чувства не бывали так обострены: детектор лжи внутри меня отозвался тихим звоном.

– Нет, – я вытер глаза и посмотрел на каждого из них по очереди. – Вы чего-то не договариваете. Где мой друг?

После минутного замешательства подполковник ответил:

– Там, где он может быть, мы его искать не имеем права.

XVII

Вот что произошло на летном поле после моего ухода.

Картина эта восстановлена по словам подполковника Братцева. Я попросил его проводить меня туда, где последний раз видели Эфенди, и там, – должно быть, чувствуя свою вину, – он рассказал мне все в подробностях. Думаю, подполковник даже преступил рамки дозволенного, сообщая так много малознакомому гражданскому лицу, но этим он отдавал хоть крохотную дань благодарности моему другу за бесценную помощь, которую получили от него все попавшие в беду в ту злополучную ночь.

– В чем это вы хотите обвинить моего Резникова? Ну, не захотела его жена лететь – обычный женский каприз! – Виктор Степанович недовольно поглядел вслед убегающему. – Ну вот, теперь он нам не ответит.

– Напротив! Вот он нам и ответил, – сказал Эфенди. – Будь Резников

не замешан в этом деле, не было бы и нужды убегать.

– Так что это за чертовщина с билетом и багажом? Вы, кажется, сказали, что вам все понятно? Поясните.

– Поясню. Только сначала попрошу взглянуть на список пассажиров – может, догадаетесь сами?

Генерал протянул бумагу Виктору Степановичу, и тот, наклонив лист в сторону освещенного аэродрома, начал читать. Брови его часто и недоуменно поднимались, а иногда сходились к переносице. Наконец, он раздраженно поднял глаза и открыл было рот, но Эфенди опередил.

– Вы, простите, не то читали, – сказал он. – Оставьте в покое фамилии мужчин, смотрите на женщин, стариков и детей!

Поджав губы, Виктор Степанович снова углубился в чтение. На сей раз он водил глазами по списку, часто возвращался к прочитанному, затем перескакивал в самый конец – и шепотом что-то подсчитывал. Лицо Виктора Степановича на глазах меняло выражение: куда подевалась насмешливая самоуверенность? Негодование, смятение, нарастающая ярость читались теперь в его взгляде.

– Насколько понимаю, для ваших подчиненных не составляет труда сделать себе новый паспорт на любую фамилию, – сказал Эфенди. – А вот родичам своим они поменять фамилии то ли поленились, то ли времени не хватило.

– Так они там, в самолете? Все четверо? – сдавленным от злости голосом произнес Виктор Степанович.

– Да. Пятым должен был стать Резников, однако он всех предал. Рассудил, что лучше синица в руках, чем ИЛ-18 в небе... Можете не отвечать, но моя догадка такова: кто-то из этой четверки выше Резникова по служебному положению, и предатель рассчитывал занять освободившееся место.

Виктор Степанович неосознанно кивнул головой, и Эфенди продолжал, обращаясь уже к военным:

– Я не имею ни права, ни желания гадать, как возник этот сговор: сразу пятеро сотрудников хорошо известного ведомства решили бежать за границу вместе со своими семьями, включая дальних родственников и друзей. С их возможностями и полномочиями, подготовка была делом вполне осуществимым, причем недолгим. Купить билеты всем вместе на один и тот же рейс тоже несложно, следует лишь заявку сделать заранее. Оставался один, самый важный вопрос: как пронести оружие? После 1973 года досмотр багажа стал скрупулезным, а преступникам для их целей требовался целый арсенал.

– Чемоданы Резниковой? – предположил генерал.

– Конечно! Маленький водевиль с опозданием на рейс, погрузка багажа с оружием – прямо в салон... Вот тут-то и скормил Резников сообщникам

сказочку про то, что его жена боится лететь, а ему без милой за граница не нужна – и был таков! Но сообщники тоже не лыком шиты. Они на нем отыгрались.

Виктор Степанович пожирал Эфенди жадными глазами. Одному Богу известно, какие замыслы относительно «экстрасенса» возникали тогда в его хитромудрой голове.

Но Эфенди не чуял опасности – он всецело был поглощен другими событиями, происходившими в здании аэровокзала. Внезапно Церун запнулся, замер, будто прислушиваясь, и пристально посмотрел на лейтенанта Ковалю. Тот улыбнулся, кивнул головой и быстрым шагом удалился.

А Эфенди продолжал:

– Если бы не мстительность Амбарцумова, на этом все могло и закончиться. Расстрел мнимых заложников был у заговорщиков в планах с самого начала – очень действенное средство, насколько я понимаю. А вот важного преступника решили потребовать от отчаяния, в пику Резникову.

– В пику? Отчего? Не понятно, – спросил генерал.

– Виктор Степанович, а вам понятно? – переспросил Эфенди.

– Да, – буркнул тот. – Чтобы вызвали меня с помощниками. Поднять шум, заставить Резникова выдать себя с головой.

Эфенди кивком подтвердил его слова и продолжал:

– Если бы обошлось только казнью заложников, военные и милиция подождали бы часа два-три и выпустили самолет: вы же посмотрите, там одних лишь малолетних детей – девятеро! Женщин двадцать три, подростков двенадцать, старики тоже есть. Конечно, выпустили бы! И трупы разрешили бы забрать, лишь бы новых не было. А Резников преспокойно уехал бы домой, и через недельку получил бы освободившуюся должность Амбарцумова.

– А зачем он ходил к захватчикам на переговоры?

– Пытался отговорить. Грозил. Понимал, что, если вызовут начальство, начнутся вопросы к нему, и отвертеться не удастся.

– И тогда он вспомнил о вас? – спросил генерал Церуна.

– Да. Думал, успеет до приезда Виктора Степановича. Если бы дело выгорело и я улетел с террористами, он бы мог еще и награду какую-нибудь за оперативность получить.

– Выходит, обманутые сообщники взяли верх над предателем?

– Нет. Он перехитрил их еще в одном, – ответил Эфенди. – Собственно, в главном. Когда Резников подумал про Амбарцумова, в его мыслях промелькнуло еще кое-что.

Разговор прервался: дежурный наблюдатель доложил, что террористы открывают дверь. Через минуту еще один заложник будет расстрелян.

– Геннадий Ильич, – поспешно сказал Эфенди. – Прикажите подчиненным быть наготове: я собираюсь проверить свою догадку.

И, прежде чем кто-либо успел моргнуть глазом, мой друг быстро, но спокойно вышел вперед, на залитую ослепительным белым светом площадку между самолетом и оцеплением, и остановился посередине.

– Товарищ Шах-Задэ! Церун Маликович! – наперебой закричали офицеры. – Вернитесь! Террористы вооружены!

Эфенди даже не оглянулся. Внезапно стало так тихо, что стрекот цикады в траве за взлетной полосой показался автоматной очередью.

– Я не маленький мальчик: уж и забыл, когда чего боялся, – рассказывал мне подполковник Братцев. – А тут ни с того, ни с сего у меня мурашки по спине поползли: открывается дверь, спускается по лестнице еще один заложник. И вдруг трое убитых – те, что уже лежали на асфальте, – поднимаются на ноги, что твои зомби в американском фильме, и топают к нам! Зрелище, надо сказать, не из приятных: хоть и понимаешь, что они вовсе не убиты, а все равно мороз по коже идет...

Тишина окончилась так же внезапно, как и началась: в дверях самолета появился мужчина в черной маске, поднял автомат – и выпустил длинную очередь вслед уходящим трупам. Наблюдатели замерли от ужаса: Эфенди стоял на прямой линии прицела, да и вся компания наблюдателей тоже могла попасть под обстрел.

– Ложись! – раздалась запоздавшая команда генерала, однако никто ей не повиновался: все уже поняли, что Эфенди прав и комедия – финита.

– Холостые, – сказал кто-то. – Ай да Резников...

Спектакль, тем не менее, продолжался: явления следовали одно за другим. Новый, не успевший картинно упасть заложник поспешил за ожившими, громила в маске спустился по лесенке и пружинистой, бодрой походкой двинулся вослед идущим. Автомат он держал в опущенной руке, будто кошелку с колбасой. Еще трое молодцев с автоматами, за ними женщина, потом двое подростков – девочка и мальчик, опять мужчины, но уже без оружия – вереница захватчиков и заложников мирно, спокойно, чинно шагали неторопливой походкой через привокзальную площадь.

Эфенди подождал авангард, повернулся и медленно пошел впереди колонны в сторону начальства. А поток пассажиров не иссякал. Военные из БТРов окружили их, помогали старикам спуститься по лестнице, принимали детей с рук на руки.

Автоматчиков обезоружили, заковали в наручники и подвели к генералу. Конвойные сняли маску с главаря, и все увидели бритого, похожего на боксера мужчину с умными, злыми глазами.

– Ох, и влипли вы, Амбарцумов, – произнес, кровожадно улыбаясь, Виктор Степанович. – Должен сказать, я вам никогда не доверял. Хотя эдакой прыти не ожидал – тут я, надо признаться, дал маху.

Как раз в это время и прибыли на место Коваль и Резников. Амбарцумов взглянул на предателя и рванулся из рук конвоиров.

– Шкура, – только и сказал он. Но столько гадливого презрения было в его голосе, что прозвучало это хуже самого мерзкого ругательства.

Виктор Степанович повернулся к Резникову.

– Сдайте оружие, – надменно сказал он и протянул руку.

Налитыми кровью глазами Резников посмотрел на бывшего начальника, затем медленно перевел взгляд на Эфенди, который стоял спиной к нему и разговаривал с генералом. И достал из кобуры пистолет.

– Понимаете, мы все видели, что он собирается сделать, – рассказывал мне подполковник. – Но оплошали: уж больно невероятным казалось, чтобы вот так – при свидетелях, из табельного оружия, в спину? Когда раздался выстрел, мы будто проснулись. Кто застрелил Резникова, я и не припомню – все кинулись к генералу.

– Он тяжело ранен? – спросил я.

– Достаточно серьезно, и все же надежду медики нам дали: увезли его очень быстро, и лучшие хирурги сейчас борются за его жизнь. Луговской у нас... как бы это сказать? Незаменимый человек, вот что. Его все любят: и начальство, и подчиненные. Резников, можно сказать, немножко ранил каждого из нас.

Я поверил ему безоговорочно. Точно знаю: не случись с генералом несчастья, он не дал бы Эфенди в обиду. Но случилось ведь! И некому было заступиться за человека, незаменимого для меня.

Потерянный, оглушенный, опустошенный, я вернулся к военному фургону за Леной. Она уже успокоилась и привела себя в порядок: умылась, причесалась, скрепила булавкой порванные края рубашки.

– Мне нужно отдохнуть, – заявила Пери. – Отвези меня домой!

Она уже забыла и о муже, и об Эфенди.

Я ответил ей долгим, тяжелым взглядом. Как я ненавидел ее! Подумать только: из-за этого ничтожества должен был пропасть лучший на всем белом свете человек! А я, неверный друг, вместо того, чтобы спасти его, таскался за красоткой телохранителем. Неважно, что Эфенди сам просил меня об этом: все равно, она – ничтожество, а я – подлец.

Подполковник выписал нам обоим пропуск, и мы могли покинуть аэропорт хоть в ту же минуту. Но я не спешил уезжать: малодушное мое сознание цеплялось за надежду, что сейчас из-за вон той машины... или из-за ближайшего угла... а может, из-за темных деревьев возле аэровокзала появится тот, чье лицо неотступно стоит перед моими глазами.

Военные вежливо попросили нас покинуть фургон, и тогда мы вспомнили про машину Резникова. «Москвич» все еще был на стоянке, незапертый, но без ключей. Впрочем, будь там ключи, мы бы все равно не смогли в нем уехать: ни один из нас водить не умел.

Я был слишком подавлен, чтобы рассуждать здраво. Ноги у меня подкашивались, в голове мутилось. Я сел в машину и тупо уставился перед собой. То же самое сделала и Пери.

Не знаю, сколько мы просидели там. Помню, как Лена жаловалась на горькую долю – чисто женский способ дать выход эмоциям. Помню, как мимо нас проезжали машины, покидавшие место происшествия, и прибывали другие – в основном гражданские.

Прожекторы светили всю ночь. Вокруг самолета суетились люди, урчали моторами шустрые тягачи, что-то подвозя и забирая. Техбригада в черных комбинезонах копошилась на белом фюзеляже и крыльях, как тараканы на гряде сахара.

Когда небо на востоке посветлело, Лена уснула на заднем сиденье, а я вышел из машины и тихо прикрыл дверцу. Прохладный предзвездный ветерок остудил мою пылающую голову, прогнал оцепенение и вернул ясность мышления. И тут же волной накатило горе.

Ноги сами понесли меня к самолету. Пройдя меж двух военных машин с прожекторами, я внезапно увидел слева, поодаль, небольшой синий фургон, которого не заметил раньше. Быть может, он и стоял там всю ночь, в тени грузовиков, не привлекая ничьего внимания, а может, прибыл недавно – не знаю. Знаю только, что сердце у меня в груди внезапно забилось сильно и тревожно. У кабины водителя стояли и разговаривали двое: Виктор Степанович и его подручный, или телохранитель.

Я остановился в нерешительности невдалеке от фургона. Виктор Степанович повернул голову и поспешно – о, сколько раз потом я вспоминал эту поспешность, которой не придавал значения тогда! – бросил собеседника и пошел мне навстречу.

– Доброе утро, Михаил Васильевич! – сказал он, сияя благодушной улыбкой, и протянул мне руку, которую я машинально пожал. – Вы до сих пор тут? Или уже побывали дома и вернулись? То есть не дома, а у Лейлы Гейдаровны на Кутузовском, 14, ведь вы там остановились, не так ли? Как себя чувствуют Каринэ Арамовна и маленький Саша? Славный мальчик, похож на бабушку Полину Игнатьевну. А вот Марина Михайловна вся в папу! У нее даже родинка на левой ягодице такая же, как у вас.

Я молчал, не в силах произнести ни слова. Будто ушат холодной воды вылил подлюга мне на голову, а сверху огрел дубиной. Родинка на левой ягодице! Да об этом и родичи не все знали...

– Да, детишки – это радость, – продолжал петь соловей-разбойник. – Но вместе с тем и страх, и тревога какая! Городок у вас не особенно хорош, хулиганов многовато, того и гляди обидят. Речка, опять-таки, почти рядом с домом, а под старой ивой – омут бездонный. Вы уж за детьми глядите в оба! Не ровен час... сами знаете, что бывает.

Я чувствовал себя мухой, попавшей в сети паука, и молчал: зудит, не

зуди – все равно съест. Впервые в жизни мне было так страшно – невыносимо, жутко, до тошноты и головокружения.

– Чего вы испугались? – ласково спросил Виктор Степанович. – Я уверен, что вы сумеете детишек уберечь. Нужно только быть осторожными... и не болтать лишнего. И вопросов поменьше задавать.

– Виктор Степанович! – крикнул от машины его подручный. – Ехать пора. Уже дважды звонили. Ждут.

– Иду! – весело отозвался мой мучитель. – Значит, договорились? Благополучие в обмен на благоразумие? Будьте здоровы!

Прежде чем идти к машине, Виктор Степанович сбросил на мгновение личину и глянул на меня с презрением, как на червяка.

Правильно глянул. Ничего другого я не заслужил.

– Как ты мог даже не попытаться что-то сделать? – рыдая, причитала Каринэ, когда я рассказал им с Лейлой все, что произошло в ту ночь. – Надо было схватить гада за горло и душить, пока он не отпустит Церуна!

Я и сам знал, что надо было бы. А еще надо было бежать к военным и поднять тревогу. Кричать на разрыв горла: «Человека похитили! Не выпускайте машину!» Не захотели бы военные вмешиваться – можно было лечь под колеса фургона и не дать им уехать. Ну, хотя бы разбить окно камнем! Хотя бы заплевать гаду очки, назвать его сволочью... Сколько тысяч раз впоследствии я проделывал все это в уме, изнемогая от отчаяния, от бессильной ярости, от ненависти к самому себе!

Но все это было потом. Тогда же, стоя на летном поле, я провожал взглядом синий фургон и пытался убедить себя, что Церуна в нем нет. И чем больше убеждал, тем больше уверялся: есть, то есть был, пока был здесь фургон. Проворонил его друг любезный, Мишенька, и пожал при этом руку похитителю. А проворонил оттого, что трусил. Шкура.

Конечно, мы пытались найти Эфенди. Заявление в милиции у нас приняли, и долгие месяцы, а потом годы отвечали на запрос: да, ищем, но пока безрезультатно.

Скрепя сердце, Лейла обратилась за помощью к бывшему мужу. Упиваясь злорадством при виде ее унижения, важный чиновник навел справки и посоветовал ей забыть имя племянника.

– Это что ж такое надо было утворить? – ужаснулся бывший. – Да мне за один вопрос о нем пообещали неприятности!

Должность Церуна на работе оказалась занятой буквально через два дня, а квартира была опечатана к вечеру понедельника. Лейле не позволили забрать ни единой вещи племянника.

Наконец, мы все втроем потребовали участия от Леночки.

Вдова Резникова не долго пребывала в трауре. Ее телефон не отвечал несколько дней, нам пришлось разыскивать Пери через общих знакомых. Выяснилось, что какой-то утешитель увез бедняжку в санаторий,

подлечить расшатанные нервы.

Но, как только Лена вернулась, мы взяли ее в оборот и не отставали, пока отдохнувшая красотка не согласилась помочь нам в поисках Эфенди.

Не знаю, к кому именно в ведомстве покойного мужа она обращалась, но позвонила мне потом в панике и заявила, что жизнь ей еще не надоела и поэтому: «Оставьте меня все в покое! Знаешь, чем мне пригрозили? «Кто из вас проговорится – пеняйте на себя. Из-под земли достанем...»

Конечно, она вскоре вышла замуж снова – за мирного заведующего обувным магазином, который осыпал ее деньгами, импортными туфлями и цветами, и которому она могла устраивать истерики безнаказанно.

Интересно, вспоминала ли Пери в своей никчемной, жалкой насекомой жизни человека, чья любовь, подобно животворному солнцу, питала и хранила ее двадцать лет?

Что касается нас, осиротевших его друзей, то могу сказать лишь одно: любовь, которую Эфенди подарил нам, осенила тихим счастьем всю нашу жизнь. Где бы мы ни были, что бы с нами ни случилось – он незримо был с нами, поддерживая, утешая, помогая. Порой, в самые тяжелые минуты, я даже ощущал будто бы его присутствие, хотя понимал, что это наваждение и оно скоро пройдет, оставив, как сказала женщина с проницательными глазами, «лишь черточку в памяти, отзвук услышанного голоса, смутную тревогу. Сон, который, проснувшись, не можешь вспомнить...»

* * *

Где он сейчас, одинокий странник, изгнанник отовсюду?

Соплеменники не признавали Церуна своим: и азербайджанцы и армяне всегда помнили: кровь его разбавлена другой, ненавистой им. Жил он среди русских, где всегда был «кавказцем», то есть тоже «не своим». В классе и студенческой группе ум и способности ставили его на ступеньку выше остальных, создавая препятствие в общении. На работе, несмотря на молодость, он сразу получил руководящую должность. Получил совершенно заслуженно, выдержав нелегкий конкурс – что, тем не менее, оттолкнуло от него завистливых коллег.

Но все это не столь важно. Главное в другом: изгоем на земле делало Эфенди то, что он был праведником.

В жизни своей я встречал и встречаю немало людей, считающих себя праведными: по их убеждению, нужно просто не лгать и не хитрить, не злословить и не красть, уважать старших и любить близких. Хорошие они люди, спору нет. Недостает им самой малости: все это – лгать, хитрить, злословить, красть они прекрасно умеют, но не делают, или почти не делают – каждый по разным причинам, пускай даже достойным уважения.

Другое дело Церун: он попросту не умел грешить, как рожденный летать не может ползать. Душа Эфенди витала столь высоко, что земная грязь

не могла замарать ее, как бы ни старались этого добиться его враги.

В юности я все не мог понять: почему Церун так равнодушно принимал обиды и оскорбления, достававшиеся ему столь несправедливо? С годами понял: он так мало любил себя, что и не ждал от окружающих ничего иного. Щедро отдавая любовь другим, ничего не просил взамен. Знал, что даже ближайšie ему люди – такие, как Лейла, Каринэ и я – слабы и грешны, но не судил и не осуждал никого.

Мы никогда не говорили с Церуном о Боге. Сам я уверовал только после сорока лет, по причинам, не имеющим отношения к этой повести.

Когда я впервые открыл Новый Завет, помню, как поразили меня строки: Лисицы имеют норы и птицы небесные – гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову. Поначалу подумалось: эта бесприютность – оттого, что Он знал: дом Его не на грешной земле. А теперь понимаю иначе: как же одинок был Тот, Кто видел всю ничтожность окружавших Его людей! И знал, что даже лучшие из них предадут Его. И петух воспоет отречение...

Я далек от того, чтобы сравнивать моего друга с самим Спасителем. Но, вспоминая Эфенди, неизменно вспоминаю и эти слова.

Думаю, что люди с возвышенными душами всегда одиноки. Не все отшельники живут в пустынях, иногда они ходят и среди людей, даже если не становятся теньями. Помните, что сказал двойник Мессинга? «Никто из смертных не ведает такой скорби, как избранные...»

...Капля надежды, что досталась мне в дачном домике двадцать лет назад, на самом деле ничтожна. Рассудок мой говорит: вряд ли Церун воспользовался бы своим даром для себя. Даже для того, чтобы вырваться на волю из плена. И все же...

Крохотным огоньком маяка в черном океане отчаяния кажутся мне две мелкие подробности загадочного стамбульского рейса: шахматные задачи, легко решенные соседом «пустого места» в самолете, и нетронутые деньги в чемодане.

Это так похоже на Эфенди.

Руслана СТАВНІЧУК

«ЛЮБОВ БУВАЄ ГІРШЕ ПЕКЛА...»

* * *

Зі мною тишу спраглу розділи,
Почни її — вона буде як свято.
Словам важким із присмаком смоли
Судилось ненародженим вмирати.
Глянь, небо розкололося навпіл.
Ми сидимо, мовчанням оповиті.
Мені з тобою не потрібно слів,
Тебе я вмію і без них любити.

* * *

Мій Отче, дякую Тобі
За днів святкову неповторність.
За неба очі голубі,
За мудрість, що ховаю в слові.
За ту любов, що вже була,
За сльози, смутки, перешкоди.
За те, що з Твого джерела
Життєві я черпаю води.
Пробач, що ми людці малі
Не бережемо те, що маєм.
Шукаєм кращої землі
Не бачачи під носом раю...

КІЛЬЦЕ

Сталеві обійми, неначе лещата.
Проснешся уранці — навколо лиш ґрати.
І де ти? І хто ти? — Не ясно нічого.
Лише невідомість, пільма і дорога

Змією спокуси облесливо в'ється.
Тримай же, людино, на відстані серце.
Нехай ні плітки, ні зло, ні чорнота
В твої не посміють постукать ворота.
В поклони схилитись не здумай нізащо!
Один раз прогнешся — і справа пропадає.
Не бійся самотності, тиші та болю:
Вони не даремно з'явилися в долі.
Хай світ наш увесь — уявна в'язниця —
Вона лише сниться, вона лише сниться...
Реальна проблема сумніш набагато —
Самі ми кільце затискаєм в лещатах.

* * *

Як від тебе чекала слова —
Ти обернувся і мовчав.
Життя сопілко ясенова
Не слухай серце, вір очам.
...Раптово все в мені завмерло,
Навіть вірші забули шлях.
Любов буває гірше пекла,
Та це не скажуть у казках.

* * *

А поки є, існує білий світ,
Часу пісок все сиплеться крізь нього.
Вгорі, поміж небесних верховіть,
Нам хтось по крихті створює дорогу.
І крутиться, і крутиться земля,
Уже й забула скільки точно років.
Прядуть невпинно мойри* кужіля
І зовсім час не відає про спокій.

* Мойри — у давньогрецькій міфології богині долі і призначення людей та богів. Дочки богині ночі Нікс (за іншою версією — Зевса й Феміди, за Платоном — дочки божества неминучості Ананке). У сучасній мові слово «мойра» також уживається як синонім слова доля.

А люди — невгамовна мурашва —
Все метушаться, без кінця і ліку.
Досі наївно вірять у дива
Нащадки вигнаного
З раю
Чоловіка.

* * *

Тебе долаю, мов найвищу вежу.
За кроком крок я піднімаюсь вгору.
Горить в утробі полум'я пожежі,
Бракує слів, якими ти говориш.
Бракує сил, повітря і снаги.
Іду вперед (ти ж знаєш я уперта).
Втішалась доля — сплутала шляхи,
Сховала щастя крадькома в конверті.

* * *

Я — не твоя, а ти — не мій.
Так склалося, вже не змінити.
Вночі зимовий вітровий
Замів останню стежку в літо.
Заклякли поодиноці ми
Та, знаєш, цьому навіть рада.
Ти був ярмом, а не крильми,
Лиш пустоцвітом мого саду.
Пробач мені, що не люблю,
Що надто стримана і чесна.
Мені, як в морі кораблю,
В житті опора — міцні весла.

* * *

Говори, не бійся, говори —
Твоє слово мені Богом дане.

В тиші світанкової пори
Розтають невидимі кайдани.
Я тону у голосі твоїм,
Добровільно і свідомо тану.
Там, за горизонтом, райський дім.
Та хіба без тебе рай, коханий?
Мій притулок лише там, де ти
І моє це щастя й покарання.
В світі, повнім зрад і чорноти,
Якорем зорить твоє кохання.

* * *

Тобою хвора. Роки закреслено.
Минуле стерто, його нема.
Іду стежками все перехресними,
Куди не гляну — глуха пітьма.
Тобою хвора та в тебе вірую.
Ця віра душу в живих трима'.
Любов'ю, словом, а чи офірою
Мені дай знати, що не дарма.

* * *

Коло замикається. Ближче до кінця
Рухається-йде змучена планета.
Слів не вистачає вже. Кам'яні серця
Мертвими стають. Постріл кулемета
Розкоркує тишу і розітне наскрізь.
Ось останні дні. Можна повернутись
У недалекий час той, коли земна вісь
Стиха загасала в надлишку отрути?
Коло замикається. Наче актори
Щось метушимися, тільки який сенс?
Проблема глобальна — у душах затори.
Вся совість пощезла. Панове, кінець.

* * *

Ти хотів від мене утекти.
Силоміць тебе я не тримала.
Спаляючи зведені мости,
Одягнути не забудь забрало.*
І біжи крізь відстані й літа,
Утікай, куди лиш заманеться.
Та чи зможеш ти зробити так
Щоб кохання викинути з серця?

* Забрало — рухлива частина шолома, яка слугувала захистом для обличчя та очей.

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО

ТРИ МАТЕРИ АЛЕШКИ-АЛИ

Истинное счастье человека —
это быть кому-то полезным
и иметь чистую совесть.

Л.Толстой

1

С матерью иранского мальчика Махназ и ее семейством судьба свела нас в тяжкие годы — в начале девяностых. Нам не на что было жить и свою довольно большую квартиру мы разменяли на две поменьше. Одну решено было сдавать, чтобы как-то выжить: сын заканчивал школу, собирался поступать в ВУЗ...

Первыми квартирантами оказались две юные иранки, скромные сестры Махназ и Нобанд. Как-то получилось, что мою супругу Светлану они стали называть мамой, а меня — папой. Нам было непривычно, но приятно.

Общаться с обоими было легко, особенно душевно получалось с Махназ. Ее имя в переводе означает Луна. По-русски говорить она научилась мгновенно, часто спрашивала, что как называется и запоминала. А моей супруге как-то полушутя сказала: когда-нибудь мама Света будет помогать нянчить и ее маленького «бэби».

Так через несколько лет и вышло. Появился у нашей иранки сыночек Даниэль. Пока его юная мама училась в институте, мы за ним присматривали. А потом у Даниэля родился братик. Махназ сначала назвала его Деонисом — чтоб были на одну букву с братом. Потом ей приснился сон, в котором Аллах ей подсказал, что сыну надо дать другое имя — Али.

Мы с женой малыша называли по-своему — Алеша.

С отцом братьям не повезло. Не стоит и говорить о нем...

Так вот, первые полгода за маленьким Али присматривала «мама Света», а потом нас попросили подыскать няню. Искали мы тщательно, пока в конце концов не остановили свой выбор на Любови Ивановне и Лиде Ивановне. Почему сразу две няни? Да потому что это были родные сестры, которые жили в собственном

доме в Дергачах: и от города недалеко, и воздух лучше, и фрукты-овощи, как сейчас говорят, с грунта, и козье молочко. Сестры были вдовыми, с высшим образованием и, как показало время, довольно порядочными людьми. У Любови Ивановны покойный муж был полковник, военный хирург, подолгу служил за границей. Сама Любовь Ивановна имела еще и опыт работы с детьми — много лет работала библиотекарем, воспитательницей в детском саду. Лидия Ивановна с супругом тоже всю жизнь работали в интеллигентной среде.

Все шло хорошо. Мальчик Алеша-Али набирал вес, нормально рос. Старшего его брата Даниэля, или как мы его называли в семье — Дани, моя супруга водила в школу учиться в подготовительной группе для поступления в первый класс. Мама братьев училась в одном из харьковских ВУЗов.

Когда малышу исполнилось два года, матери его пришлось на время уехать в Иран. Мы помогли собраться, посадили ее с детьми в машину, а ехать предстояло в Киев, тепло простились и пожелали доброго пути.

Проводив семейство, с нетерпением ждем от Махназ вестей. Она обещала позвонить как только самолет оторвется от земли. Но вместо долгожданного телефонного звонка, раздается звонок в дверь. Время позднее, за полночь, кто бы это мог быть?

Открываем дверь — на пороге наша Махназ! Распатланная, зареванная, со спящим Алешкой на руках.

— Нэ... нэ выпустили...

По щекам слезы ручьем.

А беда была вот в чем: Али-Алешу в аэропорту в Киеве пограничники не выпустили потому, что не хватило документа — разрешения отца на выезд за границу. Али то родился-то в Украине, в Харькове, хоть и записан по национальности «иранец»...

Махназ со слезами отдала сына в протянутые руки мамы Светы. В этом жесте были отчаяние и смирение, просьба и надежда на счастливый и скорый конец:

— Присмотрите за ним еще, пожалуйста! Мы с Дани, он в машине, опять в Киев, полетим в Иран — так надо, так надо... В Тегеране оформлю на Али документы и сразу же приеду, заберу Али... Хорошо, мама?

И мальчик остался с нами и с нянями.

2

Говорят, что нет ничего более постоянного, чем временное. Это был именно тот случай.

Началась жизнь в разлуке. Махназ в Иране обивала пороги посольства, чтобы помогли забрать младшего сына, встречалась с бывшим мужем Казымом, который взамен разрешения требовал крупную сумму денег, а у молодой матери таковой не имелось. С трудом нашла работу, но много денег быстро не заработать!

Шел месяц за месяцем, а потом месяцы слились в годы. Алеше исполнилось три годика, четыре, пять...

Никто из нас не был готов оказаться в такой ситуации. Кто мог предполагать, что возвращение Махназ затянется настолько? Мальчик, в общем-то, не был большой обузой для сестер-нянек. Да и мы больше тяготились неопределенностью, чем «не родным сыном». К чести матери, Махназ часто звонила, расспрашивала про Али, и, конечно же, исправно высылала на его содержание относительно нормальные деньги.

В ожидании приезда Махназ, мы все, как могли, готовили Алешу к встрече с матерью, которую он, к тому времени, уже плохо себе представлял.

Мы — это Люба и Лида, их третья сестра Люда, мама Света, автор этих строк, подруга нянь Алла Зинатуловна, друг Махназ по студенческой жизни Норик, Камран и Лейла.

Вскоре участие в судьбе мальчика приняла молодая пара Артем и Наташа. У них накануне случилось страшное и непоправимое несчастье — не стало семилетнего сына Ильюши.

Алешу готовили, можно сказать, и физически (чтоб был здоровенький!) и психологически.

Психологически потому, что мать свою он не знал и не помнил, общался с ней только телефону. Алешку ожидали сложности и потому, что мамой он называл и свою истинную мать — Махназ, и няню — Любовь Ивановну. Она была с ним более чем ласкова, искренне любила его как своего родного внука. Мальчику ненавязчиво, но постоянно рассказывали о Махназ, говорили, что она у него очень хорошая, добрая, красивая, любит его и скоро, совсем скоро за ним приедет. Чтобы больше сблизить их, сроднить, что ли, мы, научили Алешку кое-каким иранским словам: «Ман хэйли торо дусторан!» — я тебя люблю!

По телефону он общался и со своей иранской бабушкой со странным для нас именем — Кобра.

Все дни рождения Алешки мы отмечали большой компанией с тортом, свечами, подарками...

Его все искренне любили, да и как не любить веселого, жизнерадостного, красивого и очень доброго ребенка? Только придешь к нему домой, так он сразу тебе все игрушки несет, конфетами угощает, обнимает так крепко, словно мы ему родные. Проснется — сразу солнечно улыбается.

Мы с женой часто ездили в Дергачи. Встреча с иранским мальчиком была для нас праздником.

Ждали Махназ, ждали и уже начали говорить между собой о том, что будем делать, если вдруг у матери Алешки не получится приехать. Ну, не оформит она документы — ведь все бывает в жизни...

Тут-то и появились Артем и Наташа. Супруги подумывали взять в Доме ребенка чужого мальчика, чтобы усыновить. От моего сына Никиты они случайно узнали об Алеше, которого никак не может забрать мать. И однажды, познакомившись с ним, решили его усыновить. Если, разумеется, мать не появится и если согласится сына отдать в украинскую семью.

Вот такой большой компанией все жили в ожидании приезда Махназ. Каждый раз по телефону она говорила, что соскучилась, что скоро-скоро приедет, что приедет вот-вот. Но все время осуществить обещанное ей что-то мешало...

Няни больше всего боялись, чтобы мальчик не заболел. Но как это чаще всего бывает, так оно и случилось — Алешка заболел ангиной. Мы то по своему детству знаем, что ее не стоит бояться, но... После ангины у Алешки пошло осложнение на ноги: встал утром, а ноги не держат... Больно, говорит, и упал. Попытался стать на ноги и снова упал.

Кинулись искать знакомых врачей, больницу получше. Через моего Никиту вышли на Артема и Наташу. Артем — волонтер, делал в поликлинике ремонт и знал многих врачей еще по тому времени, когда лечили в 7-ой детской больнице их обреченного сына Илюшу.

В детской больнице Алешу сразу отправили в реанимацию. Врач оговорил: возможен летальный исход. Как же так? Слезы отчаяния... Почти сирота, в чужой стране, среди чужих людей, мать в далеком Иране...

В тот же вечер позвонила Махназ — материнское сердце словно почуяло беду...

Когда болеет свой ребенок, понятное дело, переживаешь. Болеет чужой ребенок, полностью доверившийся тебе — переживаешь вдвойне: и ответственность перед законом, и просто жаль маленького человечка, судьба которого сложилась так почти трагически...

Слава Богу, врачи сделали чудо и поставили-таки четырехлетнего парня на ноги. В прямом смысле. Когда мы пришли в больницу, у каждого из нас ныло сердце — сейчас увидим нашего любимчика прикованным к постели. И вдруг видим его бегущего к нам навстречу, а за ним еле поспевает няня Люба.

Любовь Ивановне нелегко пришлось — на руках носила мальчишку по этажам на анализы (лифт не работал). Артем и Наташа приносили лекарства и игрушки. Артем ему и велосипед потом принес. Алеша даже как-то сказал мечтательно: «Эх, вот бы у меня был такой папа...». А через несколько дней друзьям по палате сказал, что Артем — это его папа, из Эмиратов приехал...

Алешка шел на поправку и вдруг снова лечащий врач ошаршил: плохие анализы, подозрение на рак крови...

Мы все были в отчаянии и не знали что делать. Вопрос становился более чем серьезным. Оставалась одна надежда на повторный, более глубокий анализ крови. Решили Махназ пока не звонить — что ей говорить?!

В один из дней — о радость! Повторный анализ дал 99 процентов против одного, что у него не рак! Все облегченно вздохнули. И вечером даже выпили за здоровье нашего Алешки.

Когда его выписали из больницы, мы позвонили Махназ. Не вдаваясь в подробности, сказали, что Али немного болел, а сейчас уже все хорошо и что все мы с нетерпением ждем ее приезда. И опять она сказала, что скоро приедет, через два-три месяца. Алешка почти вырвал трубку, сказал, что все у него хорошо, что ждет ее приезда и свое обычное по-ирански: «Ман хэйли торо дусторан!»

Эти два-три месяца, к сожалению, вылились в год...

Предвидя сложность отношений между матерью и сыном, которые в общем-то, не знают друг друга, мы, можно сказать, самозванные опекуны, с нетерпением и некоторой боязнью ожидали приезда матери Алеши. Как-то перед сном он лег на кровать, заложил руки за голову и так по-взрослому сказал: «Ну что меня в жизни ждет?

Приедет мама-Махназ, заберет меня, а там меня не будут любить, будут обижать... Да и вам не лучше будет — вас в землю закопают...»

Маленький, а порой рассуждал как умудренный возрастом старик...

3

Ожидая приезда Алешиной матери, мы все как могли готовили мальчика к долгожданной встрече. Дабы помочь Махназ лучше узнать и проникнуться большей любовью к сыну, вел записи, которые в какой-то мере помогли бы ей понять внутренний мир и характер сына.

Вот они. Смотрим по телевизору передачу, где танцуют дети. Спрашиваю:

— А кто тебе больше нравится: девочки или мальчики?

Секунду подумав, Алеша говорит:

— Девочки.

— А почему?

Разводит руками:

— Так получается...

Алешка на работе у Лиды. Разглядывая женщин, говорит:

— А пожилым в брюках нехорошо...

Когда он балуется, соседи говорят няне Любе: да отшлепай ты его хорошенько, чтоб слушался. Няня отвечает: да как же его бить, он ведь не наш. Он это услышал. В следующий раз, когда няни грозятся отшлепать его, он говорит: а чего это вы бить меня будете — я ж не ваш! Приедет моя настоящая мама Махназ и заберет меня.

— А как же мы с Лидой и Людой? — спрашивает няня Люба.

— А я и вас с собой заберу.

Обиделся на то, что няня сделала замечание. Ушел в другую комнату, лег на диван, отвернулся к стене. Подошла няня Люба, погладила по головке:

— Ну не обижайся, давай помиримся, дай я тебя поцелую.

— Чтобы целовать, надо сначала прощения попросить...

Алеша ест у нас борщ.

— Борщ так себе, но с колбасой вкусный!

Потом с грустью в глазах:

— И когда я уже стану вашим сыночком?

Артем привез много игрушек и разных вещей, которые остались от сына. На другой день Алешка хвастается дергачевским друзьям:

— Это мой папа из Эмиратов привез!

Вечером бесился, что называется, ходил на голове. На все просьбы Любы и Лиды успокоиться не обращал внимания. И тогда Люба сказала, что раз он их не слушает, пусть живет сам, а они уйдут жить к соседям и, якобы собравшись, вышли на улицу. Алеша разразился горьким плачем. Когда они вернулись и сказали, что не собирались его бросать, что любят его, он сквозь слезы выговорил своих нянь:

— Разве можно так поступать с маленьким?

В электричке одна женщина спрашивает Алешу:

— Ты в садик ходишь?

— Нет.

— А почему?

— Потому что я нелегал...

Али разошелся вечером, сильно баловался, бегал, прыгал. Няни нашумели на него, он обиделся, руки на пояс и говорит:

— Вы меня обижаете потому, что я вам чужой...

Во дворе, на детской площадке, мальчишка, показывая на няню Любу, спрашивает у Алеши:

— А это кто?

— Моя мама.

— А почему она такая старая (ей 73 года)?

Не моргнув глазом, отвечает:

— Когда я был маленьким, она была молодая!

Няня Люба говорит:

— Скоро приедет твоя мама Махназ и заберет тебя в Эмираты. Ты будешь рад уехать?

— Я никуда не хочу отсюда уезжать, здесь мой дом.

— А если не хочешь от нас уезжать, то почему плохо нас слушаешься?

— А потому что вы со мной не строгие.

После телефонного разговора с Махназ, задаю Алеше провокационный вопрос:

— А кого ты больше любишь, маму Любу или маму Махназ?

Лукаво щурит глаза:

— Я люблю Люду, Лиду, маму Свету, маму Любу и маму Махназ!

Никого не хочет обидеть...

Говорили о том, что Алеша едет в Иран или в Эмираты. Он находит лист бумаги, протягивает нам:

— Напишите свои имена, а то уеду и забуду, как вас зовут...

4

И вот — случилось! Наконец-то Махназ приехала. Встреча была трогательная, все были безмерно рады. Рады и тому, что мать Алешки сделала все нужные документы для выезда Алешки-Али из Украины. И вновь объединившаяся семья готовилась к отъезду. Все одновременно и рады были, и вместе с тем грустили, что Алешка покидает нас. Вот уж поистине, как говорят в народе: не было бы счастья, да несчастье помогло. Быть может, уедет навсегда...

Вечером Алеша звонит младшей из трех сестер:

— Люда! Представляешь, я самый счастливый мальчик на свете — ко мне приехала моя родная мамочка!!!

Кроме всего прочего говорили и о том, что судьба мальчика свела людей разных национальностей: мы с супругой, Артем и Наташа — украинцы и русские, Алла — татарка, Нурик — азербайджанец, Махназ, Али, Камран и Лейла — иранцы. Задумывались ли мы помогая ребенку какой кто национальности? Все думали лишь об одном: как отвести беду, как помочь маленькому человечку.

На сей раз Алешу-Али выпустили из Украины. По телефону, уже с аэродрома, он сказал, что у них все в порядке и, волнуясь, прокричал сквозь гул самолета:

— Я вас никогда не забуду! Никогда, никогда, никогда!

Мы тебя тоже, дорогой наш Алешка. Ты, наконец, обрел маму —

стал счастливым. Мы так за тебя счастливы!

Мудрый человек сказал: «Чтобы стать счастливым, нужно сделать счастливым кого-то рядом с собой».

Счастье всегда рядом, надо только не проходить мимо...

Евгений ЧЕКАНОВ
СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

* * *

Не век же искать потаенную суть,
в слепящих мечтах пребывать, —
пора непокорную шею согнуть,
свое поражение признать,
признать, что не гений,
и что не пророк,
что от совершенства далек,
что жил, как умел,
что иначе не мог...

Но кто-то кричит в тебе:
— Мог!..

ДЕБРИ СЛОВА

Странное слово — «преданный»,
Двуликое, ненадежное.
Наверно, предок неведомый
Придумал неосторожно.

А может, вложил он сразу
Два смысла в один, особый —
Так странно и страшно связаны
Славянскою речью оба...

СТАРУХА С РЮКЗАКОМ

Мы мчимся вдаль!..
Так верить мы хотим,
Когда в тепле, без копоты и пыли,
По вымытым проспектам городским
В стремительном летим автомобиле.
От свиста шин, от визга тормозов
Захватывает дух в земном полете,

А за окошком — грохот поездов,
Гул самолетов...
Но на повороте
Вдруг видим мы идущую пешком
Иссохшую старуху лет под двести,
Придавленную тяжким рюкзаком, —
И понимаем:
мы стоим на месте!..

ДОЖДЬ В ИМПЕРИИ

В моей деревне дождь идет
Уже три дня, без перерыва.
И глина жидкая ползет
В реку со скользкого обрыва.

Мутится пенная река
И вдаль уносит пятна мути.
А за кустами ивняка
Мелькают вымокшие люди.

Движенья вижу, слышу речь,
Что и надсадна, и тосклива.
Они желают уберечь
Свой бедный берег от размыва,

Хотят избыть свою беду,
Свою грядущую потерю.
И помогать я им иду,
Хотя в успех почти не верю.
И вот уже который год
Копаюсь на краю обрыва...
В моей отчизне дождь идет
Уже сто лет, без перерыва.

У ВСПАХАННЫХ МОГИЛ

У вспаханных могил
Стою, угрюм и тих...
Кто меж собой стравил
Сородичей моих?

Кто сгреб их с отчих мест,
Чтобы сгноить в аду?
Кто сбросил древний крест?
Кто водрузил звезду?

Распаханная тишь,
Стареющая боль...
Догадываюсь лишь,
А ведать — суждено ль?

Сквозь белое костье,
Шипя, ползет змея...
О, кладбище мое!
О, родина моя!

К ИНОМУ БЫТИЮ

Всё те же слезы скудного житья,
Всё тот же стон над нищенскою нивой...
Оставь надежды, родина моя,
Тебе не стать богатой и счастливой!

Так много злобы в недругах твоих,
Что не видать ни равенства, ни братства.
Они сильны... Но главное не в них —
Сама бежишь ты счастья и богатства.

Стремясь всю жизнь к иному бытию,
Возжаждав правды, света и спасенья,
Ты утоляешь алкоту свою.
А скорбный стон — оплата утоленья.

ЗВЕЗДА УПАЛА

Грядущий день сиял тогда,
Иль день вчерашний?
Летела красная звезда
С кремлевской башни.

Я увидел кровавый блик
На расстояние —
И загадал я в тот же миг
Одно желанье.

Я загадал, чтоб никогда
В моей России
Не воцарялась та звезда
В минувшей силе,

Чтоб на клочущее зло,
На лютый пламень
Проклятье вечное легло,
Как тяжкий камень,

Чтоб — ни кровавого следа,
Ни красных басен...
Так загадал я. А звезда
Упала наземь.

Брусчатку древнюю прожгла
С глухим проклятьем
И в преисподнюю ушла —
К своим собратьям.

* * *

Выходя из железных ворот,
Ты крестом свою жизнь осенила —
И поверили мы, что спасет,
Сохранит тебя крестная сила.
Эта вера поныне жива,
Но не стать тебе, видно, смиренной:

Ты свободна — но ходит молва,
Что верна ты привычке тюремной.

Говорят, что буянишь и пьешь
И болтаешься, с кем ни попало.
Что ж ты, мамка, заешь тебя вошь,
Или мало тебя потрепало?

Если воля тебе тяжела,
Так хотя бы детей постыдилась —
Их-то, бедных, за что обрекла
Воровать да выпрашивать милость?

Не дури, пропадешь ни за грош,
Коли всё повторится сначала!
Вот опять ты молчишь. Вот ревешь
И сквозь слезы хрипишь:
— Осознала...

СЧЕТА

Что впереди? Надежд тщета.
А сзади? Нищета.
В почтовом ящике — счета.
Оплачивай счета!

За телефон, за свет, за газ,
За лишний метр земли.
За всё, что прадеды для нас
Оплошно сберегли.

Плати за ветхое жилье,
За утлый двор плати.
Контора пишет — и ее
Тебе не провести.

Тариф, расчет, перерасчет,
Надбавка за ремонт...

А завтра — счет за небосвод,
За ржавый горизонт,

За грязный грунт, за хлор в воде,
За ртуть в седых дождях,
За жизнь в болезнях и нужде,
За смерть. За бедный прах.

Плати за всё — и не крути
Похмельной головой.
Ты выбрал рынок? Заплати
За этот выбор свой!

ВОЙ У ОГРАДЫ

В тиши покоятся давно
Те, что бесчувственны и немы...
Но рядом — «форды» и «рено»,
И воют стереосистемы.

Как будто сонм нечистых сил
Воссел на дедовых могилах
И у ограды поселил
Цивилизацию дебилов.

Открытым дверцам нет конца...
Неужто впрямь они — навечно?
Не видно умного лица,
Не слышно тихого словечка.

Одни лишь туши потных тел
Да взглядов цепкие прицелы,
Да звук за сотню децибел...
Дебилы любят децибелы.

СВЕЧА

Идут года. Но помню я тот дом
И голос тот, во тьме дрожавший глухо.
— Ты молишься?
— Молюся.
— А о ком?
— А обо всех, — ответила старуха.
— И обо мне?
— Поди-ка спать ложись
И не броди тут попусту до свету!
— Иду, бабусь... А есть у мертвых жизнь?
— А ты как думал? Неужели нету!
И я не знала... Да случилось мне
С покойною сестрицею моею
Запрошлым летом свидеться во сне.
Вот как с тобой, беседовала с нею.
Поговорили о делах мирских,
Да как живу... А я живу-то просто —
Не ем на злате, не хожу в куски
И доплетусь однажды до погоста.
Ой, что там я! Об дочке вот реву:
Мужик в бегах, одной зарплаты мало.
И не помочь, без пензии живу —
Военных справок не насобирала.
Дед слепнет, катаракта у его,
А сын все пьет... Почто, скажи на милость?
Зальют глаза, не видят ничего...
Уж под конец я, дура, спохватилась —
Присела против явленной души
И говорю ей этак осторожно:
«А ты хоть мне маленько расскажи,
Как тут живут, и чье тут царство... Божье?»
А та вздохнула тяжело, словно вьявь:
«И тут всё то же... Только свету мало.
Ты нам хоть свечку, милая, поставь,
Нехорошо в потемках...»
И — пропала.

...Идут года. Но только стоит мне
Закрыть глаза — и вижу я мгновенно
И темный дом, и тени на стене,
И бабу, преклонившую колена.
Пред нею жарко теплится свеча
И яркий свет горит в глазах открытых...
О, как ее молитва горяча
О всех ушедших, темных, позабытых!

ВЫПАВШИЙ ИЗ ОБОЙМЫ

В те времена, а может быть, мгновенья,
Когда металл дырявил людям лбы,
Я выпал из обоймы поколенья
И зазвенел по лестнице судьбы.

Случайно, или впрямь по высшей воле
Спасенный силой чьих-нибудь молитв,
Я избежал смертельной общей доли,
Остался цел в эпоху вечных битв.

Сверкали вспышки близко и далеко
И пропадали смертники-друзья...
О, сколько лет звенел я одиноко
На каменных ступенях бытия!

Но в некий миг, когда совсем немного
Мне оставалось прыгать невпопад,
Мой легкий звон привлек внимание Бога —
И Он меня нашарил наугад.

Я не вернулся — просто встал на место,
И сразу вспомнил молодость свою,
И сразу понял: здесь не так уж тесно —
В обойме, поистраченной в бою.

Как светлый блик, звенит мое мгновенье
Сквозь мрак времен, сквозь вечный дым и смрад.
Не отвергай собрата, поколение!
Мой порох сух, и в целости заряд.

Рванется сердце молнией лучистой —
И ахнет ад! И вздрогнет Божья рать.
За Богом — цель. За мной — прицельный выстрел.
В эпоху битв положено стрелять.

ПЫЛЬ ЗЕМЛИ

Струится свет из звездного ковша,
Летающий мир незримо омывая.
Пылит Земля. Грустит моя душа
О чистоте неведомого рая.

Но здесь мой дом. Вращаясь и пыля,
Я должен жить в летающем мире этом.
Я должен жить в пыли твоей, Земля,
Хоть вся душа омыта звездным светом!

БЕЗ МЕНЯ

Жив иль мертв? Не знаю, не отвечу.
Может, жизнь идет и без меня —
Запад алчет, Русь таит Предтечу,
На Востоке множится грызня.

Праведники молча держат веру,
Толпы уплывают к сатане.
Корабли дырявят атмосферу,
Чьи-то тени бродят по Луне.
Где же я? Вращается планета,
День и ночь проходят чередой.
Жизнь идет. Вопросы ждут ответа.
Вечный дух витает над водой.

* * *

Твоих зрачков гречишный мед
Прозрачен и тягуч.
Июньский воздух брошен в жар
Сверкающей листвой.
Летит на город светлый дождь
Из невесомых туч.
Сбивая пыль ненужных слов,
Смывая возраст мой.

Мне вновь шестнадцать!.. Как и ты,
Поверх голов и крыш
На мир смотрю я... Как и ты,
Чудес от жизни жду.
А вот и есть уже одно —
Ты на меня глядишь.
И под сверкающим дождем
Стою я, весь в меду...

* * *

Я дверь открыл —
она у входа.
К устам доверчивым приник...
Какая страшная свобода
Меня пронзила в этот миг!
Судьбы небесная страница
Ждала движенья на земле.
Еще не поздно —
отстраниться,
Другую дверь найти во мгле...

ПЛАТЬЕ

Я одену тебя в поцелуи!
Ни колючие иглы ветров,
Ни дождей леденящие струи
Не пробьют невесомый покров.

Не коснутся незримого тела
Наглый взгляд и чужая рука —
В этом платье свободно и смело
Ты со мною пойдешь сквозь века!

ВОСЕМЬ СТРОЧЕК

Один, как перст,
в убогой комнатухе,
при свете лампы
в сорок грязных ватт
поэт поёт
веселые частушки,
по струнам ударяя невпопад.

Нет, он не пьян.
Он выпил, это правда.
Но весел он
отнюдь не от вина.
Он восемь строчек
сочинил недавно —
И строчки те
узнает вся страна.

А не узнает —
право, ей же хуже.
Ведь в этих строчках —
путь к любой душе.
Без них вся жизнь
пойдет скудней и суше...
Но он нашел их!
Он нашел уже!

Ему открыта
истина святая!
И потому
струится пыльный свет,
бросает тень

бутылка початая,
звенит струна
и в стенку бьет сосед...

ТАЙНА ЛЮБВИ

Разгадай эту тайну, логик:
Ты приходишь, весь мир любя,
А уходишь, любя немногих,
Иногда — одного себя.

Разгадай эту жизнь, философ:
Неужели так может быть —
От пеленок до смертных досок
Отучаемся мы любить?

Кто же в наши сердца вдыхает
Столь великий и чистый свет,
Что на целую жизнь хватает?
Разгадай этот мир, поэт!

Андрей КРАСНЯЩИХ
ПИСАТЕЛИ В ХАРЬКОВЕ.
БУНИН

Не сказать чтобы так уж много нобелиатов были связаны с Харьковом: Илья Мечников (премия по физиологии и медицине, 1908), Лев Ландау (по физике, 1962), Семен Кузнец (по экономике, 1971) — и первый русский нобелевский лауреат по литературе (1933) Иван Бунин (1870 — 1953).

Именем Мечникова назван в Харькове переулок в центре, упирающийся в НИИ микробиологии, вакцин и сывороток им. И. И. Мечникова, напротив которого в 2005 году поставлен Мечникову памятник. На доме, где Мечников жил в гимназические и студенческие годы, висит мемориальная доска. Имя Ландау носит теперь, с 2015-го — после декоммунизации — в Харькове проспект, памятная доска — на корпусе Политеха, где он работал в 1931 — 1937 гг., мемориальный музей — в старом корпусе физико-технического института. В 2011-м на бывшем здании коммерческого института, где в 1918 — 1919 гг. учился Кузнец, появилась памятная доска, с 2013 года Инжек — национальный экономический университет — имени Семена Кузнецца, в 2015-м Ревкомовские улицу и переулок переименовали в Семена Кузнецца. Всем трем нобелевским лауреатам поставили памятники возле Харьковского национального университета. Но — только трем. О Бунине Харьков почему-то всегда забывает, напрочь не помнит: ни памятника [1], ни улицы [2], ни таблички на доме, где жил.

А вот Бунин о Харькове помнит, его описание в романе «Жизнь Арсеньева» (1930), за который он и получил Нобелевскую, — наверное, самый лиричный образ Харькова во всей мировой литературе:

«В Харькове я сразу попал в совершенно новый для меня мир.

В числе моих особенностей всегда была повышенная восприимчивость к свету и воздуху, к малейшему их различию. И вот первое, что поразило меня в Харькове: мягкость воздуха и то, что света в нем было больше, чем у нас. Я вышел из вокзала, сел в извозчиьи сани, — извозчики, оказалось, ездили тут парой, с глухарями-бубенчиками и разговаривали друг с другом на „вы”, —

оглянулся вокруг и сразу почувствовал во всем что-то не совсем наше, более мягкое и светлое, даже как будто весеннее. И здесь было снежно и бело, но белизна была какая-то иная, приятно слепящая. Солнца не было, но света было много, больше во всяком случае, чем полагалось для декабря, и его теплое присутствие за облаками обещало что-то очень хорошее. И все было мягче в этом свете и воздухе: запах каменного угля из-за вокзала, лица и говор извозчиков, громыханье на парных лошадях бубенчиков, ласковое зазыванье баб, продававших на площади перед вокзалом бублики и семячки, серый хлеб и сало. А за площадью стоял ряд высочайших тополей, голых, но тоже необыкновенно южных, малорусских. А в городе на улицах таяло...» [3].

«<...> глаза разбегались на эти улицы, казавшиеся мне совершенно великолепными, и на то, что окружало меня: после полудня стало совсем солнечно, всюду блестело, таяло, тополя на Сумской улице возносились верхушками к пухлым белым облакам, плывшим по влажно-голубому, точно слегка дымящемуся небу...» [4].

«Жизнь Арсеньева» — роман во многом автобиографический, главный герой-рассказчик Алексей Арсеньев — alter ego писателя. Вот и в «Автобиографической заметке» (1915) Бунина говорится: «Между тем благосостояние наше, по милости отца, снова ухудшилось. Брат Юлий переселился в Харьков [5]. Весной [6] 1889 года отправился и я туда и попал в кружки самых завязтых „радикалов“, как выражались тогда, а пожив в Харькове, побывал в Крыму <...>» [7].

А вдова писателя Вера Муромцева в «Жизни Бунина» (1958) конкретизирует и добавляет: «Харьков поразил его и великолепием магазинов, и высотой каменных домов, и огромностью площадей, и собором» [8]. Не лишним будет заметить, что Харьков — первый по-настоящему крупный губернский город, который он увидел (губернский Орел — по дороге в Харьков, — мало чем отличающийся от уездного, все же не в счет), по сути, деревенский мальчик («Лет с семи началась для меня жизнь, тесно связанная в моих воспоминаниях с полем, с мужицкими избами <...>. Чуть не все свободное от учения время я <...> провел в ближайших от Бутырок деревушках, у наших бывших крепостных и у однодворцев. Явились друзья, и порой я по целым дням стерег с ними в поле скотину...» [9]), выросший в усадьбе и, после того как бросил уездную елецкую

гимназию, вернувшийся снова в деревню.

Итак, старший брат писателя Юлий Алексеевич Бунин (1857 — 1921) — тоже литератор, поэт и публицист, а еще революционер-народник — жил в Харькове в 1881 — 1884 и потом в 1889 — 1890 годах. Весной 1881-го его — студента математического факультета Московского университета — сослали сюда за участие в студенческих беспорядках, он доучивался в Харьковском университете и окончил его в 1882-м. В Харькове Юлий Бунин руководил местным народническим кружком, писал социалистические брошюры, которые печатались в подпольной типографии, выступал перед рабочими — чем снова привлек к себе внимание политической полиции, разыскивался, был арестован и отправлен на три года под гласный надзор в ссылку — на этот раз в родовое имение Буниных в селе Озерки Елецкого уезда Орловской губернии (ныне Елецкий район Липецкой области). В Озерках Юлий Алексеевич был домашним учителем брату Ивану, который только что из-за болезни оставил елецкую гимназию, и прошел с ним весь гимназический курс: языки, философию, психологию, общественные и естественные науки и, разумеется, литературу. Отправившись в 1889 году вслед за братом в Харьков, восемнадцатилетний Иван Бунин поселился у него в доме № 12 [10] по Скрипницкому спуску (ныне — улица Воробьева): «В какой-то узкой улочке, идущей под гору, в каменном и грязном дворе, густо пахнущем каменным углем и еврейскими кухнями, в тесной квартирке какого-то многосемейного портного Блюмкина...» [11] Думается, Юлий снимал квартиру именно здесь, потому что практически центр, пять минут подняться — и Пушкинская, еще две минуты — и Сумская; при этом, должно быть, очень дешево — так как еврейский район: от Куликовской вниз к реке и прилегающие кварталы, Харьковская губерния, к слову, вообще не входила в черту оседлости, единственная из украинских, но евреев — купцов, ремесленников, отставных солдат, студентов, предпринимателей, которым разрешалось селиться вне черты, — в Харькове жило много (только официально, по переписи 1887 года, 1207 семей). Та улица, где Юлий снимал квартиру, как раз находилась между двумя (их и было в Харькове только две на то время) синагогами — «солдатской» внизу и «купеческой» наверху.

В день приезда Бунин, сиречь Арсеньев, познакомился и с харьковскими друзьями брата, о которых был наслышан от него еще

дома, — теми самыми «завзятыми „радикалами”». Собирались они в «кухмистерской (т. е. столовой — А. К.) пана Лисовского», где Бунину особенно запомнились «красный горячий борщ» и «стойка с превосходными и удивительно дешевыми закусками, — особенно хороши были как огонь горячие и страшно перченые блинчатые пирожки по две копейки штука» [12].

Революционные идеи, несмотря на всю любовь к старшему брату и его авторитет, были Бунину не близки, наоборот, уже тогда вызывали неприятие — эстетическое прежде всего [13]. Но со многими друзьями Юлия он сошелся, они стали и его добрыми приятелями: одно дело идеи, другое — сами люди; к тому же иного круга общения, кроме братова, у него в Харькове не было. В «Жизни Арсеньева» он пишет: «В среде подобных людей я и провел мою первую харьковскую зиму (да и многие годы впоследствии). <...> Мы в ту зиму чаще всего бывали у Ганского, человека довольно состоятельного, затем у Шкляревич, богатой и красивой вдовы, где нередко бывали знаменитые малорусские актеры, певшие песни о „вильном казацтви” и даже свою марсельезу — „До зброи, громада!”» Муромцева дополняет: «Он прожил в каморке Юлия месяца два (до первого отъезда из Харькова — А. К.), его полюбили, но он был юноша непокладистый, не скрывал своего отрицательного отношения к тому, что ему не нравилось, бросался в споры со всеми, несмотря на возраст и уважение, которое окружало того или другого человека. С некоторыми он подружился, в том числе с Босяцкими, присяжным поверенным и его женой Верой, с которой скоро перешел на „ты”, так как они подходили друг к другу по возрасту. Много позднее мы с Иваном Алексеевичем один раз были у них в Москве; действительно, милые, умные, приятные люди. Сошелся с семьей Воронец [14]. Подружился он с одним поляком-пианистом, богатым человеком» [15].

К слову, о «юноше непокладистом» и портрете писателя в юности, пока еще только поэта. Стихи Бунин писал с восьми лет и к моменту переезда в Харьков уже даже дважды опубликовался, причем не в какой-то региональной заштатной прессе, а в столичных журналах, известных и читаемых везде: в 1887-м в еженедельнике «Родина» и в 1888-м в «Книжках Недели». Разумеется, в Харькове Бунин ощущал себя если не уже признанным поэтом, то приближающимся к всенародному признанию — и, конечно же, мечтал о книге, своем

первом сборнике стихов. Сборник «Стихотворения» выйдет у него через два года в 1891-м в Орле, и Муромцева об этом пишет:

«Это была его заветная мечта, о которой он во время своего пребывания в Харькове поведал друзьям, и один из них обрушился на него:

— Что вы затеваете, ведь вы будете рвать на себе волосы через несколько лет от стыда!

Но наш поэт не внял мудрому голосу, а все силы приложил, чтобы его мечта осуществилась. И как потом всю жизнь, до самой смерти, сокрушался он о своем поступке. Много бы дал, чтобы эта книжка сгинула с лица земли...» [16]

Но среда общения брата в целом не была литературной: сослуживцы по земской статистике, интеллигенция, театральные люди, — а юный поэт, так стремившийся инициироваться в большой литературе, искал именно литературных знакомств. С настоящими же писателями в то время в Харькове было туго: за год до этого покончил с собой Гаршин, живавший у матери в Харькове наездами (вот бы с кем Бунин с удовольствием познакомился, Гаршина он очень любил), довольно известный публицист Александра Калмыкова в 1885-м переехала из Харькова в Петербург, беллетрист Григорий Данилевский тоже давно уже жил в Петербурге. Все, что ему досталось тогда из литературных контактов в Харькове, это жена (а сам, этнограф и археолог, отсутствовал в экспедициях; да и вообще он не был харьковчанином) писателя-народника Филиппа Нефедова и писательница того же ранга, что и Нефедов, Александра Шабельская [17]. И Нефедова, и Шабельскую Бунин читал, и, хотя прочитанное ему совершенно не нравилось, выбирать было не из чего. Свой визит к Шабельской Бунин подробно описывает в «Заметках (о литературе и современниках)» (1929), ведь, как бы то ни было, это его первое литературное знакомство — с полноценным, печатающимся и известным, писателем. Описывает с большим сарказмом, впрочем, и по отношению к самому себе:

«Мне было семнадцать лет [18], я впервые приехал в Харьков. До этой поры я, выросший в деревне, не видал, конечно, даже издали ни одного живого писателя, а меж тем трепетал при одной мысли увидеть его воочию. Писатели представлялись мне существами столь необыкновенными, что я был бесконечно счастлив даже знакомством в Харькове с женой писателя Нефедова. Я уже читал

тогда этого писателя и хорошо понимал, сколь он скучен и бездарен. Но все равно — он был все-таки „настоящий” и очень известный в то время писатель, и вот я даже на жену его смотрел чуть не с восторгом. Легко представить себе после этого, что я испытал, случайно узнав однажды, что в Харькове живет писательница Шабельская, та самая, которая когда-то сотрудничала в „Отечественных записках”! Я из всех ее произведений читал только одно: „Наброски углем и карандашом” [19]. Произведение это было скучнее даже Нефедова и, казалось бы, уж никак не могло воспламенить меня желанием познакомиться с его автором. Но я именно воспламенился: узнав, что эта самая Шабельская живет в Харькове, тотчас же решил бежать хоть на дом ее взглянуть, и так и сделал: в тот же день пробежал несколько раз взад и вперед мимо этого замечательного дома на Сумской улице. Дом был как дом, — каких сколько угодно в каждом русском губернском городе. И все-таки он показался мне необыкновенным.

Брат смеялся, узнав о моем намерении нанести визит в этот дом:

— Не советую, — она совершенно неинтересна. И притом необыкновенно бестолкова. Познакомившись со мной, стала хвалить твои стихи в „Неделе”, приписывая их мне. Я говорю: „Покорно благодарю, но только это не мои стихи, а моего младшего брата”. Не понимает: „Да, да, а все-таки вы не скромничайте, — стихи ваши мне очень понравились...” Я еще раз говорю, что это не мои, а твои стихи, — опять не понимает!

Я, конечно, все-таки пошел» [20].

Визит, понятно, закончился ничем:

«Точно ли она была старушка? Ничуть — ей было, я думаю, лет сорок пять, не более. Помню, однако, именно старушку, очень милую, с испуганным взором, видимо, чрезвычайно польщенную, что к ней явился поклонник. Уж на что я был смущен, а все-таки не мог не заметить, что она смущена еще более. Она даже не могла удержать счастливой и растерянной улыбки:

— Так, так, — бормотала она. — Так вы, значит, читали меня? Как это приятно, как мило с вашей стороны! А я вот читала стихи вашего брата...

Я мягко, но очень настойчиво повторил то самое, что уже говорил ей брат: это не его стихи... Но бестолковость ее, видимо, не имела предела. Она нежно улыбнулась и опять закивала головой:

— Да, да, ваш брат прекрасно пишет! И какая удача: уже попал в „Неделю”! Ведь это первые его стихи?

С тем я и ушел от нее» [21].

Но да ладно, писатель же должен быть немного не от мира сего — весь в себе. Во всяком случае, в «Жизни Арсеньева», где эпизода с Шабельской нет, интонация не саркастическая, а лирическая, меланхолическая и самопортрет писателя в Харькове именно таков: «Так прошла зима.

По утрам, пока брат был на службе, я сидел в публичной библиотеке [22]. Потом шел бродить, думать о прочитанном, о прохожих и проезжих, о том, что почти все они, верно, по-своему счастливы и спокойны — заняты каждый своим делом и более или менее обеспечены, меж тем как я только томлюсь смутным и напрасным желанием писать что-то такое, чего и сам не могу понять, на что у меня нет ни смелости решиться, ни умения взяться и что я все откладываю на какое-то будущее, а беден настолько, что не могу позволить себе осуществить свою жалкую заветную мечту — купить хорошенькую записную книжку: это было тем более горько, что, казалось, от этой книжки зависит очень многое — вся бы жизнь пошла как-то иначе, более бодро и деятельно, потому что мало ли что можно было записать в нее! Уже наступала весна, я только что прочел собрание малорусских „Дум” Драгоманова [23], был совершенно пленен „Словом о полку Игореве”, нечаянно перечитав его и вдруг поняв всю его несказанную красоту, и вот меня уже опять тянуло вдаль, вон из Харькова: и на Донец, воспетый певцом Игоря, и туда, где все еще, казалось, стоит на городской стене, все на той же древней ранней утренней заре, молодая княгиня Евфросиния, и на Черное море казацких времен, где на каком-то „білом каміні” сидит какой-то дивный „сокіл-білозірець”, и опять в молодость отца, в Севастополь...

Так убивал я утро, а потом шел к пану Лисовскому — возвращался к действительности, к этим застольным беседам и спорам, уже ставшим для меня привычными. Потом мы с братом отдыхали, болтали и валялись на постелях в нашей каморке, где после обеда особенно густо пахло сквозь двери еврейской трапезой, чем-то теплым, душисто-щелочным. Потом мы немного работали, — мне тоже давали иногда из бюро кое-какие подсчеты и сводки. А там мы опять шли куда-нибудь на люди...» [24].

И как обычно — необходимое дополнение Муромцевой:

«В Харькове он прожил месяца полтора-два (см. выше — А. К.). Прожил приятно. Волновал его город, казавшийся ему огромным, пленявший его своим светом, распускающейся зеленью высоких тополей, грудным говором хохлушек, медлительностью и юмором хохлов.

Но времени он не терял: по утрам проводил несколько часов в библиотеке, где стал знакомиться и с литературой по украиноведению, читал и перечитывал Шевченко, от которого пришел в восхищение, но больше всего его увлекало „Слово о полку Игореве“, которое он изучал. Оценив „несказанную красоту“ этого произведения, решил побывать во всех местах, где происходила эта поэма. Многие он запомнил наизусть и часто читал целые куски Юлию, когда они после обеда отдыхали в их каморке, особенно восхищаясь „Плачем Ярославны“. Размышлял и о „Думах“ Драгоманова.

Иногда заходил в трактир, когда оказывалась мелочь в кармане, где прислушивался к новому для себя языку, наблюдал за женщинами, которые нравились ему своими повадками, загорелыми лицами, черными глазами, за местными мужиками, которые сильно отличались от великороссов. Бродил и просто по улицам, изучал толпу, словом, времени не терял. <...>

После обеда они с братом возвращались в свою каморку и отдыхали, — это время Ваня очень любил, оно напоминало озерскую жизнь, их прежние бесконечные беседы. В эти часы он рассказывал о прочитанном, много говорили о Громаде, о том движении, которое начиналось в Малороссии <...>» [25].

В Харькове Иван Бунин — выезжая временами то в Крым, то в Орел, то в Озерки — прожил приблизительно полгода, но и потом, в течение следующего полугодия, работая корректором и театральным критиком в газете «Орловский вестник», не раз бросал работу и приезжал сюда. А после Харькова братья Бунины переехали жить и работать в Полтаву: старший заведовал статистическим бюро губернского земства, младший служил в земской управе библиотекарем («хранителем») и статистиком и писал в газеты.

Муромцева в «Жизни Бунина» пишет: «За время пребывания в Харькове он очень изменился и физически, и умственно, и душевно. Он обогатился знаниями по украинскому вопросу <...>» [26].

Да, украинская тема и в романе — одна из самых существенных. Украина для Арсеньева — «чудесная страна», дарующая свободу:

«Страна же эта грезилась мне необозримыми весенними

просторами всей той южной Руси, которая все больше и больше пленяла мое воображение и древностью своей и современностью. В современности был великий и богатый край, красота его нив и степей, хуторов и сел, Днепра и Киева, народа сильного и нежного, в каждой мелочи быта своего красивого и опрятного, — наследника славянства подлинного, дунайского, карпатского. А там, в древности, была колыбель его, были Святополки и Игори, печенег и половцы, — меня даже одни эти слова очаровывали, — потом века казацких битв с турками и ляхами, Пороги и Хортица, плавни и гирла херсонские...» [27].

И знакомство с этой страной началось для Арсеньева-Бунина в Харькове, Харьков стал для него воротами в Украину. Можно даже сказать и так: влюбившись в Харьков, Бунин, Арсеньев, влюбился и в Украину — это не будет преувеличением. Вот и Муромцева вполне безапелляционна: «За жизнь в Полтаве у него окрепла начавшаяся в Харькове любовь к Малороссии, по-нынешнему к Украине, которую он исходил и изъездил вдоль и поперек <...>» [28].

В конце романа, уже вдоволь поездив по Украине, пожив в Полтаве, побывав в Крыму, Киеве, Николаеве, Кременчуге и других местах (а также в Смоленске, Витебске, Петербурге), герой объясняет своей невесте:

«— Ты говоришь — Петербург. Если бы ты знала, какой это ужас и как я там сразу и навеки понял, что я человек до глубины души южный. Гоголь писал из Италии: „Петербург, снега, подлецы, департамент — все это мне снилось: я проснулся опять на родине”. Вот и я так же проснулся тут. Не могу спокойно слышать слов: Чигирин, Черкасы, Хорол, Лубны, Чертомлык, Дикое Поле, не могу без волнения видеть очеретяных крыш, стриженных мужицких голов, баб в желтых и красных сапогах, даже лыковых кошелок, в которых они носят на коромыслах вишни и сливы. „Чайка скиглить, литаючи, мов за дитьми плаче, сонце гріє, витев віє на степу козачем...” Это Шевченко, — совершенно гениальный поэт! Прекраснее Малороссии нет страны в мире» [29].

И то же самое — вне романа: «Он говорил мне, что это первое странствие по Малороссии было для него самым ярким, вот тогда-то он окончательно влюбился в нее, в ее дивчат в живописных расшитых костюмах, здоровых и недоступных, в парубков, в кобзарей, в белоснежные хаты, утонувшие в зелени садов, и восхищался, как всю эту несказанную красоту своей родины воплотил в своей поэзии простой крестьянин Тарас Шевченко!» [30].

Примечания

[1] Правда, во дворе ресторана «Эрмитаж» (ул. Максимилиановская, 18) стоит небольшой — среди прочих: Сковороде, Толстому, Достоевскому, Гумилеву, Ахматовой, Пастернаку, Булгакову с Бегемотом, медведю с рыбой в пасти, Цветаевой, Маяковскому, Есенину, Шукшину, Высоцкому, харьковчанке Гурченко и отчего-то Столыпину, — но это из серии ресторанной скульптуры типа садовых гномиков. Харьковский рестораторы такое любят: бронзовые профессор Преображенский и Шариков около ресторана «Шарикoff», Остап Бендер, Эллочка-людоедка, Киса Воробьянинов-Папанов и Киса Воробьянинов-Филиппов возле кафе «Veranda21», Хемингуэй у входа в паб «Старик Хэм».

[2] А в Одессе, Кривом Роге и др. городах есть.

[3] Бунин И. Жизнь Арсеньева. Стихотворения. СПб., «Бионт», «Лисс», 1994, стр. 155 — 156.

[4] Там же.

[5] «Брат Георгий уехал опять в Харьков и опять, как когда-то, бесконечно давно, когда его везли в тюрьму, в светлый и холодный октябрьский день. Я провожал его на станцию. Мы резво катили по набитым, блестящим дорогам, отгоняли бодрими разговорами о будущем грусть разлуки, ту тайную боль о прожитом сроке жизни, которому всякая разлука подводит последний итог и тем самым навсегда его заканчивает. „Все, Бог даст, устроится! — говорил брат, себялюбиво не желая огорчать себя, своих надежд на харьковскую жизнь. — Как только осмотрюсь немного и справлюсь со средствами, тотчас же выпишу тебя. А там видно будет, что и как...”» («Жизнь Арсеньева», 1994, стр. 146).

[6] А в «Жизни Арсеньева» декабрь — абберация памяти? Или так нужно было для романа, чтобы Харьков, и так по описанию сказочный, предстал совсем уже рождественской сказкой?

[7] Бунин И. Автобиографическая заметка (Письмо С. А. Венгерову). — В кн.: Бунин И. Собрание сочинений в четырех томах. Том 1. М., «Правда», 1988 («Библиотека „Огонек”»), стр. 10.

[8] Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина (1870 — 1906). — В кн.: Бунин И. Собрание сочинений в тринадцати томах. Том 10. Портреты; Критика; Слово о Бунине. М., «Воскресенье», 2006, стр. 333.

[9] Бунин И. Автобиографическая заметка, стр. 6.

[10] Дом стоит как есть, памятной «бунинской» таблички на нем, как уже сказано, нет, но его жители знают, рассказывают, что там жил Бунин и что скоро табличка будет. И — ремарка в сторону: на той же улице (в доме № 6; таблички тоже нет) за сорок лет до этого жила, приехав в Харьков, и бунинская землячка из Елецкого уезда Орловской губернии — Мария Александровна Вилинская (1833 — 1907), русская дворянка, что стала украинской писательницей Марко Вовчок.

[11] Бунин И. Жизнь Арсеньева, 1994, стр. 156.

Что же касается Блюмкина, то в романе фамилии изменены. Дмитрий Губин в «Харькове Ивана Бунина» (газета «Время» от 22 октября 2020 г.) говорит, что портного, сдававшего комнату Бунину, звали Михель Лейбович Ханцель.

[12] Там же, стр. 157.

[13] А не нравилось ему — юному поэту байронического типа, что народовольцы в грош не ставят его кумиров Толстого — за «проповедь неделания» — и Чехова, за «политическое безразличие», но особенно, как написано в «Жизни

Арсеньева», «...» я просто не мог слушать, когда мне даже шутя (а всё-таки, разумеется, наставительно) напоминали: “Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!” — когда в меня внедряли эту обязательность, когда мне проповедовали, что весь смысл жизни заключается “в работе на пользу общества”, то есть мужика или рабочего. Я из себя выходил: как, я должен принести себя в жертву какому-нибудь вечно пьяному слесарю или безлошадному Климу, да и Климу-то не живому, а собирательному, которого в жизни замечают так же мало, как любого едущего по улице извозчика <...>. Я истинно страдал при этих вечных цитатах из Щедрина об Иудушках, о городе Глупове и градоначальниках, въезжающих в него на белом коне, зубы стискивал, видя на стене чуть не каждой знакомой квартиры Чернышевского или худого, как смерть, с огромными и страшными глазами Белинского, приподнимающегося со своего смертного ложа навстречу показавшимся в дверях его кабинета жандармам». А коллеги брата, видя всё это, ещё и подыздёвывались над ним: «— А вы, Алёша, опять кривите свои поэтические губы?» Но — по-доброму, из романа это видно.

[14] Искусствовед Эммануил Воронец входил в тот же народнический кружок, что и Юлий Бунин. А ещё Федор Ребинин, железнодорожный служащий, дед балерины Ольги Лепешинской Василий Лепешинский и др. Иван Бунин был к ним вхож, бывал на собраниях кружка.

[15] Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина (1870 — 1906), 2006, стр. 333.

[16] Там же, стр. 348.

[17] Вот она действительно харьковчанка. Александра Станиславовна Монтвид (1845 — 1921), литпсевдоним — Шабельская, по фамилии матери, родилась в родовом поместье в Изюмском уезде Харьковской губернии, окончила Харьковский институт благородных девиц, была членом правления Харьковского общества распространения в народе грамотности. Печаталась в журналах «Отечественные записки», «Северный вестник», «Русское богатство», «Новое слово», «Вестник Европы» и т. д., автор романов «Горе побежденным» (1881), «Три течения» (1888), «Друзья» (1894), нескольких комедий и др. Кстати, переложила свою повесть «Накануне Ивана Купала» на украинский.

[18] Вот опять. Восемнадцать.

[19] Очерки, вышли в 1884-м.

[20] Бунин И. Заметки (о литературе и современниках). — В кн.: Бунин И. Собрание сочинений в тринадцати томах. Том 10. Портреты; Критика; Слово о Бунине. М., «Воскресенье», 2006, стр. 54 — 55.

[21] Там же, стр. 55.

[22] В 1886-м в Харькове появилась первая в Российской империи общественная библиотека, ныне имени Короленко. До сентября 1889-го она находилась в помещении городского купеческого банка на Торговой площади, сегодня это Павловская, 10, затем переехала на улицу (теперь проспект) Московскую, 4, — оба здания не сохранились.

[23] Имеются в виду «Исторические песни малорусского народа с объяснениями В. Антоновича и М. Драгоманова» (в 2 томах, изданы в Киеве в 1874 — 1875 гг.).

[24] Бунин И. Жизнь Арсеньева, 1994, стр. 163 — 164.

[25] Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина (1870 — 1906), 2006, стр. 335 — 336.

[26] Там же, стр. 338.

[27] Бунин И. Жизнь Арсеньева, 1994, стр. 170.

[28] Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина (1870 — 1906). 2006, стр. 380.

[29] Бунин И. Жизнь Арсеньева, 1994, стр. 244.

[30] Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина (1870 — 1906), 2006, стр. 347.

Эндрю СВЕДЛОВ

«Я БЕЗМОЛВЕН, НО НЕ ИСПОЛНЕН БЛАГОГОВЕНИЯ»

КИЕВСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОКЗАЛ

Зал ожидания центрального железнодорожного вокзала.
Тридцать гривен за место на третьем этаже колодца с кожаными диванами.
Позолоченные люстры и потолок, с лепниной из гипса,
Медальоны с картинами промышленных предприятий,
С гирляндами и декоративными щитками.
Коринфские пилястры и потолок окрашены в глубокий красный цвет—
Яркий контраст с грязным инкрустированным полом из мрамора.
Некогда величественный улей кажется обветшалым,
Одинокая девушка-продащица разливает водку в рюмки,
продает на закуску черствые пирожные и шоколад.
Я жду и впитываю капли архитектурного интерьера, кап—кап—кап.
Я кладу голову на жесткий красный кожаный подлокотник старого
засиженного дивана.
Спиной к холодной черной слякотной ночи, к сотам окон,
Погружаюсь в похмелье, которое в Киеве наступает ранним
вечером.

ШЕПОТ ШЕВЧЕНКО

Скажи, а ты слышишь шёпот Шевченко сквозь заснеженные сумерки??
Его уже почти никто уже не слышит —
Ни на заводах, ни в полях, ни на огромной площади.
Разговаривает ли с Тарасом дорожный регулировщик у его памятника?
Читают ли студенты, курящие в дверных проемах, его романтические стихи?
А та барышня, что продает маковые казинаки возле площади Свободы, —
Поёт ли она с мечтателем о Кавказе?

Или женщина, которая моет туалет возле станции метро,
Или таксист у гостиницы «Харьков»?
Помнят ли они, что он осветил их темное подземелье
Сочным украинским словом, вернул воспоминания о народных
героях?

... Мелодия его когда-то удушаемых рифм на грани ощущения,
Едва узнаваемая в лицах, идущих по улице.

ВЕЧНОСТЬ

Стоя у вечности, ты дрожишь.
Это — ты и это — Родина.
Ты шумно хоронишь настоящее и бросаешь взгляд в прошлое.
Будущее ждет тебя яркими красками,
Теплыми красками.
В ускользающем свете поздней зимы, в лягании городской жизни...
Имена революционеров и умерших поэтов все ещё украшают
пейзаж.

ХЕРУВИМЫ

Почему в Харьковском соборе над арками всех окон второго
этажа —
Улыбающиеся лица херувимов?

Пары херувимов, их ангельские лица обрамлены легкими белыми
крыльями,
Ангельскими крыльями, похожими на жесткие накрахмаленные
воротники...

Дает ли церковь успокоение? Меня умиротворяет это тихое место,
Мягкий естественный свет, приглушенные голоса, орнаменты
И дистанция, на которой люди держат себя внутри храма.

Я безмолвен, но не исполнен благоговения.

ВЕНСКОЕ КАФЕ

Кафе в венском стиле,
С неописуемо вкусным маковым пирогом
И густым кофе,
Крепким и бодрящим.
Официантки в накрахмаленных белых кружевных блузах
И длинных черных фартуках
Виртуозно скользят меж посетителями
С подносами, уставленными сокровищами.

Я потягиваю свой капучино,
Почитывая газету,
Устроившись на венском стуле из гнутого дерева,
На мягкой красной полосатой подушке,
С узором в стиле барокко,
И думаю о своем детстве.

Далеко от Львова, Львіва, Лемберга.
В Бронксе,
В воскресный полдень,
Штрудель с маком
На кухонном столе моей бабушки.
Моя голова покоится на дверце маленького кухонного шкафчика,
Дверца намертво пришпилена шилом с деревянной ручкой.
Мое молоко так вкусно
С сочным сладким маком
В хрустящей золотой корочке теста...

Кафе находится
На Староеврейской улице.
Там же, где и моя квартира.
Бывшее гетто...
Призраки ста тысяч убитых,
Выкорчеванных из этих улиц,

Призраки с их желтыми звездами,
Нашитыми на рваные пальто...

Среди них —
Мои бабушки и дедушки.
Галина Любчонская сидит
В парке у фонтана возле Оперного театра,
Дора пьет чай в своей маленькой квартирке.
Нафтели продает свои товары.
Ансель пьет свое пиво.

И я,
Собирая пенку своего капучино
Кончиком серебряной ложки,
Представляю, что было бы, если бы я,
Акива, был там.
Со звездой, нашитой
На твидовом жилете.

УХОДИ

Уходи —
Я слышу свой голос вчерашнего «я».
Беззвучно он командует —
Внемли Вселенной!

Я слышу
Шаги старухи,
Живущей наверху,
Скулёж собаки в квартире напротив.
Слышу рабочих во дворе,
Замуровывающих кирпичом дверь,
Ведущую в подвал.

Я не слышу ни голосов из космоса,
Ни ветров совершенства.
Обыденная жизнь,
Отголоски реальности,
Зовут меня обратно.

ВДАЛИ ОТ СОЛЕНОГО ВОЗДУХА

Вдали от соленого воздуха
Старик созерцает облака
Над старыми церквями.
Сквозь темные очки
Он видит смутные очертания хищной птицы,
Парящей высоко над ним.
Поток машин
Не дает ему задремать,
Потерять связь с греющим воздухом
И зелеными ростками весны.
Он слышит щебет детей,
Играющих в парке.
Простота дня.
Как этот день ни сложится,
Облака будут плыть,
Автомобили мчаться,
Дети кричать.
И старик — созерцать.

ТЮЛЬПАНЫ СЕГОДНЯ

Тюльпаны оглушают
Бешеным красным цветом,
И блеклые серые облака
Ушли в никуда.
Моё сердце
Вибрирует в груди
От любви
К энергии
Во всем, что происходит вокруг.

КАРПАТЫ

Простор Западных гор
В темноте весеннего вечернего шторма.
Фермеры и их семьи спят.
На холме,
В глубине деревьев,

Сова пристально высматривает
Свою жертву.
В чаще,
Под звездами,
Все веселятся,
Пока не наступит рассвет.

Я

Я — бубенчик,
Я — ручей,
Я — слепящая роса
На весенней траве,
Я — приманка.

Будь осторожна,
Я тебя не стою,
Я буду красться,
Дабы обладать...

Забудь меня.
И я появлюсь.

*Перевод с английского
Марины Катаевой*

Исаак ПИРК

ТРИ РАССКАЗА

СЕКРЕТАРЬ

Иногда она захватывалась собой настолько, что начинала себя же пародировать:

— Ты постоянно полнишься секретами, как сундук, из тебя они скоро уже начнут высыпаться.

— Ничего, я повяжусь поясом.

— Ты как та Алиса из соседнего двора. Постоянно торочишь про норы, ведешь себя абсолютно не подобающе. Это почему? В чем причина?

— Секрет! — вскричала девочка с визгом, какого тетушка еще не слышала, и тут же убежала в заросли, походившие на те, что были у нее на голове. Правда, на голове были не зеленые, а, пожалуй, коричневые – наверняка это невозможно было понять. Ее взгляд навивал чувство обволакивающей тайны. Эти глаза изучали все мальчики во дворе, но никто так и не понял в чем их секрет. В чем он был?

— У тебя слишком много секретов, Минфи.

— У меня их очень-очень мало, я скоро останусь без них. Останусь без моих любимых друзей. Они такие хорошие.

— Это бессмысленно. Ни на что не годящаяся детская забава. Просто отвратительно...

— Тетушка, ты как старый голубь, все воркуешь и воркуешь...

— Да, я похожу на него. Ровно также, как ты на бабочку, красивейшую, но которой скоро не станет! Однодневка. Смешно на тебя смотреть. Никому ничего не рассказываешь. Придется за тебя все всем рассказывать.

— Очень хорошо, но ты ведь не знаешь, что рассказывать... Я вся без секретов. Я и так растеряла их, а ты просишь отдать тебе еще и еще, уже то, чего у меня нет!

— Мозгов у тебя нет, — деловито сказала тетя, и, поднявшись, как старый голубь, подобравши свое черно-синее платье, оттенками цвета схожий на одежду монашек, поковыляла из сада.

Девочка просто посмотрела на нее, и, ни слова не говоря,

принялась считать мысленно свои секреты. Но ее непослушные мысли выпархивали из головы прямо в воздух, как это делают милые зверьки, вырываясь наружу из клетки.

— Один... Два... Три... Четыре... Пять... Шесть... Семь... Восемь... Девя...

— Что это ты считаешь, деточка? — поинтересовался местный слуга.

— Ой, Снарт, отстань, — но немного погодя, растаяв под очень внимательным взглядом Снарта, девочка все же добавила: — Свои секреты!

— Когда я пришел, почему ты перестала?

— Ах, ну ведь понятно же, я не хочу, чтобы кто-то знал, сколько их у меня!

— Я слышал цифру шестьдесят девять.

— Это было только девять, ты глуховатенький, Снарт. Я говорила: восемь девять...

Выдержав молчание, то и дело нарушаемое пением птиц и шумом листвы, она заговорила:

— Прислали тебя сюда, верно?

— Ну... Да. Если честно, то да.

— Вода? — переспросила, заливаясь смехом девочка.

Посмотрев на нее перекошенным взглядом, Снарт сказал:

— М-м... Мне говорили, что у тебя специальный ум... Что ты не такая как все...

— Ах, Снарт, какой же ты дурачок, мы ведь живем вместе уже лет пятнадцать...

Он еще раз одарил этим взглядом.

— Слушай, почему ты никому ничего не говоришь?

— Секрет! Слушай Снарт... — с опаской продолжила она, — у тебя не взгляд, у тебя взгляд, — сказала девочка и засмеялась.

— Почему ты всегда говоришь секрет? И...

— Секрет! — она опять рассмеялась, как от невероятно смешной шутки.

— Тебе плохо?

— Секрет! У меня слишком мало секретов...

— Ты что секретарь? Ты секретарь, что у тебя полно секретов?

— Секрет!!! — она просто упивалась этим словом. Казалось, оно было самым любимым на свете.

— Слушай. Так ведь не вполне интересно жить. У тебя только одни секреты, и больше ничего. Вовсе не интересно, я тебя не понимаю.

— А как же то, что я красивая, стройная, у меня превосходные косы, красивый набор платьев, я самая красивая девочка в мире!!!

К ее красоте прибавлялось еще и то, что она была милой, благодаря умению общаться, например. Нельзя было сказать, что она не знала себе цену. Хотя вряд ли она эту «цену» понимала именно так.

— Ладно...

— Секрет!!! Снарт! Секрет!!!

Спустя две минуты, погруженных в паузу, он опять сказал:

— Мама говорила, чтобы, я спросил у тебя только лишь, что ты хочешь на свой праздник.

— Секрет!

— Это ясно, — с улыбкой на смуглом лице пояснил Снарт, — но я должен вывести у тебя это для нее. Просто так ты скорее получишь то, что желаешь больше всего.

— Секрет! Секрет! СЕКРЕТ!!!

Снарт скривил губы и, посмотрев на нее, слегка взбесился. Собираясь уходить к тетушке ни с чем, он взмахнул руками и с иронией проговорил:

— Хорошо, если бы это была история, какой бы у нее был конец?

— Секрет!

СТРАННЫЙ ДЕНЬ

Что было там, в том дне, кроме кустов серо-синих оттенков под тенью кроны, и царящей странности? Наверное, ничего.

– Ничего... – грустно потупившись в землю, выдал Понги.

– Эй... А сегодня день какой-то... ну очень странный, – проговорил Согг.

– Да. Только и успевай, что замечать эту странность. Ничего другого нет, да и времени на это нет.

– Это... Это какое-то оскорбление всего города! Везде полутень, солнце жарит, как большой желтый маньяк! Нас просто испепеляют. А теперь сюда пустили еще и эту странность. Будь ты проклята! Уйди!

– Да, сейчас она распадется, как сыр плавленый. Расплавится.

– Раньше мы расплавимся.

– Не-е-т... – глубокомысленно протянул Понги. – Раньше расплавится наше желание от нее избавиться.

– Я бы тоже так сказал.

– Брось, брось эти штучки, Согг. Тебе не свойственны важные внутренние решения. Ты сам как плавленый сыр, перекатывающийся и одетый в смокинг. В милую белую рубашечку, изнутри мокрую от пота, приплюснутую шляпу, пиджак, штаны, тоже черные и мрачные какие-то. И туфли. Тоже черные. Мать твою, – чуть хрипел от недостатка воды Понги. – Согг ты оделся на траур?

– Мальчик не говори так. Просто мне нечего надеть.

– Где? Где остальное?

Тот промолчал.

– Смотри, идет девушка, – сказал Понги и кивнул Согг.

– Миледи! – как будто споткнувшись на середине слова, закричал Согг.

– Да? – ответила нежным голосом леди.

– О-у, в тени этого дерева вы похожи на эльфа. – Раскрепощенность, которую трудно предугадать, взгляни на вас в первый раз.

– Какие комплименты... – Как то подозрительно ответила девушка.

– М-м-м... Не находите этот день странным?

– Да, он как вы. Вы... С вами все в порядке? – Обратилась она к

Понги. – Просто ваш друг постоянно вытирает шею, с тех пор как я подошла.

Понги посмотрел на него так, словно выливал взглядом огромнейшую бочку холодной воды, и улыбнувшись на все тридцать два, опять повернулся к девушке. Она носила фиолетовый лук. Фиолетовый зонтик. Фиолетовую шляпку, похожую на шляпку гриба, фиолетовое платье. И глаза тоже показались ему фиолетовыми, хотя на самом деле были голубыми и похожими на два стеклышка, запорошенных пылью. Впрочем, как и ее лицо.

– Тучи. Вы их видите? Белые, но явно тучи! – Восторженно воскликнул толстый Согг.

Девушка и Понги посмотрели на небо. На узком и каком-то мятлом лице Понги, укрытом щетиной, выразилось изумление.

– Дождь будет, – заговорчески произнес Согг.

– Эй, что это вы тут делаете? Небось, распиваете спиртные напитки?! – возмущенно сказал полицейский, по комплекции весьма напоминающий Согг. Девушка попыталась отойти, но Согг удержал ее, а Понги с храбростью произнес:

– Мы просто беседуем.

– Девушка, вы с ними?

– М-м... Да-а... Я с ними.

– Простите меня, – начал Согг. – Не находите ли в этом дне ничего странного?

– Я нахожу странный блеск в твоих глазах. Мне было четко сказано, что бы от моего глаза не укрылся ни один человек, пьющий в общественном месте. – Выдохнув, он продолжил: – Ну да, по правде денек очень странный. Посмотрите на эти тени.

– А гляньте на тех людей.

– Нет. Я не вижу в нем ничего странного, – возразила девушка.

– Это потому что вы пи... Почему?

– День как день.

– Смотрите, – сказал Понги, – эти люди... Они все... вот все идут. Идут как-то неестественно. Взгляните на их ноги!

Девушка продолжила пилить взглядом Понги.

– В этом дне не больше странностей, чем в вас привлекательных черт. То есть – их нет!

– Ах! В нем больше странностей, чем в вас привлекательных! Их там полно!

– Вообще-то не так уж и полно... – неловко добавил полицейский.

– Согг смотрит все это время, не просто смотрит, а вглядывается, как больной, в облака. Это странно!

– Решил посмотреть, что тут странного?

– Все! Все вокруг! Воздух слишком сухой и влажный одновременно. Под ногами какой-то холодок. Такой же, как и внутри вас в вашей душе. Как и на вашем лице.

– Мэм, это невозможно передать, но он говорит правду. Если вы не чувствуете, я ничего не могу поделать. Все вокруг как заколдованный круг. И вообще, мне как то не по себе.

– Вы посмотрите на этого остолопа. Как столб стоит и смотрит вверх.

– Это все чувствуют. Сегодня утром на работе начальник мне сказал, что все вокруг чертовски странно, и его это чертовски раздражает. И...

– Ну, хорошо. И что?

– Что?

– Что.

– Еще странно, что вся эта кутерьма никак не закончится.

– Да, никак не закончится, – виновато подтвердил полицейский.

– О чем вы?

– Вы не чувствуете? Не понимаете?

Она фыркнула и пошла, прикрываясь зонтиком от несметных лучей. Вдруг земля содрогнулась и асфальт поднялся вверх. Крыши домов поехали со стен, стены поприседали, повсюду стали подниматься столбы пыли. Земля затряслась, забилась, закувыркалась...

Невероятное землетрясение в девять баллов.

ТРИ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ

В одном немецком городке, название которого не важно (он был такой же, как и миллионы других городишек), обитал себе бедняк по имени Гелли. Там, где он жил было очень много нищих, и богачи любили устраивать с ними кое-что особенное... Они выбирали одного из своих, и этот избранный богач устраивал пир, роскошный — насколько мог. А чтобы добраться на пир — надо было заплатить. Нет, не им, а всего лишь вознице: чтобы попасть на праздник, надо было самому оплатить транспорт. У старого кучера, понятное дело, благодаря этому празднику тоже случался свой праздник. Но Гелли очень — очень любил рисковать. Впрочем, вот что из этого получилось.

— Будьте в шесть на этом же месте! — крикнул вдогонку вознице Гелли, по ходу фразы перестраивая голос с дерзкого на услужливый и мягкий. Ведь если вскричать дерзким — он может и не приехать.

Убрав руки, скованные холодом, в карманы серого, как его глаза пальто, Гелли направился к знакомому человечку, жившему в квартале бедняков. Опустив голову, и задумавшись, он шагал по улице усеянной различными атрибутами бедности — бедные люди, бедные окна, бедное небо (особо бедное в этом районе). Наконец, Гелли натянул подходящую улыбку на бледное от холода лицо, испещренное щетиной, и зашел в небольшой магазин. Звончек золотым голоском известил владельца, что к нему пожаловали гости, и тот отвлекся от чтения какой-то важной книги.

— Гелли? Чем могу? — бодрым и деловым голосом поинтересовался продавец.

— Слушай Скрайз, одолжи мне несколько копеек, мне не на... Я верну до пятницы.

— Ничего нового Гелли. Скажи, зачем они тебе?

Гелли принадлежал к той породе людей, которые предпочитают поменьше соприкасаться с другими, меньше говорить, но больше делать.

— Слушай я... Я собрался идти на пирушку богачей. Да, представляешь... Я хочу с кучером, с каретой, чтобы пышно, все такое...

— Довольно интересно, — сухо сказал Скрайз. — А что дальше?

— Дальше я хочу попросить денег... — несмотря на серое пальто, серые глаза и наверняка (как подумал бы каждый, разглядев морду Гелли) серую душу, он был невероятно выразительным человеком. Каждое слово содержало целый букет интонаций.

— Хорошо, горемыка. Сколько тебе нужно? — чувство дружбы внезапно, даже для самого владельца, разыграло в теплом сердце Скрайза.

— Мне... Мне только две...

— Нет проблем. Знаешь, Гелли, я бы советовал тебе держаться осторожно. Я ведь ни разу не бывал там, это же для бедных... Ах... Но ты подумай, там может твориться что-то ужасное. Бесплатный...

— Большое спасибо, — сказал Гелли, в душе яростно, а на словах вынужденно тихо, тактично и с почтением прерывая Скрайза.

Тот насупился и недовольно всунул ему в руку две монеты, такие же холодные как державшие их руки Гелли.

Выйдя, мужчина заметил, что небо было уже не такое бедное, и вокруг все как-то... Было краше, что ли.

Пройдя мост, и насладившись буйными водами реки, темно-сероватого оттенка, Гелли вдруг охватил ужас — одной монеты не хватало! Он играл ими всю дорогу, прошел мост и только сейчас заметил, что не одной из двух монет не достает. Проклятье! Черт! Конечно, не стоит идти обратно к лавочнику. Еще чего! Вот бы... вот бы... Валялась бы тут какая-нибудь монетка, хоть какой-нибудь грош, какой угодно, самый маленький, он, возможно, смог бы уговорить возницу, просил и хорошо просил бы: «ну, пожалуйста... даже если не хватит... кто угодно пусть... помогите мне, пожалуйста...» Ну... где же бог? Где же он, когда так нужен, черт побери! А дьявол... Ну, где он сейчас шляется? Он же может заполучить сейчас такую душу, такую...

В пыли блестел кусочек серебра. Блестел на солнце. Излучал странный и пугающий свет. Лихорадочными руками Гелли ухватил монетку и очистил от пыли. Он даже поцеловал ее. О, она сделана из серебра! Чудесно! Как и те две, что дал ему этот Скрайз! Боже ж ты мой, какая же удача!

— Господи, спасибо! — в порыве воскликнул Гелли, глядя на небо, постепенно затягивающееся облаками.

Он добежал до назначенного еще утром места, куда вот-вот должен был подъехать этот старый мерзкий возница, который, казалось, был

старее всего этого города. Тут вдруг по крышам неистово забарабанил дождь, и Гелли на ходу вскочил в подъезжающий экипаж. — Вперед! Вперед, ты!

— Деньги, — спокойно и равнодушно отрезал кучер.

— Ах ты, черт... — от продолжения лучше было воздержаться, что и сделал Гелли.

Достав заветные три монетки, он осторожно отдал их вознице.

— Молодой, ты лишнее дал, — уже более приветливо сказал возница и вернул Гелли монету. Ту самую монету.

— Ну что, трогаемся. Тебе куда? — уже и вовсе доброжелательно произнес кучер.

— Да к Дому что на Холму.

Усмехнувшись, кучер поправил шапку и они благополучно тронулись...

— Вы, я вижу, оттаяли, — попытался съязвить Гелли.

— Ну да. Знаешь, я постоянно злюсь и оттаиваю. У меня настроение, как чертов флюгер! Его лицо приняло красный оттенок.

Беседовать было не о чем, и Гелли, чуток поразмыслив, решил не продолжать разговор.

Пока они ехали, на него как будто набросилась стая бесят. То в жар, то в холод бросало бедного Гелли. Он не различал ни стен кареты, ни домов — ничего. Хорошо еще, что был жив. «Странно, дьявольски странно» — раздавался шепот в голове Гелли.

Он с усердием отгонял голоса, забравшиеся в его голову точно пчелы в улей. И вот так, пробираясь сквозь дождь, они ехали по серым улицам целую вечность. Гелли не мог точно определить сколько они ехали, он потерял чувство времени. Примерно час, или больше.

— Вот, — сказал возница, — мы приехали, господин.

Задыхаясь от тошноты, Гелли вывалился на улицу с открытым ртом. От бывшего величия дождя остались лишь редкие капельки. Но это не мешало Гелли быть мокрым — именно из-за этих капелек.

Дом на Холму стоял к великому удивлению на холме. На холме, поросшем дикими травами и объятom туманом.

С трудом на него взобравшись, Гелли убедился, что на Холме таки стоял Дом, а не что иное. Его, надо сказать, вовсе не было видно снизу. Женщина с миловидным лицом, одетая в серое пальто, с сединой в волосах заговорила с ним на французском, после, поняв,

что он ничего не понимает, на немецком. Акцент подтвердил гипотезу Гелли о том, что она родом из Франции.

— Сэр. Вы пришли на празднество? Я верно вас понимаю?

— Полностью, мадам. Легендарный Дом на Холме, подумать только. И как вас зовут?

— Мистер, просто пойдите за мной. Керьи, — погода со смущением в голосе добавила женщина.

С важностью, с которой она шагала, в этом городе (по крайней мере, без зазрения совести) могли ходить немногие. Все вокруг было тусклым и сонным. Блеклым, чудным, и странным. С Гелли сняли пальто, и усадили прямо за стол с тортами и винами всех вкусов. Публика за столом состояла из всяких оборванцев, играющих со своим лицом, пытаясь вылепить из него аристократическое. Большинство сидели в непонимании и грязной одежде. Одни ликовали от счастья и набирали в руки все, что пожелает душа, другие упражнялись в брезгливых взглядах.

Гелли уже с аппетитом взялся за вилку, чтобы подцепить жареной рыбешки, но неожиданно для себя весь затрясся. Гелли охватила судорога, ему кругом стали чудиться гнилые запахи. Как будто он попал внутрь тухлого яблока, которое еще и прожевали.

Пощечина леди Керьи быстро привела его в чувство. Ее суровый взгляд устался на него. Похоже, его привели в чувство и выставили из легендарного дома. Подумать только...

Гелли был не в том настроении чтобы извиняться. Он просто закутался в серое пальто и, ничего не говоря, с хмурым видом направился вниз.

Шагая по городу, Гелли размышлял, почему все так несправедливо. Кое-какая мысль заглянула в его голову: все началось как только он поднял ту монетку! Разозлившись, Гелли не раздумывая швырнул ее в речку. Поглядев с моста минутку в то место, куда упала монетка, он твердо решил, что следует поскорее завязать с выпивкой.

Привычно и теперь уже беззаботно, Гелли сунул руки в карманы. Кажется, он победил. Но, о чудо! Какая удача, он нащупал что-то холодное. Вытащив это «что-то» под блеклый свет луны, он понял, что держит в руках монетку. Ту самую. Но это невозможно! Наверное, он выбрасывал в реку другую.

Недолго думая, Гелли швырнул ее перед собой прямо в грязь.

— Аллилуйя, — проговорил он тихо и наступил на монетку изо всей силы. И тут же, подскользнувшись, упал с криком в грязь.

«Нет, это, конечно, невозможно, но вдруг... — думал он, не замечая вонючего месива на пальто. — Знаете ли...»

И Гелли снова сунул руку в серый карман. Остановился. Сглотнув, он сжал в ладони серебряную монетку и подбежал к толстому прохожему, плетущемуся по улице с двумя сумками в руках.

— Хочешь? Держи, — сказал Гели, и, не дожидаясь ответа, передал оторопевшему проходимцу монетку.

— Сэр, премного благодарен, — пробормотал проходимец.

— Не стоит, — злостно, почти крича, ответил Гелли.

Он пошагал дальше, отмахиваясь от мыслей про монетку. Голова слегка кружилась. Это нормально. После такого-то ливня. Хотя аргументы были не слишком убедительны, Гелли им охотно верил — верить больше было не во что.

Подойдя к дому, Гелли облегченно распахнул дверь и в полутьме, не раздеваясь, прошел в спальню. Во сне он был пожираем демоном. Он жрал его ненасытно, но Гели, развалившийся на части, регенерировался в его желудке. Его боль была постоянна и чудовищна. Так Гелли проспал два дня, пойманный в безумный сон, как в ловушку.

— Да, это понятно, — заявил человек с гладким лицом.

— У нас еще один пациент. Его уже везут сюда, — горячо толковал Глоф. — Зовут Голли, или как-то так. Твердит что-то про монету. Представляешь, она приносит ему ужасные беды, хочет убить его, что он ее выбрасывает, а она, якобы, вечно к нему возвращается. Ха-ха-ха! Чего бы стоила его выдумка, будь она описана в книжке...

— П-ф-ф... Это ж надо такое придумать, Глоф.

— Да я, собственно, про что и говорю. Опять же, вот как потвоему монета может влиять на человека? Ее же просто можно отдать. Купить шляпу. За серебряную-то.

— Знаешь, я полностью согласен. Незнание элементарного — ужасно.

— Bravo парень, — ехидно заметил Глоф. — Сказал, как отрезал, — потешался парень. — Слу-у-шай, тебе бы мыслителем быть, а не санитаром. С жаром, с чувством толкуешь. Видно, что поставлен слог, так сказать.

— Хорошо, я пойду, а ты прими этого Гунли, как приедет. И да, про осторожность не забывай, — сказал толстяк и скрылся в дверях лечебницы.

— А все же чудные люди живут в этом городе, — промолвил Глоф и погрузился в свои мысли, задумчиво продолжая работу.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ Лилия родилась на Кубани, в г. Кореновске. Закончила факультет иностранных языков Харьковского государственного университета (1980). Работает в International House, преподаёт английский язык. Автор романа-сказки «Басси и Брысс» (2013) и двух повестей (2017). Живёт в городе Харьков (Украина).

КАЛИТЯК Вероніка народилася в селищі Ланчин Надвірнянського району Івано-Франківської області. Магістр факультету філології Прикарпатського національного університету ім. Василя Стефаника. Викладає англійську та українську мови, українську та світову літератури, ілюструє книги. Авторка малої прози та збірки «Мерехтливє сяво» (2015), лауреат Міжнародної німецько-української премії імені Олеся Гончара у номінації «Проза: роман або повість», лауреат Всеукраїнського конкурсу малої прози імені Івана Чендея. Публікувалася у білоруському часописі «Малодосць» (2020), журналі «Перевал» (2018). Мешкає в місті Івано-Франківськ (Україна).

КРАСНЯЩИХ Андрей Петрович родился в Полтаве. Окончил Харьковский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы и классической филологии. Автор двух книг. Публиковался в журналах «Новый мир», «Искусство кино», «НАШ», «Новая Юность», «Прочтение» и др. Финалист премии «Нонконформизм» (2013, 2015), лауреат «Русской премии», литпремии им. О. Генри «Дары волхвов» и премии «Нового мира» (2015). Сооснователь и соредатор литературного журнала «©оюз Писателей». Живёт в городе Харьков (Украина).

ОМЕЛЬЧЕНКО Василий Михайлович родился в Украине (1931). Детство, юность и молодость прошли в Сибири. Работал грузчиком, радистом, гидрологом, журналистом. Автор трёх десятков книг. Романы, повести, рассказы издавались большими тиражами, переводились на иностранные языки. Лауреат республиканской премии имени В.Г.Короленко, дважды лауреат конкурса «Мастер» еженедельника «2000» и Национального Союза журналистов Украины. Живёт в городе Харьков (Украина).

ПИРК Исаак родился в Харькове. Художник (работы маслом) в стиле авангард. Прозаик (в стиле fake mystery). В Украине публикуется впервые. Живёт в городе Инвернесс (Шотландия).

САЖИНСЬКА Ірина – поетка, ілюстраторка. Народилась у Запоріжжі. Авторка збірки поезій «Приблизькість» (2016). Публікувалась в альманахах, часописі, колективних збірках, антологіях. Відзнаки: Всеукраїнський літературний конкурс «Хортицькі дзвони» (2014), Міжнародний літературний конкурс «Гранослов» (2017), Літературний конкурс «Витоки» (2017). Вірші перекладено польською мовою. Мешкає в місті Запоріжжя (Україна).

СВЕДЛОВ Ендрю Джей — доктор философии, профессор истории искусств и бывший декан Колледжа исполнительских и изобразительных искусств в Университете Северного Колорадо, ранее был президентом Нью-Гэмпширского института искусств и помощником директора Музея города Нью-Йорка. Публиковал свои стихи в региональных и национальных журналах. Сочетал свою работу в качестве визуального художника со своей поэзией в многочисленных проектах и выставках. Был стипендиатом программы Фулбрайта в рамках японо-американской программы международного образования 2010 года в Украине (Харьков и Львов). Опубликовал ряд книг по истории искусства, стремится познакомить аудиторию с междисциплинарными аспектами истории и современными проблемами изобразительного искусства и поэзии. Живет в городе Лавленд, штат Колорадо (США)

СТАВНИЧУК Руслана Миколаївна народилась на Хмельниччині. За освітою — юрист, за станом душі — поетеса. Її твори побачили світ на сторінках регіональних, всеукраїнських та міжнародних видань. Лауреат низки літературних конкурсів. Мешкає в місті Деражня (Україна).

ЧЕКАНОВ Евгений Феликсович родился в Кемерове (РФ). В 1979 году окончил отделение истории факультета истории и права Ярославского Государственного университета. Более тридцати лет работал в ярославской прессе. Поэт и переводчик, автор полутора десятков поэтических книг. Живет в городе Ярославле (РФ).

ШЕВЦОВА Ася ШЕВЦОВА Анастасия Сергеевна родилась в Харькове. Высшее образование по трём специальностям: физиология, английская филология, медиа-коммуникации. Работает в сфере IT. Поэт, выпускница литературной студии «Зав'язь». Учасниця літературних семінарів і фестивалей 2014-16 гг. Член НСПУ з 2016 г. Автор поетического сборника «Небесный рок-н-ролл» (2015). Живет в городе Харьков (Украина).

СОДЕРЖАНИЕ

ВІД РЕДАКТОРА

Леонід МАЧУЛІН. В майже ювілейному	3
--	---

ПОЕЗИЯ

Ірина САЖИНСЬКА. Своя мова	4
Ася ШЕВЦОВА. «Да причём тут синоптики и дожди?»	29
Руслана СТАВНІЧУК. «Любов буває гірше пекла»	159
Евгений ЧЕКАНОВ. Стихи разных лет	173
Эндрю СВЕДЛОВ. «Я безмолвен, но не исполнен благословения»	196

ПРОЗА

Вероніка КАЛИТЯК.	
Гарячий віск	14
Вбережи нас від наглої смерті.....	23
Лилия АЛЕКСАНДРОВСКАЯ. Эфенди	39
Исаак ПИРК. Три рассказа	202
Секретарь.	202
Станный день	204
Три серебряные монеты	207

РОДИНОВЕДЕНИЕ

Василий ОМЕЛЬЧЕНКО. Три матери Алешки-Али	164
---	-----

ЮБИЛЕИ

Андрей КРАСНЯЩИХ. Писатели в Харькове. Бунин.....	185
---	-----

АВТОРЫ ЖУРНАЛА

Биографические справки	213
------------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№40

Гл. редактор Л.И. Мачулин
Редактор отдела поэзии Р.А. Катаева

Корректор А.Н. Балабанова
Художественный редактор В.В. Вербицкий
Вёрстка А.И. Забродин

Подписано к печати 30.06.2020. Формат 70х108 1/16.
Бумага офсет. Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCond СТТ.
Уч.-изд. л. 14,70. Изд. №11. Зак. №__. Тир. 250 экз.

Адрес редакции для писем:
e-mail: editor2016@ukr.net
<http://knigoizdat.org.ua/>

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: сер. ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331